

ФИЛИПП ДЖЕНКИНС

ВОЙНЫ ЗА БОГА

НАСИЛИЕ
В БИБЛИИ

The bottom half of the book cover features a high-contrast, black and white image. It shows the silhouettes of several people, likely a crowd, with their arms raised in the air. The background is a light, textured yellow, suggesting a bright, possibly outdoor setting. The overall effect is one of intense emotion or protest.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД
НА ШОКИРУЮЩИЕ
БИБЛЕЙСКИЕ
ИСТОРИИ

LAYING DOWN THE SWORD

*Why We Can't Ignore
the Bible's Violent Verses*

PHILIP JENKINS



HarperOne

An Imprint of HarperCollins Publishers

ФИЛИПП ДЖЕНКИНС

ВОЙНЫ ЗА БОГА

НАСИЛИЕ
В БИБЛИИ



ЭКСМО
Москва
2013

УДК 27
ББК 86.37
Д 40

Philip Jenkins
LAYING DOWN THE SWORD
Why We Can't Ignore the Bible's Violent Verses

Перевод с английского *Михаила Завалова*

Макет *Елены Ененко*

Оформление серии *Петра Петрова*

Дженкинс Ф.
Д 40 Войны за Бога : Насилие в Библии / Филипп Дженкинс ; [пер. с англ. М. И. Завалова]. — М. : Эксмо, 2013. — 448 с. — (Религия. Война за Бога).

ISBN 978-5-699-63747-8

Захватнические войны, беспощадные расправы над невинными, расовая дискриминация и геноцид во имя Бога — хватит ли современному читателю Библии душевных сил, чтобы постичь смысл всех кровавых историй Священного Писания? Почему многие верующие упорно игнорируют, стремятся предать забвению или утешаются надуманными объяснениями трудных мест Библии? Как повлияли жестокие тексты Библии на ход истории? К каким шокирующим выводам мы придем, добросовестно сравнив Библию и Коран? Что делать с Библией такой, какая она есть, сегодня? Автор этой провокационной и очень своевременной книги о насилии в священных традициях иудаизма, христианства и ислама бросает вызов всем нашим представлениям о религии, кровопролитии и терроре.

УДК 27
ББК 86.37

© 2011 by Philip Jenkins.

Published by arrangement with HarperCollins Publishers, Inc. All rights reserved.

© Завалов М.И., перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-63747-8

Содержание

ОТ АВТОРА.....	9
----------------	---

ОПРЕДЕЛЕНИЯ	10
-------------------	----

ВВЕДЕНИЕ. СОРИНКА И БРЕВНО	13
----------------------------------	----

Насилие и Коран	15
-----------------------	----

Заглянем в Библию.....	20
------------------------	----

Библейские каноны ненависти.....	26
----------------------------------	----

Пощадишь врага — будешь проклят.....	29
--------------------------------------	----

Священная амнезия	34
-------------------------	----

Забыть — перестать мучиться.....	40
----------------------------------	----

Почему опасно забывать	43
------------------------------	----

Старая Библия и новые христиане	47
---------------------------------------	----

Жестокие библейские тексты и атеизм	51
---	----

Правда и примирение.....	53
--------------------------	----

I. КРОВОЖАДНЫЕ ТЕКСТЫ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ

1. УНИЧТОЖЬТЕ ВСЕ ДЫШАЩЕЕ.....	59
--------------------------------	----

Истории, полные ужаса.....	60
----------------------------	----

Убийственная святость	64
-----------------------------	----

Войны Иисуса Навина	67
---------------------------	----

Приказание убивать	73
--------------------------	----

Соппротивление Господне	79
-------------------------------	----

Бог ожесточил их сердца.....	82
------------------------------	----

2. А БЫЛО ЛИ ТО, О ЧЕМ НАПИСАНО В БИБЛИИ?.....	86
Прислушиваясь к разным голосам.....	87
Второй закон.....	90
Потерянные 500 лет истории.....	92
Никакого завоевания Земли обетованной не было?..	94
Откуда пришли таинственные еврейские воины?	99
Кому понадобился миф о героическом прошлом? ..	106
Роковые пороки жителей Ханаана.....	110
Нетолерантный Бог.....	112
Иноземным женам не повезло	118
3. ЯЗЫК МЕЧА.....	122
Градации жестокости в священных текстах.....	125
Бог ужаса и террора.....	127
Адский огонь	131
«Срок годности» священного текста.....	136
Коран и евреи.....	139
Миф о ненависти к евреям.....	143
Народ Книги.....	146
Поддельный Коран	149
Книги и их эпохи.....	153
 II. ВЛИЯНИЕ ЖЕСТОКИХ ТЕМ БИБЛИИ НА ХОД ИСТОРИИ	
4. СЫНЫ ИИСУСА НАВИНА	159
Наследники завоевателей	160
Иисус из Назарета и Иисус Навин.....	162
Глина и горшечник.....	165
Августин: послушание приказам	169
Реформация: Божий суд на практике	172
Попытки буквалистов защитить авторитет Библии ..	176
Проклятые расы	178
Эра холокоста	185
Защита геноцида	188
Геноцид в Интернете.....	192
5. ПРИКАЗ О ПРОВЕДЕНИИ ГЕНОЦИДА.....	195
Войны Завета	196
Священная война vs. Справедливая война.....	199
Католики и амалекитяне	205

Амалек в Америке	211
Христианские империи.....	215
Vernichtung	218
И народ ответил: «Аминь»	222
6. АМАЛЕКИТЯНСКИЕ КОШМАРЫ.....	225
Священная война	227
Вечный амалекитянин	230
Толкование истории об Амалеке	236
Новый Израиль	238
Земля, которую предстоит покорить.....	241
Арабы как амалекитяне	244
Священное насилие	248
Евреи как амалекитяне.....	251
Не забывай об Амалеке	256
III. ЧТО ДЕЛАТЬ С ЖЕСТОКИМИ БИБЛЕЙСКИМИ ТЕКСТАМИ НАМ	
7. СУД НАД БОГОМ.....	261
Дарт Вейдер	264
Две Библии и два бога	267
Торжество разума	271
Бог против закона.....	274
Отказ от Бога.....	278
8. ПОПЫТКИ ПРИРУЧИТЬ ПИСАНИЕ	285
Оправдание зла.....	287
Смягчение и облагораживание	292
Понимание в духовном смысле	295
Внутреннее завоевание	299
Нераскрытая тайна.....	301
Резня в благочестивых гимнах.....	305
Цензура.....	308
Лекарство для дурных текстов.....	314
9. ИСТОРИКИ И ПРОРОКИ.....	325
История и вера.....	325
Прогресс веры	329
Вера пророков	333

Бремя избранных.....	336
Девтерономист(ы): попытка датировки	342
Единый Бог.....	345
Для всего мира	348
10. ПРОПОВЕДЬ НА ОСНОВЕ САМЫХ НЕВЫНОСИМЫХ ТЕКСТОВ	352
Запрещенные приемы.....	355
Чистое истолкование	363
Целостное истолкование	366
Истолкование «снизу»	370
Примирение под столом.....	374
11. ТОЛЬКО ПИСАНИЕ?	376
Писания и опыт	377
Жестокая религия.....	382
Ислам и насилие	386
ПРИМЕЧАНИЯ	392
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.....	441

От автора

Я

хотел бы поблагодарить коллег и друзей, с которыми мне приходилось обсуждать разные аспекты данной книги или которые давали мне советы. Это такие люди, как Нахман Бен-Иехуда, Кристиан Брэди, Джонатан Брокопп, Барух Гальперн, Пол Харви, Томми Кидд, Гари Кнопперс, Грегг Ребер и Эрик Сейберт. Если на страницах моей книги есть какие-либо ошибки, касающиеся фактов, религии или вероучения, в них не следует винить данных людей. Я также благодарен Гарэту Куку из газеты *Boston Globe*, с которым я начал говорить об идеях, изложенных в данной книге. Я признателен моему литературному агенту Элиз Чени и моему редактору в издательстве HarperOne Роджеру Фриту. И более всего я хочу поблагодарить мою жену Лиз Дженкинс.

Определения



основном в этой книге речь пойдет о священных текстах, которые евреи называют словом «Танах» или просто Библией. Христиане считают, что эти книги составляют лишь часть Библии под названием «Ветхий Завет», хотя многим не нравится этот термин, поскольку он косвенно предполагает, что эти тексты каким-то образом устарели или вышли из моды. Поэтому многие авторы предпочитают использовать нейтральный термин «Еврейская Библия», хотя это тоже порождает свои проблемы. Если Ветхий Завет — это Еврейская Библия, значит, Новый Завет можно считать Греческой Библией или Греческим Заветом, но такое употребление слов не отдает должного тому факту, что христиане считают авторитетными *обе* эти части Писания. Иногда я буду использовать термин «Ветхий Завет», отчасти

потому, что в моей работе речь пойдет преимущественно о христианском понимании Писания. Тем не менее, когда я использую этот термин, его мысленно следует брать в кавычки.

Библия, и особенно Ветхий Завет, создавалась на протяжении многих столетий, в ее создании участвовало множество авторов и редакторов. Мало кто из ученых сегодня, например, согласится с тем, что Моисей был автором части или всех книг, которые называют Исход и Второзаконие. Тем не менее многие из авторов, о которых речь пойдет в моей книге, не были знакомы с их выводами, а потому, размышляя о Второзаконии, думали о том, как сам Моисей мог сказать те или иные слова. Поскольку меня здесь в первую очередь интересует, как текст понимали и запоминали, иногда я буду говорить так, как если бы Второзаконие было текстом, написанным Моисеем.

Открыв Коран, мы сталкиваемся с подобными проблемами авторитета и аутентичности. Правоверный мусульманин считает, что этот текст был непосредственно продиктован Богом, а пророк Мухаммед не играл практически никакой роли в его создании или редактировании. И уже только поэтому было бы неправильно начать предложение со слов: «Как говорит пророк Мухаммед в Коране...» Поскольку я не мусульманин, я не верю в то, что этот текст создавал исключительно Бог, и полагаю, что Мухаммед в той или иной мере участвовал в его создании. Вопрос об авторстве становится еще более сложным в свете некоторых нынешних теорий, согласно которым отча-

сти Коран обязан своим происхождением другим более древним текстам, как христианским, так и иудейским.

Если это не оговорено в примечаниях, я всегда пользовался переводом Библии King James Version. В отдельных случаях я отдавал предпочтение современному переводу, когда он был понятнее, благозвучнее или точнее.

Введение

Соринка и бревно

С точки зрения практического использования нашего интеллекта забвение играет не менее важную роль, чем запоминание.

Вильям Джемс



Мы знаем, о чем думали террористы-смертники по пути в аэропорты 11 сентября 2001 года. Дрессировщики из Аль-Каиды предписали им размышлять о двух пространных сурах, то есть главах, Корана: о суре *Аль-Анфаль* («Добыча») и суре *Ат-Тауба* («Покаяние»). Это мучительные тексты. Бог обещает «бросить в сердца тех, кто склонен отвергать истину, страх», и призывает: «бейте же их по шеям». Бог предписывает своим мусульманским приверженцам убивать неверующих, брать их в плен, нападать на них из засады:

А когда кончатся месяцы запретные, то избивайте многобожников, где их найдете, захватывайте их, осаждайте, устраивайте засаду против них во всяком скрытом месте!

О пророк! Борись с неверными и лицемерами и будь жесток к ним. Их убежище — геенна¹...

От слова, которое переводится как «борись» в последнем приведенном выше стихе, происходит термин *джихад*, и позднее сторонники джихада опирались на эти тексты².

Террористы не должны останавливаться перед убийством своих пленников. Как внушили им наставники, сам Бог сказал Мухаммеду, что «пророк не должен хранить у себя пленников, пока он не пропитает землю кровью». Надо совершать все, что можно, ради стремления к священной цели, описанной в суре *Аль-Анфаль*: «устрашите врага Аллаха и вашего врага»³. Быть может, в последние минуты своей жизни террористы находили опору в этих текстах, где сам Бог открыто прославляет акции устрашения и убийство.

Эти же слова вдохновляли и других экстремистов. Когда майор армии США Нидаль Хасан в 2009 году устроил кровавую бойню в Форд-Худе, штат Техас, власти попытались разобраться в том, какая идеология стояла за этим преступлением. Выяснилось, что за два года до бойни Хасан вещал своим изумленным коллегам-немусульманам о требованиях Корана и, в частности, цитировал такой стих из суры *Ат-Тауба*: «Сражайтесь с теми, кто не верует в Аллаха и в последний день, не запрещает того, что запретил Аллах и Его посланник, и не подчиняется религии истинной — из тех, которым ниспослано писание, пока они не дадут откупа своей рукой, будучи униженными»⁴.

И н ы е места В Коране **могут нас шокировать**

Иные места в Коране могут нас шокировать. В одном стихе звучит такое предостережение: «Воздаяние тех, которые воюют с Аллахом и Его посланником... в том, что они будут убиты или распяты». Другой начинается так: «А когда вы встретите на поле боя тех, которые не уверовали, то — удар мечом по шее». Когда Осама бин Ладен в 1996 году провозгласил о войне против Запада, он процитировал этот стих и другие тексты сур *Аль-Анфаль* и *Ат-Тауба*⁵.

Насилие и Коран

Коранические тексты обладают особой силой по той причине, что правоверные мусульмане видят в Коране священное слово Бога, буквально записанное пророком Мухаммедом. Это одно из главных отличий Корана от Библии.

Даже самые твердые фундаменталисты из числа христиан считают, что священные тексты Библии были созданы почтенными историческими героями, такими как пророк Исайя или апостол Павел, а это значит, что какие-то странности текста можно объяснить предрассудками этих людей. Коран не оставляет такой возможности. Для верующего каждое слово этого текста — какой бы ужас ни вызывал тот или иной отрывок у современного человека — исходит непосредственно от Бога⁶.

Западные критики считают, что Коран вдохновляет насилие джихада и глобальный терроризм. Относятся ли эти критики к секулярным консерваторам, христианам евангелического направления или сионистам, защищающим государство Израиль, все они единодушно считают, что Коран содержит призыв к терроризму и пропагандирует

Для мусульманина каждое
слово Корана — какой бы
ужас ни **вызывал тот** или
иной отрывок у современного
человека — **исходит непосредственно**
от Бога.

ненависть. Каким образом, спрашивают они, огромный мусульманский мир может примириться с современностью, если священное писание, на котором основан ислам, содержит такие глубокие дефекты? На одном из многих антиисламских веб-сайтов появилась статья с такими словами: «Для того чтобы понять, что ислам не есть религия, исходящая от Бога, но опасный культ, в котором ценятся ненависть и насилие, вам достаточно просто прочесть Коран». Христианин евангелического направления Франклин Грэм утверждает, что Коран «проповедует насилие». Голландскому политическому деятелю Герту Вилдерсу было предъявлено обвинение в разжигании ненависти в связи с его фильмом «Фитна», где он требовал запретить Коран, видя в нем современный эквивалент книги Адольфа Гитлера «Майн Кампф». Американские консерваторы Пол Уэйрич и Уильям Линд утверждают, что «ислам, если просто сказать, есть религия войны», и говорят, что мусульманам следовало бы покинуть территорию США. Телепроповедник Пэт Робертсон видит в исламе даже не религию, но «опасную политическую систему, которая стремится к свержению мировых правительств и мировому господству». В 2009 году был проведен опрос среди протестантских пасторов США, и он показал, что 70 процентов из них считает ислам опасной верой. Когда в 2010 году возникли споры вокруг вопроса о создании Мусульманского центра в Нью-Йорке на месте катастрофы 11 сентября, многие говорили о том, как много насилия в Коране⁷.

Эти критики не согласны с тем, что злодеяния экстремистов, таких как члены Аль-Каиды, лишены религиозных корней, или что террористические акты, совершенные во имя ислама, представляют собой извращение этой религии, или что «подлинный» джихад представляет собой только лишь внутреннюю духовную битву. Напротив, говорят эти критики, насилие и терроризм суть закономерные и неизбежные следствия приверженности исламу и влияния его священных текстов. Когда, например, в 2008 году Министерство внутренней безопасности США заявило, что исламисты исказили истинное значение слова «джихад», это вызвало возражения со стороны консервативного критика Эндрю Мак-Карти. Он писал:

В Коране в суре 9:123 (если взять только один пример из многих) говорится: «О вы, которые уверовали! Сражайтесь с теми из неверных, которые близки к вам. И пусть они найдут в вас суровость. И знайте, что Аллах — с богобоязненными!» Что же здесь было «искажено» террористами, как нас хочет уверить Министерство внутренней безопасности? Разве это они выдумали, что ислам повелевает мусульманам «сражаться с теми из неверных, которые близки к вам», чтобы последние «нашли в вас суровость»?

Многие полагают, что Западу угрожает не «радикальный ислам», не «ислам экстремистов» или «исламский фундаментализм», но просто сам ислам в его чистом и простом виде. Мак-Карти пишет: «Неверно говорить, что между массой му-

сульман и террористами существует «радикальное» расхождение. Это расхождение тонкое и касается лишь деталей»⁸.

Еще убедительнее для критиков звучат слова бывших мусульман, отказавшихся от своей веры, которые утверждают, что ислам насквозь пропитан насилием и нетерпимостью. Так, недавно мир прислушался к предупреждениям Айна Хирси Али, рожденной в Сомали активистки в сфере защиты прав человека, деятельность которой привела к тому, что в Голландии она опасается за свою жизнь, на которую покушаются исламские экстремисты. Всем известен и Мосаб Хассан Юсеф, сын одного из основателей палестинской группы Хамас, оставивший ислам. На протяжении нескольких лет он исполнял роль двойного агента, работая на израильскую разведку, а затем открыто отказался помогать палестинцам и заявил, что он обратился в христианство. Юсеф безжалостно критикует ислам в целом и особенно его священные тексты, которые, как он утверждает, пропитаны насилием и лицемерием. Хотя он согласен с тем, что обычные мусульмане миролюбивы, он считает, что это объясняется лишь тем, что они игнорируют некоторые крайне опасные ключевые положения своей веры, которые отражены в агрессивных стихах суры *Ам-Тауба*. Юсеф утверждает, что Коран представляет собой «учебник войны для исламских террористов», что он призывает убивать невинных людей и что поэтому всю эту книгу следует запретить в США и странах свободного мира. Необычная группа под назва-

нием «Мусульмане против шариата» предприняла попытку создать новый Коран, откуда будут исключены самые агрессивные и спорные стихи⁹.

Некоторые критики из числа немусульман считают, что отдельные священные тексты ислама так глубоко пропитаны ненавистью, что их следовало бы запретить. В 2008 году еврейские группы из Университета Южной Калифорнии заявили протест против использования Мусульманской студенческой ассоциацией текстов Хадиса, сборника речений, приписываемых пророку Мухаммеду, авторитет которого близок к авторитету самого Корана. Протестующие обратили внимание на то, что на сайте Мусульманской ассоциации размещены резкие слова Хадиса в адрес евреев, и власти университета потребовали убрать эти оскорбительные тексты. Американцы обычно не склонны подвергать цензуре священные тексты любой религии, если только они не содержат прямого призыва к насилию и ненависти¹⁰.

Заглянем в Библию

Многие западные люди видят в исламе нечто вроде темной тени собственной веры и считают, что слова Корана радикальным образом отличаются от слов священных текстов, которых они сами придерживаются. Как полагают обычные христиане и иудеи, Коран призывает к войне, тогда как Библия говорит о любви, прощении и милосердии. Пророк Михей дал следующее резюме заповедям Бога, дан-

ным его народу: «творить справедливость, любить милосердие и смиренно ходить пред Богом». Христиане вспоминают слова распятого Иисуса: «Отче, прости им, ибо не ведают, что творят» ^{11, 12}.

Но если говорить о призывах к насилию и кровопролитию, любое поверхностное заявление о том, что Библия здесь стоит гораздо выше Корана, было бы крайне несправедливым: слишком легко увидеть соринку в чужом глазу, не замечая того, что у тебя в глазу бревно. На самом деле в Библии тоже есть тексты про кровь и насилие, которые на протяжении столетий мучили верных читателей и стали привлекать к себе еще больше внимания на фоне нынешних споров о связи религии с насилием. В частности, здесь уместно вспомнить о книге Джона Коллинза «Оправдывает ли Библия на-

Если говорить о призывах
к насилию и кровопролитию,
любое поверхностное
заявление о том, что Библия здесь
стоит гораздо выше Корана, было бы крайне
несправедливым

силе?» и книге Эрика Сейберта «Опасное поведение Бога». Тем не менее эти мрачные тексты слишком часто игнорируют, тогда как они заслуживают внимания. Это позволяет христианам и иудеям самоуверенно критиковать Коран как милитаристский манифест, отражающий варварство древних народов¹³.

В Библии можно найти много «текстов террора» (выражение американского богослова Филлис Трайбл), и библейское насилие иногда носит крайне дикий характер. Так, многие любят Псалом, начинающийся словами: «Там, у рек Вавилонских сидели и плакали мы, вспоминая Сион», однако в конце его говорится о блаженстве того, кто разобьет череп вавилонского младенца о камень¹⁴. Нет сомнений в том, что Коран призывает верных сражаться, но там также говорится о милости к сдавшимся врагам. В некоторых же пугающих библейских отрывках, напротив, содержится призыв к полному уничтожению врагов, всех семей и народов, — мужчин, женщин и детей и даже их скота, чтобы от них не осталось ничего¹⁵.

Если бы христиане или иудеи захотели найти библейские тексты для оправдания терроризма или этнических чисток, они бы столкнулись лишь с той проблемой, что таких текстов невероятно много¹⁶. Допустим, кто-то хочет оправдать поведение террориста-смертника. Коран мало что прямо говорит на эту тему, за исключением общих призывов к войне во имя Бога. Зато некоторые библейские отрывки как будто специально созданы для этой цели. Вспомните о герое Самсоне,

В некоторых библейских
отрывках содержится призыв
к полному **уничтожению**
врагов, всех семей и народов, —
мужчин, женщин и детей и даже
их скота, чтобы **от них не осталось ничего**

которого взяли в плен в Газе и ослепили, но он, тем не менее, был готов обрушить здание храма на головы множества своих мучителей:

«Пусть я умру вместе с филистимлянами!» — воскликнул Самсон. Он изо всех сил налег на столбы, и дом обрушился — на филистимских правителей и на всех, кто там был. Самсон, умирая, убил еще больше врагов, чем при жизни!¹⁷

Можно ли найти текст, который бы лучше оправдывал поведение современных террористов-смертников — в той же Газе или где-то еще?

Более всего кровавых текстов мы найдем в библейских книгах, повествующих об истории детей Израиля после бегства из Египта, когда они покоряют свою новую территорию —

землю Ханаана. Эти события предвещает книга Второзаконие, в которой Бог провозглашает: «Будут пьяны от крови стрелы Мои, будет Мой меч пожирать плоть». Далее следует настоящая оргия милитаризма, порабощения и расовой войны в Книге Иисуса Навина и Книге Судей. Сам Моисей неоднократно высказывает одобрение этой кампании, когда говорит своим последователям, что, придя в Ханаан, они должны уничтожить все народы в местных городах — особенно в тех, что предназначены для евреев¹⁸. Воюя, они должны следовать правилу *херема*, когда города подпадают под заклятие. Эти правила требуют, чтобы все живое, что только есть в городе, все дышащее было уничтожено и стало как бы массовым принесением людей в жертву. Бог повелевает: не оказывайте им милости! Иисус Навин, преемник Моисея, показывает, что он хорошо усвоил это повеление. Покорив город Гай, он, повинаясь указанию Бога, забирает себе домашних животных и добычу, а двенадцать тысяч жителей города предает смерти. Разбив в битве и пленив пятерых царей, он убивает военнопленных, вешая или распиная их¹⁹. Если бы воины Иисуса Навина и бывшие после него судьи совершили подобные действия в современном мире, наблюдатели не задумываясь обвинили бы их в военных преступлениях, если не в геноциде, и сравнивали бы их с печально известными партизанскими армиями в Уганде или Конго²⁰.

Более того, Бог Библии жестоко относится к тем, кто не повинуется повелению убивать. Так,

Б о г Библии **ЖЕСТОКО ОТНОСИТСЯ**

к тем, **КТО не повинуется**

повелению убивать

в Первой книге Царств Бог призывает царя Саула поразить амалекитян и перебить у них всех мужчин, женщин, детей и домашних животных. Саул не выполняет этого распоряжения, и тогда на него с упреками набрасывается пророк Самуил, который сам убивает и разрубает на части царя амалекитян Агага. Грех Саула заключался в том, что он не был последователен в массовых убийствах, и это нежелание убивать повлекло за собой его собственный крах и падение его династии. Позже, когда его режим уже подходил к концу, он вызвал дух уже умершего Самуила, и пророк заявил, что для Саула нет спасения: «Ты ослушался Господа: не дал гневу Его обрушиться на Амалека, поэтому Господь так и поступает с тобой сегодня»²¹.

Позднейшие попытки понять смысл историй об истреблении ханаанеев и

амалекитян напоминают богословские дискуссии о холокосте. Разумеется, исторически это совершенно разные события. Даже если библейские сказания буквально отражают историческую правду, количество убитых здесь ничтожно по сравнению с массовым истреблением евреев и других людей в 1940-х годах. Но в каком-то смысле история покорения Ханаана ставит еще более мучительные вопросы, чем события недавней истории. Размышляя о холокосте, верующие мучительно пытаются понять, почему Бог позволил свершиться всем этим ужасам, тогда как в библейской истории Бог *повелел* проливать кровь и гневался на тех, кто не спешил ревностно исполнять это приказание. Это не вопрос «Почему с хорошими людьми случаются плохие вещи?», но скорее вопрос «Почему Бог велит своему народу делать нечто ужасное относительно других народов?».

Библейские каноны ненависти

Другие библейские отрывки также рисуют картину враждебного отношения Израиля к своим соседям, причем эта вражда санкционирована Богом. Как для Ветхого Завета, так и для Нового Завета крайне важна история о призвании и создании народа, который обещал хранить завет с Богом. В этот завет входило обещание хранить народ и его Землю обетованную от дурного влияния чужеземцев и от любых компромиссов с чужими

богами. Читатели Библии, как иудеи, так и христиане, знакомы с героями — пророками или рядовыми верующими, — которые сражались против иноземных захватчиков и могли послужить примером последующим поколениям и всем тем, кто позже противостоял тиранам. Илия собрал вокруг себя малое число твердых последователей, которые не преклонили колен перед Ваалом; Самсон разрушил храм Дагона; Маккавеи освободили Иерусалим от языческих оккупантов. Люди, пытавшиеся осквернить Землю, остались в памяти народа как ужасные злодеи, чьи имена звучали как ругательства: вспомним о Иезавели или о филистимлянах²².

Сегодня гораздо реже вспоминают о других библейских героях, деяния которых с современной точки зрения укладываются в такие категории, как

Если мы захотим выбрать
самую шокирующую библейскую
историю, может быть, нам стоит
вспомнить о Финеесе — **эта история**
хорошо укладывается в такие категории,
как расизм и сегрегация

расизм и сегрегация. Если мы захотим выбрать такую библейскую историю, которая сильнее всего шокирует наших современников, может быть, в первую очередь нам стоит вспомнить о Финеесе, о которой большинство нынешних читателей Библии ничего не знает. В начале истории говорится о том, что дети Израиля стали брать в жены моавитянок, так что у двух народов появился общий культ. В ярости Бог велит повесить вождей Израиля под солнцем, чтобы утолить его гнев. Моисей повелевает своим подчиненным убивать всякого из тех, кто взял себе в жены чужестранку или «кому полюбился Ваал Пеорский», а в это время от мора гибнет двадцать четыре тысячи евреев. К счастью, Финеес, внук Аарона, предотвращает дальнейшее развитие катастрофы с помощью убийства смешанной пары: еврея, взявшего в жены мидьянитянку. Удовлетворенный Бог останавливает повеление и благословляет Финееса с его потомками²³.

Нынешние американские расисты любят вспоминать о Финеесе. В 1990 году Ричард Келли Хоскинс сделал эту историю основой своего манифеста «Комитет бдительности христианского мира». Хоскинс призывал к созданию воинствующей организации людей белой расы — Священства Финееса, — и с тех пор так себя стал называть ряд маргинальных групп, оправдывая Ветхим Заветом устрашающие нападения на межрасовые пары и на абортарии. До сих пор идут споры о том, был ли таким «священником Финееса» Тимоти Маквей, совершивший теракт в Оклахомасити; по крайней мере, он был близок к этому движению²⁴.

Пощадишь врага — будешь проклят

Когда мы сравниваем Коран с Библией, мы нередко делаем поспешный вывод о том, что между ними существует огромная разница. Библия рассказывает об актах насилия, совершенных в далеком прошлом, в то время как Коран велит употреблять насилие здесь и сейчас. Таким образом, Библия, как полагают, повествует о древних кампаниях против забытых народов, которые ныне интересуют лишь археологов, в то время как Коран призывает «сражаться с неверными» — и этот призыв сохраняет значение в любую эпоху.

Но это ложное противопоставление. Как бы ни понимали Коран комментаторы, возможно, там нет предписаний всегда применять насилие против неверных, но речь идет о войне против отдельных арабских кланов или группировок VII века н. э. В то же время многие поколения христиан и иудеев с легкостью прилагали повеления Библии к своей эпохе. Хотя самые жестокие слова Библии относятся к древним народам, которых ныне в качестве самостоятельных этнических групп не существует, — к амалекитянам или хананеям, — множество позднейших комментаторов, христиан и иудеев, с легкостью распространяли эти проклятия на другие расы и народы.

Эти истории, полные ненависти и конфликтов, повлияли отнюдь не только на безумных экстремистов или отдельных читателей, стремившихся

Х о т я самые **жесток**ие слова
Библии относятся к **древним**
народам, **которых** **ныне** в качестве
самостоятельных этнических
групп **не** существует, множество
позднейших комментаторов, **христиан**
и иудеев, **с** **легкостью** распространяли
эти проклятия на другие расы
и народы

оправдать злодеяния, которые они и без того готовы были совершить. Библия полна жестокостей, но для нас еще важнее, что эти истории на протяжении веков влияли на умы величайших мыслителей как иудейской, так и христианской традиции. Хотя иные из них осуждали эти истории как безнравственные, большинство самых выдающихся богословов до сравнительно недавнего времени решительно оправдывало акты насилия и истребление людей.

Один текст Талмуда, вероятно, созданный в III веке н. э., рассказывает о том, как Саул возражает Богу, повелевшему ему истребить амалекитян. Да, говорит Саул (и это отражает беспокой-

ство современных читателей), допустим, мужчины заслужили смерти за свои грехи, но чем виноваты женщины? В чем грех детей? Что такого совершили корова, вол и осел? Но голос с неба говорит, что ему не надо пытаться быть добрее самого Бога: «Не будь чересчур праведным»²⁵. Некоторые выдающиеся христианские богословы довели такой подход до логического завершения, так что им удавалось (хотя бы для самих себя) оправдывать массовое убийство детей врагов. Они создали дееспособное богословие массовых убийств, которое вполне можно сравнить с апокалиптическими фантазиями самых крайних исламистов нашего времени.

На протяжении христианской истории верующие использовали повествования о Моисее и Иисусе Навине, чтобы создавать свои теории войны, ссылаясь на библейские примеры, которые говорят о том, что сражаться и воевать за Бога — то есть вести своеобразный христианский джихад — вполне законно. Ведущие мыслители создали хорошо продуманную теорию «справедливой войны», которая накладывает определенные ограничения на военные действия, а в то же время экстремисты стремились восстановить беспощадную практику *херема* и библейской священной войны, войны без милости²⁶.

Подобно исламистам, христиане воплощали свои представления на практике, опираясь исключительно на Писание. В Европе насилие достигло своей кульминации в период религиозных войн XVI и XVII веков, когда каждая группиров-

ка видела в своих (христианских) противниках амалекитян, которых можно только уничтожить. Если взять один пример из многих: когда в 1646 году шотландские протестанты разбили ирландскую армию роялистов, духовенство посоветовало казнить всех пленных до единого. Шотландские солдаты утопили восемьдесят женщин и детей, в то время как «победителям снова и снова напоминали о проклятиях для тех, кто щадит врагов Божиих: они падут на голову того, кто даст возможность спастись хотя бы одному амалекитянину [католику]». Любой человек может быть амалекитянином или ханаанеем для кого-то еще²⁷.

Когда в конце XVII века измученная христианская Европа после нелегких переговоров несколько успокоилась, новые волны колонистов начали опи-

« ... победителям снова **И СНОВА**

напоминали о **проклятиях для**

тех, кто щадит врагов Божиих»

раться на те же подкрепленные Библией принципы на других материках, покоряя народы двух Америк и Африки. Христиан уже давно завораживал миф об исходе — о бегстве от угнетателей в иную страну, где можно установить священный порядок. Но за исходом из Египта неизбежно следует покорение Ханаана с искоренением местного населения. В начале XX века пропитанная Библией немецкая администрация колонии в Юго-Западной Африке разработала радикально новый подход к своим туземным подданным, для которого использовался библейский термин *Vernichtung*, уничтожение. Позднее это слово — и соответствующая практика — вернулось в Европу. Библия окутывала христиан идеей и образами уничтожения²⁸.

Сравнивая Библию с Кораном, я намеренно оставляю в стороне исторический опыт как ислама, так и христианства и иудаизма. Ислам имеет долгую историю завоеваний и религиозных войн, в процессе которых мусульманские армии и режимы подчиняли себе или истребляли приверженцев иных вер: агрессивный джихад во имя Бога с оружием в руках не миф. С VII по XVII век мусульманские властители оправдывали религией свою политику завоеваний и расширения империи, то же самое делали и христианские вожди на Западе начиная с эпохи Возрождения. Только историк, имеющий в голове полную картину за много веков, может дать разумный ответ на вопрос, во имя какой из религий совершалось больше актов насилия и разрушения — во имя ислама или

христианства. Но если взять основные священные тексты обеих религий, то в тех и в других мы встретим жестокость и неприемлемые вещи — то есть в этом смысле разница между ними невелика.

Если террористы и экстремисты находят религиозные тексты для оправдания своих действий, это еще не значит, что их насилие на самом деле коренится в священных писаниях. Сама такая мысль отражает грубый фундаментализм, веру в то, что любые проявления данной религии должны каким-то образом опираться на авторитет священного текста, — или, напротив, веру в то, что само наличие такого-то священного текста означает, что его идеи обязательно воплотятся в истории. Почему, скажем, рассказ о смерти Самсона не породил террористов-смертников в иудейской или христианской традиции? Когда христиане или иудеи указывают на призывы к насилию в Коране (или Хадисе) и говорят, что эти тексты пятнают собой всю религию, это подводит нас к неизбежному вопросу: а что можно сказать об их собственной вере?²⁹ Если важнейшие священные тексты формируют всю религию, следует считать иудаизм и христианство кровавыми религиями. Но, разумеется, они не таковы, как и ислам.

Священная амнезия

Хотя Библия повествует о божественной жестокости, сегодня это мало отражается на жизни верующих (по крайней мере, на Западе), которые

видят в этой книге фундаментальный источник религиозного авторитета. Даже когда они читают соответствующие отрывки Писания, они их не замечают и не размышляют над ними. Хотя Библия остается самой распространенной и самой известной книгой в мире, значительная часть ее текстов не читается, так что они остаются в забвении. В последние годы были предприняты многочисленные попытки сделать сенсации из заново открытых так называемых сокровенных евангелий и утерянных книг Библии, тем не менее сокровенные и утерянные тексты можно найти в обычной Библии, которая у многих стоит на полке, на страницах, которые люди никогда не открывают.

Хотя читатели утверждают, что верно и буквально следуют священному тексту, на практике они опускают

Х о т я Библия **Остается**
самой распространенной и **самой**
известной книгой в мире,
значительная часть ее текстов
не читается, так что они остаются
в забвении

целые его большие разделы, так что фактически отрицают их существование. Если же верующие таким образом умело справляются с неприятными текстами, значит, авторитет Писания не безграничен, а его влияние на церковь может меняться. Это также может дать нам убедительную модель потенциального развития ислама. Может ли вера перерасти священные тексты, которые призывают к примитивной жестокости? Христиане и иудеи показывают, что это возможно.

Любая вера содержит в себе такие элементы, которые неприемлемы или возмутительны для современного человека, перед каждой из них стоит проблема, как вобрать в себя или примирить эти неприятные тексты или идеи. В некоторых случаях в процессе развития религии дикие тексты подвергаются столь глубокому забвению, что рядовые верующие просто не знают об их существовании или, по меньшей мере, не считают их авторитетными для современности. Тексты, подобно людям, могут жить или умирать. И весь этот процесс, когда одни избранные тексты забывают, а другие хранят в памяти, чтобы перерасти жестокость, содержащуюся в священных писаниях, — это наиважнейшая вещь, которой следует научиться любой религии. Это вовсе не компромисс и не отказ от ключевых ценностей веры, но важнейший момент развития любой религии. Западные люди часто выражают надежду на то, что ислам каким-то образом очистится от насилия, когда с ним произойдет то же самое, что с христианством, которое пережило

глубокие изменения после начала эпохи Просвещения. На практике для такого изменения мусульманам не обязательно усваивать уроки иных традиций, но для этого им достаточно следовать внутренней логике собственной веры, поскольку у всех верующих возникает подобная амнезия относительно самых кровавых и агрессивных текстов³⁰.

Верующие находят разные стратегии для нейтрализации текстов, которые вызывают у них отталкивание. Если текст невозможно просто объявить ничем не значащим или убрать, с ним можно справиться иными способами. Его можно перечитывать, снова к нему обращаться и подвергать новой интерпретации, пока он не перестанет казаться опасным. Сегодня в большинстве западных церквей самые пугающие и смущающие людей отрывки просто не читаются публично и, как правило, о них не произносят проповедей. Хотя формально их не исключили из библейского канона, эти неприятные тексты в лучшем случае холодно терпят. Даже самый верный член церкви не столкнется с такими дилеммами, которые встали перед Саулом в момент убийства амалекитян, или перед Финеесом, или перед израильтянами, услышавшими повеление Бога не оказывать милости покоренным народам.

В качестве иллюстрации можно взять Книгу Эсфири, художественную романтическую прозу, повествующую о заговорах при дворе персидского царя Артаксеркса. Злобный советник царя Аман плетет интригу с намерением истребить всех евре-

К н и г а Эсфири — Одна из самых жестоких книг в Библии

ев империи, но ему противостоят евреи: придворный Мордехай и великолепная царица Эсфирь. Мало кто из историков согласен с тем, что эта книга отражает реальные события. Но это также кровавая книга, одна из самых жестоких книг в Библии. Когда Амана вешают, евреи подвергают его народ всем тем карам, которые он готовил против них. Победившие «иудеи перебили всех своих врагов, предали их мечу, убили, истребили — как хотели, так и поступили со своими недругами». Тогда многие обратились в иудаизм, «потому что их объял страх перед иудеями», которые «перебили семьдесят пять тысяч своих недругов». Хотя Бог не отдавал на этот счет никаких распоряжений, эта массовая бойня совершилась, а затем ее торжественно вспоминали. «То было тринадцатое число месяца адар, а четырнадцатого числа они отдыхали —

был у них день пира и радости» (то есть праздник Пурим)³¹. Книга Эсфири заняла свое место в каноне как Еврейских писаний, так и христианской Библии.

Как это должны воспринимать современные христиане? На самом деле большинство из них об этом просто не думает. Представьте себе верующего, который сегодня посещает одну из популярных церквей, где используется современный сборник библейских чтений *Revised Common Lectionary*. В нем отрывки из Библии распределены по трехгодичному циклу, так что человек, посещающий все воскресные службы, сможет услышать множество текстов Ветхого Завета, однако эти тексты тщательно подобраны. За три года постоянные посетители церкви услышат лишь один тщательно отредактированный отрывок из Книги Эсфири, составляющий около 6 процентов от всего текста³². В этих чтениях говорится о том, что Аман был повешен, но нет ни слова о массовых убийствах. В конце отрывка речь идет об установлении священного праздничного дня, когда надлежит радоваться и дарить друг другу подарки, но из него мы не поймем, что послужило поводом для такого торжества. Таким образом, в повседневном опыте христианской жизни в церкви Книга Эсфири в буквальном смысле отсутствует. То же можно сказать о большей части Книги Иисуса Навина. Обе книги подверглись продуманной текстуальной чистке. В остатке мы имеем приемлемую Библию облегченного типа.

Забыть — перестать мучиться

Такой подбор библейских текстов вносит свой вклад в избирательную амнезию, которая играет ключевую роль в процессе развития любой религии, основанной на священных текстах. В Библии крайне часто упоминаются слова, касающиеся *памяти* и *припоминания*: Бог *вспоминает* о своем завете; он *помнит* своих пророков; верным предписано *помнить* о его деяниях и заповедях. Во многом эта работа памяти сводится к тому, чтобы записывать и копировать рукописи, к созданию текстов, которые канонизируются и становятся Священным Писанием. Но не менее важную роль здесь играет процесс забывания, который позволяет религии развиваться так, чтобы соответствовать изменениям жизни, и который предполагает, что надо постоянно снова и снова интерпретировать древние тексты. Если создание текста позволяло сохранить память, то редактирование позволяет забывать, сделать избранные воспоминания как бы не бывшими³³.

Для современного историка темы памяти и забвения служат ключом для понимания общества, и сегодня появилось множество книг о памятниках, мемориалах и коллективных актах воспоминания, за которыми стоит богатая индустрия. Культуру определяет то, что она желает помнить и какие воспоминания хочет праздновать, и о том, какие воспоминания достойны внимания, всегда ведутся споры. Так, например, в 2010 году все

критиковали штат Вирджиния, в котором прошел месяц истории конфедератов. Разумеется, когда предпочитают помнить какие-то события или каких-то людей, для этого нужно забыть о других событиях и людях. Эти вопросы еще острее стоят в Европе, которая пережила ужасные события войны и геноцида, но без селективной амнезии общество не может двигаться вперед. Историк Тони Джадт заявил, что «послевоенная Европа изначально создавалась... на основе забвения как способа жизни»³⁴.

Здесь уместно подумать об одной биологической аналогии. Ученые давно поняли, насколько важна память для работы человеческого мозга, но лишь недавно они начали понимать биологию забвения. Чтобы функционировать в повседневной жизни, нам нужно помнить о многих вещах, но нам следует также научиться забывать. Разве это не было бы полным кошмаром, если бы мы хранили воспоминания о каждом моменте нашей жизни, о каждом банальном разговоре с наших детских лет? Наша память могла бы нас раздавить. И подобные страдания знакомы медицине — это ужасное заболевание. Но работа некоторых наших нейронных сетей направлена именно на то, чтобы мы могли забывать ради движения вперед. Ключевую роль здесь играет нейромедиатор, идентифицированный около двадцати лет назад и получивший привлекательное (и напоминающее о религии) название анандамид — от индийского термина *ананда*, который описывает удовольствие или блаженство. Без удовольствия или радости

нет забвения, и наоборот. Забвение создает основы для припоминания³⁵.

Религии, подобно отдельным людям, растут на основе забвения. Религии создают свои писания, которые обретают канонический статус. По мере роста религии в смысле ее масштабов и продуманности она в какой-то момент начинает понимать, что ее священные тексты содержат недостатки и ограничения, и старается видеть их в соответствующем историческом контексте. Если религия добивается успеха — если она жизнеспособна, растет и оказывает влияние на общество, — тогда она неизбежно перерастает хотя бы часть того, что содержится в ее древних священных писаниях. В то же время наивысшие этические и нравственные стандарты этой религии распространяются в обществе и становятся нормальными общими стандартами, которым все неизбежно следуют. Вот что об этом сказал философ Рене Жирар: «Библия была первым текстом, описывающим процесс мучений с точки зрения их жертвы, и именно это, в итоге, повлияло на наше особо чуткое отношение к насилию... Парадоксальным образом мы критикуем Библию, опираясь на библейские основания»³⁶.

По иронии судьбы эти изменения в религии пробуждают антирелигиозные чувства. Не понимая того, что подобные этические прозрения сами укоренены в религии, позднейшие поколения секулярных критиков ссылаются на эти стандарты, когда нападают на религию и ее тексты. Но подобная критика крайне несправедлива. Чем яростнее мы выискиваем тексты вроде Книги Иисуса

Навина, чем сильнее мы возмущаемся массовыми убийствами ханаанеян и амалекитян, тем больше мы получаем свидетельств об *успехе* религий, основанных на Библии, а вовсе не доказательств того, что эти религии примитивны и кровожадны.

Почему опасно забывать

Однако забвение — вещь двусмысленная. Казалось бы, способность забыть о жестокости библейской истории весьма похвальна, поскольку благодаря ей христиане и иудеи могут оптимистически полагать, что они достигли такого этапа развития, к которому исламу пока еще остается только стремиться, — и что мусульмане в один прекрасный день забудут свои тексты о войне и кровопролитии. Однако мы были бы не вправе сказать, что религии, основанные на Библии, более разумны, чем ислам, или опережают его по своему развитию. На практике у религий не бывает однолинейного пути эволюции, и тексты, которые, казалось бы, навсегда преданы забвению, никуда не исчезают. Скорее они как бы ускользают из сознания, но остаются как бессознательные тексты в священных писаниях. Пугающие слова спят, но могут вернуться к жизни в состоянии крайнего напряжения и конфликтов. Здесь уместно вспомнить слова Уильяма Фолкнера: «Прош-
лое никогда не мертво. И оно даже не прошлое».

Ислам на протяжении своей истории также подвергал свои писания пересмотру и цензуре —

и будет это делать когда-нибудь снова. Было бы нелепостью думать, что исламский мир должен пассивно усвоить выводы ученых и критиков западного Просвещения, чтобы эта религия вступила на путь более возвышенного и мирного развития. С самых первых веков его истории некоторые читатели Корана использовали рационализм и символический подход, причем это не ограничивалось узким кругом мудрецов. На протяжении столетий мирные мусульманские общества не обращали внимания на воинственные тексты сур *Аль-Анфаль* и *Ат-Тауба*, за исключением мистиков, которые видели в них призыв к внутренней духовной битве, к «величайшему джихаду» души. Такое понимание джихада совершенно аутентично, хотя есть и другие его интерпретации. Мусульмане-суфии особенно ценили аллегорическое и духовное понимание Корана и посмеивались над буквалистами, которые полагали, что священный текст призывает к реальной войне. Однако когда мусульманский мир переживал периоды политического унижения и системных культурных кризисов, возмущенные активисты снова вспоминали о кровожадных текстах и строили с их помощью суровые доктрины вооруженных конфликтов. На протяжении тысячи лет суфии получали поддержку преимущественно на территориях Северной Африки и Южной Азии — в местах, которые в последние десятилетия стали оплотом радикализма и военного джихада, например, в таких странах, как Пакистан или Алжир. Даже многовековая традиция духовного понимания Корана

не защищает последующие поколения верующих от возвращения к древним кровожадным толкованиям Писания.

Если же говорить о религиях Библии, то просто делать вид, что пугающих текстов не существует, опасно, потому что в момент конфликта экстремисты могут о них вспомнить. Большинство иудеев будет удивлено, узнав, что древняя заповедь предписывает им ненавидеть амалекитян, стремиться уничтожить этот народ и стереть его имя с лица земли. Да и где сегодня можно было бы найти амалекитянина, даже если бы нам захотелось эту заповедь исполнять? Однако сегодня призывы Библии сражаться против амалекитян и ханаанеев вдохновляют некоторых ультраортодоксальных иудейских экстремистов совершать нападения на арабов и мусульман, а в последнее время все чаще также на либеральных или

Да же многовековая традиция
духовного понимания Корана
не защищает
последующие поколения
верующих от возвращения к древним
кровожадным толкованиям Писания

умеренных сторонников иудаизма. Заповедь об амалекитянах оказалась искрой, от которой возник пожар одного из самых кошмарных массовых убийств в истории современного Израиля, когда иудейские террористы убили десятки мусульман, собравшихся для молитвы в мечети в Хевроне. Хотя большинство ученых и духовенства интерпретирует смущающие отрывки таким образом, чтобы они не вдохновляли на акты насилия, достаточно нескольких экстремистов, чтобы эти тексты снова показали свои когти (а читатели снова увидели в них призыв к пролитию крови).

Библейские тексты влияют также на умы правителей. Когда один американский журналист спрашивал советника израильского премьер-министра Биньямина Нетаньяху, чем объясняется столь жесткая позиция государства относительно Ирана, тот ответил: «Вспомните об Амалеке». И это было не просто красивой фразой, данный ответ отражает глубоко укорененное представление, которое распространяется на всех врагов еврейского государства. Когда в 2010 году разрушительный компьютерный вирус Stuxnet помешал работе иранской ядерной программы, на первом месте среди всех подозреваемых оказался Израиль. Это подозрение усиливала одна особенность вируса: в его коде содержалась скрытая ссылка на Книгу Эсфири — древнее повествование о том, как евреи отомстили своим врагам. Специалисты по Ближнему Востоку возвращаются мыслями к Библии, когда говорят о так называемой опции Самсона — идее о том, что Израиль, когда ему бу-

Специалисты по Ближнему
 Востоку возвращаются мыслями
 к Библии, **когда говорят**
 об «опции Самсона» — идее О ТОМ,
 что Израиль, когда ему будет грозить
 поражение, вправе использовать свое
 ядерное оружие, **после чего**
 начнется ядерный Армагеддон

дет грозить поражение, вправе использовать свое ядерное оружие, после чего начнется ядерный Армагеддон. А если Израиль начнет запускать ядерные боеголовки, их будут переносить баллистические ракеты этого государства под названием «Иерихон-3». Это название, несомненно, указывает на Книгу Иисуса Навина³⁷.

Старая Библия и новые христиане

Если говорить о христианах, забытые тексты для них не исчезли бесследно, но они ждут, когда их заново откроют в церквях, члены которых думают иначе, чем думают западные люди. Это

могут быть маргинальные секты или культы либо новые церкви, которые растут в других частях света. И это сегодня вполне реально, поскольку в результате тектонического сдвига резко выросла доля христиан на Юге — в странах Африки и Азии, где люди все еще помнят о колониализме и гнете империй. Эти новые христиане с жадным интересом читают тексты Библии об имуществе и защите земли, о колонизации и изгнании местных уроженцев³⁸.

Такие христиане сталкиваются с мучительными дилеммами, когда читают библейское повествование о покорении Ханаана и войнах с врагами после исхода из Египта. Они желают относиться к Библии серьезно, но находят в ней такие повествования, в которых им легче идентифицировать себя с вытесняемыми народами Святой земли, а не с ее захватчиками, — идентифицироваться с ханаанеями и моавитянами, но не с евреями. Ситуацию усугубляет еще и то, что европейские колонизаторы веками осознанно пользовались историей покорения Ханаана как моделью для собственных действий. Уроженка Зимбабве Дора Мбувайесанго говорит, что история Иисуса Навина «содержит в себе программу колонизации Южной Африки». В статье под названием «Ханааней, ковбои и индейцы» Роберт Аллен Уорриор, ученый, в жилах которого течет кровь индейцев, говорил, что его народ вряд ли когда-либо мог найти что-либо позитивное или дух свободы в историях об этническом угнетении. Некоторые библеисты Третьего мира заяв-

ляют, что за историей западного империализма и американской доктриной «предначертания судьбы» кроется патологический симптом Иисуса Навина³⁹.

Сегодня на жестокие тексты, вроде Книги Иисуса Навина, обращают гораздо больше внимания, чем это было на протяжении многих веков раньше, поскольку там речь идет об убийствах, которых большинство западных христиан не видело в своей жизни. Джионе Хавеа, ученый из Конго, рассказывал о том, с каким ужасом эти тексты читают жители бывших европейских колоний Южно-Тихоокеанского региона. Посетители церкви «плакали от отчаяния... слушая истории о местных жителях Заиорданья, земля которых была завоевана и чьи города, деревни и села были начисто разрушены»⁴⁰. Африканцы слишком хорошо знакомы с бродячими вооруженными людьми, которых собирают пророки-самозванцы, — эти люди готовы убивать и насиловать во имя Бога. Подобные движения можно отнести к особому классу проявления синдрома Иисуса Навина.

Но пока одни христиане ищут в Библии оправдание для колониализма, другие страстно исследуют Библию — всю Библию, включая Второзаконие и Книгу Иисуса Навина. Последние (скажем, христиане Нигерии или Судана), столкнувшись с опасностью джихада или гонения со стороны представителей других религий, сначала пытались подставить другую щеку, но через какое-то время вспомнили о страшном Боге битвы, о котором так

**В 1994 году в Руанде
проповедники из числа хуту
вспоминали о царе Сауле,
чтобы оправдать план ТОТАЛЬНОГО
истребления своих соседей,
принадлежавших к тутси**

много говорит Ветхий Завет, о Господе Боге воинств. По крайней мере, некоторые из них считают себя победоносными израильтянами, которым надлежит завоевывать и проводить чистки. В 1994 году в Руанде проповедники из числа хуту вспоминали о царе Сауле, чтобы оправдать план тотального истребления своих соседей, принадлежавших к тутси. И еще не родился тот последний христианин, который будет призывать к истреблению другого народа, ссылаясь на убийство амалекитян.

Если новые верующие обратятся к кровавым отрывкам Писания и извлекут из них опасные уроки, западные ведущие церкви не смогут их остановить, не смогут исправить положение, опираясь на свой многовековой опыт нейтрализации спорных текстов. Западные церкви перестали размышлять об этих текстах, а потому утратили свою

коллективную память. Поэтому у них нет база для диалога с христианами Юга, а это создает основу для нового великого раскола.

Жестокие библейские тексты и атеизм

Есть и другие причины, почему жестокие библейские тексты сегодня привлекают к себе больше внимания. Это столкновение людей Запада с исламом и желание понять теракты, совершаемые во имя этой религии. Чем больше западные люди указывают на неприемлемые тексты в Коране, тем острее встает вопрос о подобных текстах, входящих в культурное наследие Запада. Сегодня, когда христиане и мусульмане все чаще встречаются друг с другом на земном шаре, им нужно найти мирные формы взаимодействия, найти основы для диалога. Если при этом западные верующие — иудеи или христиане — опираются на избирательные и неверные представления о собственной вере и ее компонентах, которые чреватны насилием и нетерпимостью, у них не остается основы для диалога с исламом.

Если западные христиане незнакомы с мрачными отрывками Библии, это несет в себе потенциальную опасность для их собственной веры. Хотя они вряд ли услышат эти тексты в церкви, они сталкиваются с ними при чтении Библии или, как это происходит сегодня, когда эти отрывки цитируют страстные борцы с религией из

числа новых атеистов, такие как Сэм Харрис или Кристофер Хитченс. Ричард Докинз, например, находит в Библии немало материалов, достойных сожаления: Бог Библии — это «любитель резни, кар и геноцида, мстительный ревностный расист, чудовищный Бог Ветхого Завета»⁴¹. Когда авторы из атеистов указывают на пугающие тексты, нынешние христиане не находят верных ответов, а многие из них с ужасом видят, что Бог в самом деле дает такие страшные повеления. Если верующие игнорируют собственные священные тексты, им трудно вести убедительный диалог с атеистами или секуляристами.

Если рядовой верующий не слышит эти тексты и споры о них, как он с ними обращается? Чаше всего современный читатель Библии просто не принимает во внимание Книгу Иисуса Навина и подобные тексты как примитивный слой Библии, не имеющий отношения к позднейшим эпохам и особенно к христианству. Это, говорит он себе, «просто Ветхий Завет». Такой подход опасен — здесь читатель неосознанно следует Маркиону, древнему еретику, который предпринял попытку вообще отделить Ветхий Завет от новой религии, основанной Иисусом. На практике многие христиане воспринимают Ветхий Завет как по сути археологический или исторический материал, который слабо связан с Новым Заветом. В таком случае читатель видит в жестокости Иисуса Навина устаревшее проявление ветхозаветного мышления и винит в такой кровожадности еврейскую традицию, от которой мы, как он думает, уже освободились.

Правда и примирение

Религиям надлежит преодолевать свои кровавые истоки, но в то же время им нужно признать, что такие вещи имели место, познакомиться с ними и понять, как они вписываются в общий контекст веры. Я пишу данную книгу, чтобы предложить определенный подход к восприятию подобных текстов — включая самые трудные отрывки, такие как история Финееса и убийство ханаанеян, — и показать, как их можно усвоить, понять и свободно обсуждать. Сегодня верующим следует обратить внимание на эти мрачные отрывки и, быть может, признать, что из-за них совершалось зло, но в то же время опираться на них в понимании тех процессов, которые создают священные тексты и религию. Если у нас есть такая основа, мы обретаем способность выбирать, какие тексты мы вправе отбросить (если такие есть), а какие будут служить для нас неиссякаемым источником мудрости и вдохновения. И эти пугающие тексты не просто могут обращаться к нам, но мы можем найти в них все их богатство и их силу. И тогда мы поймем, что попытка забыть об этих мрачных отрывках несет в себе ошибку. Христиане могли бы здесь руководствоваться словами самого Иисуса, который, обращаясь к людям малой веры, говорил: «Что вы так боязливы?»⁴²

Только такое прочтение позволит нам увидеть, что любой отдельный библейский текст невозмож-

но понять вне контекста исторического развития и созревания данной традиции. И опять же, если говорить о христианстве, это позволит верующему искренне признать, что его вера укоренена в Ветхом Завете. Христианство имеет смысл лишь в том случае, если оно было кульминацией всей Еврейской Библии, включая ее самые неудобные тексты. Иисуса звали Иешуа, Иесу, и его имя было местной формой имени Иисуса Навина, так что несло в себе воспоминание об этом великом и глубоко испорченном воителе. В греческом тексте оба имени пишутся одинаково *Iesous*. Один *Iesous* уничтожил жителей Иерихона, другой *Iesous* умер на кресте. Один *Iesous* перебил ханаанеев, другой исцелил дочь ханаанеянки. Христианские мыслители на протяжении многих веков видели здесь преемственность, пока Маркион не одержал своей новой победы посмертно. Более того, Новый Завет говорит нам о том, что мировоззрение Иисуса было пропитано Еврейской Библией и особенно он любил Второзаконие, книгу, которая содержит столько мест, смущающих современного читателя. Апостол Павел тоже был зачарован этой книгой. Если закрыть глаза на влияние Второзакония на тексты Нового Завета, он во многом потеряет свою структуру и логику⁴³.

Используя такие подходы к Библии, современный читатель сможет насладиться Книгой Иисуса Навина и увидеть в ней нечто большее, чем просто рассказы о древнем варварстве. Когда мы читаем Библию, мы, как правило, полагаем, что порядок расположения книг здесь отражает поря-

док ее составления, так что самые первые книги относятся к самым древним — что они написаны раньше и по своему содержанию примитивнее по сравнению с более привлекательными и искусными текстами, скажем, книгами пророков Исайи и Иеремии с их универсализмом. Однако такое представление сбивает нас с толку. Второзаконие и Книга Иисуса Навина не просто были написаны гораздо позже эпохи, когда произошли описанные там события, но они были созданы именно в эпоху великих пророков и говорят о том же самом, о чем говорили пророки, хотя используют иные литературные формы. Хотя они описывают события истории (или псевдоистории), повествуя о битвах и убийствах, эти книги объединяет одна всеобъемлющая и революционная цель — подчеркнуть, насколько важен радикальный монотеизм. Как и пророки, эти книги говорят о том, что Бог Израиля не просто больше богов других народов, но что он есть Господь всего творения, а из этого вырастает идея универсализма, идея обетования, обращенного ко всем людям.

Конкретные истории Книги Иисуса Навина (например) могут нас ужасать, но главная цель и основная мысль текста головокружительны, они строят основание для дальнейшего развития иудаизма и христианства. Нам надо читать подобные тексты в контексте, целостно, и надо знать историю. И прежде всего нам надо стать выше отдельных стихов и историй — и это позволит нам увидеть Писание таким, каково оно есть.



Христиане могут обратиться к самым кровавым текстам для того, чтобы углубиться в корни своей веры. Читая текст как целое, зрелые верующие обретут новую способность жить рядом с христианами самых разных традиций и приверженцами других религий, которые также мучительно размышляют о своих проблематичных священных текстах. В идеале опыт каждой религии может быть ценен для всех прочих. Обращение к самым опасным отрывкам Ветхого Завета избавляет от триумфализма: христианин уже не сможет сказать, что приверженцы иных религий, особенно мусульмане, в отличие от него пользуются ужасными священными текстами. Этот подход поможет христианам преодолеть многие ошибки: избавит их от ужасающе буквального и неисторического понимания Писания, которое может порождать скуку и отвращение к религии или даже перерасти в отвержение Ветхого Завета (и иудаизма).

Это процесс движения к правде и примирению. Христиане должны научиться говорить о самых трудных местах Библии или даже произносить о них проповеди — даже на текст с жестоким призывом «не оказывать им милости», — не идя при этом на компромиссы или не принося извинений.



Кровожадные
тексты
Священного
Писания

Господь — воин!
Имя Его — Господь!
Исход 15:3

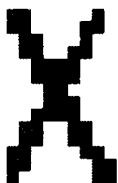
Библия повествует об уничтожении местных жителей Ханаана. Читая эти истории, мы можем искать утешение в той мысли, что массовые истребления подобного рода были, к сожалению, обычным способом решения конфликтов в древнюю эпоху и что, как бы ни ужасали нас такие вещи сегодня, в те времена в них не было ничего необычного. Но эта мысль глубоко неверна. Даже по стандартам древнего мира массовые убийства, описанные в Библии, выделяются своей жестокостью. Кроме того, позднейшие авторы Библии нигде не осуждают эти кампании или не ставят их под вопрос. Напротив, эти события кладутся в основу позднейшей библейской религии.

1

УНИЧТОЖЬТЕ все дышащее

Однако это должен решать не я, но сами мусульмане должны выкинуть стихи Корана, сеющие ненависть.

Герт Вилдерс, «Фитна»



ристиане евангелического направления часто выбирают «стих жизни», краткий библейский текст, который содержит в себе ту идею, что они хотят постоянно хранить в своей памяти. Обычно такие тексты учат полагаться на Бога или верить в его любовь, и они несут утешение в моменты трудностей или конфликтов. Но представьте себе, что вы встречаете христианина, который процитировал бы свой «стих жизни» — Второзаконие 7:1–2:

Когда Господь, ваш Бог, приведет вас в страну, овладеть которой вы идете, и изгонит из нее множество народов... когда Господь, ваш Бог, отдаст их в ваши руки и вы победите их, то предайте их закланию — уничтожьте! Не заключайте с ними договоров и не давайте им пощады.

Или, допустим, это будет стих 16 из той же главы:

Вы истребите все народы, которые Господь, ваш Бог, отдаст вам в руки; вы не должны жалеть их⁴⁴.

Какой была бы ваша первая реакция? Вероятно, прежде всего вы бы просто усомнились в том, что подобные тексты — «стихи смерти» — вообще входят в Библию. Бог, запрещающий жалеть или щадить несчастных, — разве этот образ не вступает в резкое противоречие с тем, о чем говорит вся эта книга? Но затем, убедившись в том, что эти тексты существуют, вы придете в ужас от мысли, что нынешний верующий может испытывать к этим словам что-либо еще, кроме отвращения. Вам ни при каких обстоятельствах не захочется познакомиться с человеком, который желал бы руководствоваться этими текстами в своей жизни. Как бы страстно христианин ни верил в то, что Библия содержит истины от Бога, некоторые части этой книги настолько ужасны, что примириться с ними невозможно.

Истории, полные ужаса

Многие библейские тексты кажутся нам кровожадными или нас расстраивают — к ним относятся рассказы о равнодушных убийствах, массовой резне, изнасилованиях, супружеских изменах и предательстве. Во многих случаях эти тексты настолько отвратительны, что они выпадают из

памяти. Многие ли верующие помнят зловещую историю из времен пророка Елисея о том, как одна женщина просит царя восстановить справедливость между ней и ее соседкой, с которой во время великого голода они заключили страшный договор? Они согласились, что съедят сначала сына одной женщины, а потом сына другой, и уже осуществили первый этап этой омерзительной сделки. Однако вторая женщина нарушила условия договора. Пусть царь восстановит справедливость — пусть совершится и второй акт каннибализма. Мало кто из читателей с пользой для себя может размышлять о последних главах Книги Судей, где с необычайной жестокостью рассказывается об изнасиловании, расчленении трупа и массовом истреблении. В других же частях Библии говорится о человеческих жертвоприношениях⁴⁵.

На самом же деле эти истории могут не ставить проблем перед современным читателем, поскольку там нет ни слова о том, что эти ужасные деяния одобрены Богом. Библейские авторы только лишь добросовестно описывали тот мир, который был им знаком, с его варварством и жестокостью. Эти авторы вовсе не оправдывали каннибализм и изнасилования и тем более не хотели сказать, что эти вещи совершались по Божьему повелению. Рассказывать о подобных вещах их вынуждал долг историков и публицистов⁴⁶.

Однако в других случаях, когда речь идет об актах насилия, авторы не просто описывают тот мир, какой их окружает, но прямо говорят, что эти действия, включая истребление целых народов, совер-

шаются по указанию Бога. Большинство подобных историй относится к тому времени, как евреи убежали из Египта и направились к Ханаану, и к эпохе завоевания этой земли около 1200 года до н. э. Евреи, когда ими руководили Моисей или избранный им преемник Иисус Навин, столкнулись с рядом враждебно настроенных к ним народов — как бродячих племен, подобных им самим, так и жителей городов-государств. Как повествует Библия — главным образом в книгах Числа, Второзаконие и Книге Иисуса Навина, — евреи вели против своих соперников жестокие и опустошительные войны⁴⁷.

В Библии мы найдем два отличающихся ряда повествований: первые касаются событий, происходивших на востоке от Иордана, другие — тех, что происходили к западу от этой реки. Книги Числа и Второзаконие повествуют о восточных войнах Моисея в Заиорданье, а текст Книги Иисуса Навина говорит о масштабном покорении земли Ханаана, которую позже стали называть Палестиной⁴⁸.

Книга Числа содержит рассказы о войне Моисея против мидьянитян. Еврейские воины под руководством Финееса опустошают землю Мициана, убивая всех мужчин и забирая в плен всех женщин и детей в качестве добычи. Однако Моисею ненавистна их мягкость. Он повелевает: «Убейте всех мальчиков и убейте всех женщин, которые познали мужчину! А девиц, еще не познавших мужчину, оставьте в живых, для себя». Эти девушки — которых, если верить Библии, было тридцать две тысячи — должны были стать сексуальными рабынями еврейских воинов⁴⁹.

В книге Исход один краткий отрывок говорит о столкновении израильтян с Амалеком, который устраивает засаду в тот момент, когда евреи двигались по пустыне в районе Рефидима. Израиль под руководством Иисуса Навина перебил тех, кто сидел в засаде. Затем Бог повелевает Моисею:

«Запиши в книге, чтоб не было забыто, и возвести Иисусу: Я сотру Амалека с лица земли — и имени его не останется!» ... И сказал [Моисей]: «Это значит: Господне знамя в руке! Война Господа с Амалеком — из рода в род!»

Весь род амалекитян обречен на уничтожение, а последний стих прямо говорит о том, что конфликт с ними носит вечный характер, что эта борьба никогда не должна кончаться. Дальнейшая судьба этого текста совершенно поразительна⁵⁰.

Далее Библия рассказывает о новых боях. Во Второзаконии Моисей вспоминает о том, как он просил Сигона, царя Есевона, чтобы тот мирно пропустил евреев через свои земли, но царь на это не согласился. После этого Бог повелел своему народу завоевать и присвоить себе владения Сигона. Моисей рассказывает об этом так:

Господь, наш Бог, отдал его в наши руки: мы убили его и его сыновей, перебили все его войско. В ту пору мы овладели всеми его городами и предали их заклятью — уничтожили. В этих городах мы истребили и мужчин, и женщин, и детей, всех до последнего⁵¹.

Убийственная святость

Во Второзаконии Моисей говорит о правилах ведения войн, которыми должны руководствоваться дети Израиля⁵². Приближаясь к какому-либо чужому городу, евреи сначала должны предложить мир, и если чужаки на это согласны, они становятся данниками израильтян и должны заниматься для них принудительными работами. Если же местные жители от этого отказываются, евреи должны захватить город и перебить в нем всех мужчин, при этом можно забрать себе женщин, детей и скот в качестве добычи. Но в отдельных случаях третьего рода дети Израиля не должны оказывать никакой милости и быть предельно жестокими. На территориях, которые Бог отдает в наследие евреям, все местные обитатели подпадают под закон *херема* — то есть подлежат полному уничтожению. В таких городах, говорит Бог, «не оставляйте в живых никого! *Предайте их всех заклятию и уничтожьте* — хеттов, амореев, ханаанеев, периззеев, хиввеев и евусеев — как повелел вам Господь, ваш Бог»⁵³.

Херем, заклятие, предполагающее полное уничтожение, — это самый страшный термин во всей Библии⁵⁴. Родственное слово знакомо всем нам сегодня, оно тоже стоит в религиозном контексте, хотя гораздо более мирном. В исламе поведение или вещь, находящиеся под ритуальным запретом, скажем, свинину, называют *харам*, в отличие от разрешенных вещей, для которых использует-

«Не оставляйте в **ЖИВЫХ**
НИКОГО! Предайте их **ВСЕХ**
заклятию И уничтожьте —
хеттов, амореев, ханаанеев, периззеев,
хиввеев и евуеев — как повелел вам
 Господь, **ваш Бог»**

ся термин *халяль*. Слово *харам* относят также к особым святым местам: так, например, Храмовая гора в Иерусалиме у мусульман зовется *Харам аль-Шариф*, Благородное святилище. В быту другое родственное слово указывает на особые или запретные места иного рода: это слово *гарем*, указывающее на место, где в изоляции от внешнего мира живут жены.

Однако в библейском контексте это слово имеет иные значения. Существительное *херем* означает «запрет», но когда город получает такой статус, переводчики передают этот термин разными словами: город «посвящен» Богу, «предан закланию» или «отделен для УНВН». Немногие библейские переводы точно передают все коннотации термина; чаще всего использованы фразы вроде «полностью разрушить», но его значение достаточно ясно. Все

дышащее в обреченном городе должно быть уничтожено. Захваченные здесь ценности, такие как золото или серебро, надлежит посвятить Богу и отдать касте священников, которые будут их использовать в ритуальных целях. При переводе таких текстов на греческий «заклятие» стало звучать как «*анафема*», а это позволяет нам лучше понять, что здесь происходит: города, подобные Иерихону, подпадают под анафему, им приписывается убийственная святость⁵⁵.

Война по правилам *херема* коренится в пространенных мифах о боге-воителе, одерживающем победу в битве с силами хаоса. Но в еврейской традиции мы находим представления о священной войне, или войне YHWH, несущей святое и непроизносимое имя Господне. Такая битва ведется по четким правилам и даже предполагает определенную последовательность действий: за первым зовом трубы, которая объявляет о состоянии войны, следует освящение воинов, их ритуальная подготовка, пока все не завершится роспуском армии. Это *война за Бога*, а в то же время *война Бога*. Здесь земные воины просто помогают Богу, а все сокровища, захваченные на войне, посвящаются Богу. Сама битва превращается в акт поклонения. Эту мифологию ярко окрашивает сексуальный элемент: Бог является царем, а Израиль — его целомудренной невестой. Бог сражается за то, чтобы его народ не поддавался соблазну иных любовников и не впал с ними в блуд. Такие войны были наивысшим проявлением святости Бога, при этом концепция

святости была самым тесным образом связана с представлениями о земной чести⁵⁶.

На практике это означает, что такого рода война носит безусловный характер — то есть у завоеванных местных жителей не было в буквальном смысле никакой возможности подчиниться победителю ни при каких обстоятельствах. Если они преданы закланию, посвящены Богу, они не могут спасти себе жизнь ценой обращения в веру победителя, ценой того, чтобы воздвигнуть алтарь YHWH. Они не могут обещать отдать все свое имущество и навсегда покинуть свою землю. Они не могут даже добровольно согласиться стать последними рабами, в том числе в сексуальном смысле. Они обречены на смерть. Как показывает история царя Саула, Бог не оставляет здесь места для колебаний и сомнений. И такого рода война представляет собой не какой-то странный курьез для библейской традиции, но подобные акции геноцида связаны с именами величайших героев Израиля, таких как Моисей, Самуил и Иисус Навин⁵⁷.

Войны Иисуса Навина

В книгах Числа и Второзаконие рассказы о войнах и резне вкраплены в более обширные и систематизированные указания о ритуале и законах, тогда как в Книге Иисуса Навина массовые убийства занимают центральное место. Рассказ о падении Иерихона служит началом для самых

кошмарных повествований о завоевании Ханаана. Этот город предан закланию, а потому все, что находится внутри его стен, должно быть уничтожено, за исключением проститутки Раав, которая укрыла у себя израильских шпионов, обеспечив тем самым спасение для себя и своей семьи. Затем израильтяне движутся к Гаю, где неожиданно для себя терпят поражение. Вскоре им становится ясна причина неудачи: еврей по имени Ахан нарушил табу *херема*, присвоив себе часть добычи после взятия Иерихона. Для восстановления космического порядка израильтянам необходимо побить камнями и сжечь Ахана вместе с его семьей. Это жестокое очищение позволяет им покорить Гай в священной битве. Евреи захватывают город и убивают всех его жителей: его царя вешают на дереве до наступления вечера. Затем Иисус Навин сжигает Гай, который остается в запустении на протяжении нескольких последующих столетий⁵⁸.

Прочие цари региона объединяют усилия против несущих смерть захватчиков, но терпят крах. Силы Иисуса Навина сокрушают враждебные города один за другим:

В тот же день Иисус захватил Маккеду. Он перебил ее жителей и убил царя — уничтожил, предав закланию [*херем*], город и всех, кто в нем жил, до последнего человека. С царем Маккеды Иисус поступил так же, как с царем Иерихона... Иисус уничтожил город [*Ливну*] и всех, кто в нем жил, до последнего человека. С царем Ливны он поступил так же, как с царем Иерихона.

Затем войско Навина идет на Лахиш, на Эглон, на Хеврон и Девир и в каждом случае убивает «всех, кто жил в нем». А затем автор книги подводит итоги завоеваний:

Иисус истребил всех жителей этой страны — всех, кто жил в горах, в Негеве, в Шефеле и на склонах, — вместе со всеми их царями. Он уничтожил, предав заклятью (так повелел Господь, Бог Израиля), всех, кто жил в этой стране, до последнего человека⁵⁹.

Он распределил завоеванные территории между еврейскими племенами. В последней главе Книги Иисуса Навина Бог вспоминает обо всех благодеяниях, оказанных им своему народу: «Я даровал вам землю, которую вы не возделывали, и города, которых вы не строили, — и теперь вы живете в этих городах и вкушаете плоды олив и виноградников, посаженных не вами»⁶⁰. (См. Таблицу 1: «Самые жестокие тексты о завоеваниях».)

ТАБЛИЦА 1 САМЫЕ ЖЕСТОКИЕ ТЕКСТЫ О ЗАВОЕВАНИЯХ

Исход

17:8–16

Сражение Израиля с Амалеком: «Господь сказал: «Я сотру Амалека с лица земли»... Война Господа с Амалеком — из рода в род!»

23:23

Изгнание местных народов из Ханаана: «Ангел, посланный Мною, пойдет впереди и приведет вас к амореям, хеттам, периззеям, ханаанеям, хиввеем, евуеям — и Я истреблю эти народы».

34:11–17

Изгнание местных народов из Ханаана и борьба с их религией: «Их жертвенники — разрушите! Их священные камни — разбейте! Деревя Ашеры — срубите!»

Числа

Глава 21

Разрушение городов Ханаана на условиях херема (ст. 2–3): «Они предали заклатью и уничтожили ханаанеев со всеми их селениями».

Победы над царями Сихоном и Огом (ст. 21–35): «Перебив их всех — и Ога, и сыновей его, и все его войско, до последнего человека, Сыны Израилевы овладели и этой страной».

25:1–18

Финеес убивает Зимрия и его жену-мидьянитянку

31:1–24

Убийство мидьянитян, во время которого Моисей призывает никого не щадить: «Убейте всех мальчиков и убейте всех женщин, которые познали мужчину! А девиц, еще не познавших мужчину, оставьте в живых, для себя».

33:50–56

Изгнание местных народов и разрушение их священных мест: «Уничтожьте все их барельефы, и все статуи уничтожьте, и разрушите все их святилища».

Второзаконие

2:24–37

Победа над царем Сихоном и его народом: «В пору мы овладели всеми его городами и предали их заклатью — уничтожили. В этих городах мы истребили и мужчин, и женщин, и детей, всех до последнего».

3:1–7

Разгром Ога, царя башанского, и полное истребление его народа: «Мы предали их заклатью и уничтожили — поступили так же, как с Сихоном, царем хешбонским. В этих городах мы истребили и мужчин, и женщин, и детей».

7:1-2

Бог повелевает истребить народы, живущие в Ханаане: «Предайте их заклятию — уничтожьте! Не заключайте с ними договоров и не давайте им пощады».

Глава 13

Моисей призывает убивать всякого человека, соблазняющего Израиль поклонением иным богам: Даже если это твой родной брат, твоя жена или твой ребенок, «не жалей его, не щади и не укрывай. Убей его!». Израильский город, поддавшийся такому соблазну, должен быть уничтожен.

Глава 20

Божьи правила захватнической войны; повеление уничтожить местные народы: «А в городах здешних народов, чью землю Господь, ваш Бог, отдает вам во владение, не оставляйте в живых никого!»

Глава 25

Память об Амалеке: Поселившись на новой земле, евреи не должны забывать о войне с Амалеком: «Сотрите под небесами имя амалекитян. Не забудьте!»

Иисус Навин

Глава 6

Завоевание Ханаана и разрушение Иерихона: «Они предали заклятию все живое, что было в городе, — перебили мечом мужчин и женщин, детей, и стариков, быков, овец, коз, ослов».

Глава 8

Разрушение города Ая: «Всего в тот день были убиты двенадцать тысяч человек, и мужчины и женщины, — все, кто жил в Ае».

Глава 10

Уничтожение Маккеды по правилам херема: «Он перебил ее жителей и убил царя — уничтожил, предав заклятию, город и всех, кто в нем жил, до последнего человека». Подобное происходит и с другими городами: «Он уничтожил, предав заклятию (так повелел Господь, Бог Израиля), всех, кто жил в этой стране, до последнего человека».

11:20

Уничтожение некоторых других городов по правилам херема: «Господь побудил эти народы решиться на войну с израильтянами — для того, чтобы израильтяне уничтожили их, предав закланию, чтобы не было этим народам пощады, чтобы все они были истреблены, как повелел Господь Моисею».

1 Царств

Глава 15

Божье повеление Саулу: «Иди и отомсти Амалеку. Предайте закланию и уничтожьте все, что есть у него. Не жалея его, предай смерти всех: и мужчин, и женщин, и детей, и младенцев, и волов, и овец, и ослов, и верблюдов». Саул сохранил царю Агагу жизнь, позже Самуил был вынужден исправить его ошибку: «И Самуил зарезал Агага пред Господом в Гилгале».

История Иисуса Навина служит хорошей иллюстрацией к теме памяти и забвения, о которой шла речь во Введении. На протяжении двух последних тысячелетий христианское искусство богато отражало самые разные темы библейской традиции, но не менее интересны те темы Библии, которые буквально никогда не отражались в искусстве. Живописцы не раз обращались к Книге Иисуса Навина, изображая Раав, принимающую израильских соглядатаев, или переход Иисуса Навина через Иордан, — а популярный гимн рассказывает о том, как он сражается с Иерихоном («и стены его сокрушились»). Но другие темы этой библейской книги окружены молчанием. Художники изображают осаду Иерихона, но не последовавшую за ней кровавую бойню и не то, как

побежденных царей вешают на деревьях или распинают⁶¹. Вдохновляющее людей искусство изображает достойных героев, когда они находятся в положении жертв или борцов, но не когда они побеждают и осуществляют геноцид.

И когда изображают Раав, обычно забывают о том, как она объясняет свое предательство по отношению к своему собственному народу, ссылаясь на успешность жестокой кампании Иисуса Навина. Она говорит: «Я знаю, что Господь отдал вам нашу страну. Мы все в страхе [*'etah*] перед вами. Всех жителей страны охватил ужас!»⁶² Террор сделал свое дело.

Приказание убивать

Позднее апологеты старались показать, что эти жестокости не так страшны, как нам это кажется. Какой бы ужас мы ни испытывали перед этими текстами, говорили они, там описаны обычные вещи, происходившие при войнах в древности, и нам следует об этом помнить. В суровом мире железного века люди просто не умели вести себя иначе. Эти апологеты ссылались на подобные повествования о войнах, одобряемых богами, распространенные среди соседних народов, таких как хетты и аккадцы. Они указывали на надпись IX века на так называемой Стеле Меша: там царь Моава (территории сегодняшней Иордании) торжественно рассказывает об одержанной во имя бога Кемоша победе и о том, что сами израиль-

Чем глубже мы **начнем**
изучать соседей древнего **Израиля,**
тем яснее поймем, что его
идеология **войны выделяется своей**
кровожадностью

тяне подпали под заклятие (*херем*). Повинуясь указу Кемоша, царь взял город «и убил всех: семь тысяч мужчин и мальчиков, а также женщин и девушек, ибо посвятил я его Аштар-Кемошу; я взял сосуды и принес их пред лицо Кемоша»⁶³.

Однако на самом деле аргументы вроде «все так делали» не слишком убедительны. На самом деле, чем глубже мы начнем изучать соседей древнего Израиля, тем яснее поймем, что его идеология войны выделяется своей кровожадностью. Конечно, религиозные войны были обычным делом. Могущественные ассирийские завоеватели с IX по VII век до н. э. называли своих воинов армией бога Ашшура и приписывали ему свои победы. Они были безжалостными захватчиками, которые убивали или делали рабами массы людей. Ассирийцы вешали побежденных

царей, чтобы устрасить тех, кто осмелится сопротивляться империи в будущем, они казнили пленников и строили пирамиды из отрубленных голов своих жертв. Другие народы могли быть не менее жестокими, даже когда они не ссылались на повеления высших сил. В 415 году до н. э., когда знаменитая афинская демократия была в самом расцвете, греки опустошили остров Мелос: они убили всех мужчин, способных носить оружие, и превратили Мелос в афинскую колонию, целиком обновив его население⁶⁴.

Но хотя в древности было немало насилия и войн, случаи масштабного геноцида были редки, хотя и встречались. Даже когда ассирийцы или хетты торжественно заявляли, что взяли какой-то город, далее они сообщали о том, что ими было захвачено великое множество рабов. О том же свидетельствует «Илиада», которая описывает события времен Иисуса Навина, хотя автор произведения жил на несколько столетий позже. Так, в «Илиаде» Агамемнон предсказывает не просто разрушение Трои, но и тотальное истребление всех ее обитателей: «Эти троянцы! Пускай же из них ни один не избегнет / Гибели быстрой и нашей руки! Пусть ребята, которых / Матери носят во чреве своем, — пусть и те погибают! / Пусть они все без следа и без похорон, — все пусть исчезнут!»⁶⁵. Однако некоторые классические литературные труды греков указывают на то, что эта бойня не распространялась на женщин, которых захватчики взяли к себе на родину в качестве рабынь. В повествовании, которое содержит больше

деталей, говорится о том, что афиняне, перебив всех мужчин на Мелосе, сделали попавших в плен женщин и детей рабами. Да и какой разумный завоеватель стал бы поступать иначе? Когда в 146 году до н. э. римляне до основания разрушили Карфаген, так что победители, как рассказывают, засыпали солью место, где стоял город, они также оставили в живых десятки тысяч рабов. Римские писатели, сами ужасаясь этим деяниям, описывают уничтожение племен севера Европы, германцев и скандинавов, их врагами. Но генетические данные указывают на то, что победители не только пощадили захваченных в плен женщин, но и энергично производили от них потомство. Средневековые исландцы, о которых много говорится в норвежских сагах, в значительной степени были потомками тысяч захваченных в плен ирландских женщин⁶⁶. И даже те события, которые называли геноцидом, по сути такими не были. Единственным исключением из правила были действия римлян, которые начиная с III века до н. э. расширяли свою средиземноморскую империю. Их манера вести войну возмущала древний мир, привыкший к насилию. Греческий историк Полибий описывает взятие города Картагена в 209 году до н. э., во время которого римляне перебили всех его жителей — мужчин, женщин и детей:

Мне кажется, римляне поступают так с целью навести ужас на врагов. Вот почему часто можно видеть в городах, взятых римлянами, не только трупы людей, но и разрубленных пополам собак

и отсеченные члены других животных. Благодаря множеству застигнутых в городе людей смертоубийство на сей раз было ужасное⁶⁷.

Это напоминает библейские рассказы о завоеваниях, происходивших на тысячу лет раньше. Но сам тот факт, что Полибий описывает эти ужасы так подробно — поверите ли, как бы говорит он, они убивают даже детей, — указывает на то, что такие вещи были исключением. Большинство жестокостей древности, которые действительно можно назвать геноцидом, с убийством женщин и детей, совершалось либо римлянами, либо теми, кто сопротивлялся политике Рима. Есть еще один пример геноцида в древности, на который часто ссылаются: в 88 году до н. э. царь Понта Митридат перебил большинство итальянцев, проживающих на территориях Малой Азии, которые находились под его контролем⁶⁸.

Побежденных не истребляли не из добрых побуждений, но из корысти. Несомненно, войны с массовым истреблением происходили на земном шаре в доисторические времена и в сохранившихся примитивных обществах. Но обычно при этом убивали взрослых мужчин, а всех прочих пленников эксплуатировали — экономически или сексуально. Хотя некоторых из них убивали, иногда совершая человеческие жертвоприношения, захваченные люди были ценным ресурсом, который не стоило тратить зря, и это стало играть особенно важную роль, по мере того как сообщества увеличивались в размерах и становились организован-

нее. Если победители принадлежали к стабильному сообществу — царству или национальному государству, — они получали новый источник податей и налогов. Сравнительно меньшие группы, такие как кочующие племена, стремились заполучить рабов, которых можно было продать — часто продать более развитым в экономическом смысле сообществам⁶⁹.

Убивать женщин и детей, которые превращались в имущество победителей, не было смысла. Песнь Деворы в Книге Судей говорит о том, чего ожидали тогдашние воины от успешного сражения: заполучить по одной девушке или по две на брата, захватить много одежд и сокровищ, чтобы потом их поделить. Хотя поражение было полной катастрофой для проигравших — с потерей независимости, свободы и чести, — их жизнь не прекращалась, какой бы жалкой она ни была, и у них оставался какой-то шанс освободиться или сбежать в будущем. Так, когда в 586 году до н. э. Вавилон разрушил царство евреев и переселил побежденных, по меньшей мере множество людей *осталось* в живых. Даже уничтожение врагов имеет свои разумные пределы, но древний Израиль с этим не считался⁷⁰.

Если *херем* и не был уникальной тактикой ведения войны, полное истребление врагов не было нормой, и мы это видим, когда сравниваем Израиль с другими народами древнего мира. Хотя Стела Меша упоминает *херем*, здесь мы сталкиваемся с культурой, которая складывалась в многовековых взаимоотношениях с Израилем, так что, воз-

можно, моавитяне позаимствовали эту практику у своих соседей. Именно на эту слабую параллель опираются ученые, когда пытаются доказать, что войны Иисуса Навина соответствуют тому, что в те времена происходило на всем Ближнем Востоке.

Соппротивление Господне

Попробуем в качестве упражнения для ума найти современную параллель для «войн Иисуса Навина». Результат окажется не слишком приятным. Допустим, что повествования Библии исторически достоверны, и поглядим на них глазами жителей ханаанских городов: они видят банды мародеров, которые убивают всех, кто им попадется, включая детей и даже животных, причем делают это во имя своей веры. Подобные явления сегодня происходят в Африке в тех случаях, когда механизмы государственной власти фактически не действуют, так что там появляются шайки бандитов, партизан или агрессивные племена, собранные вокруг харизматических лидеров, претендующих на особое божественное откровение.

Например, мы можем вспомнить об апокалиптической Армии Соппротивления Господня (АСГ), возникшей в Уганде в 1987 году и все еще продолжающей действовать. Ее чудовищный создатель Джозеф Кони считает себя пророком, вещающим от лица Бога. Эта Армия знаменита своей некротимой жестокостью, массовыми убийствами и

пытками, которые помогают ей держать контроль над некоторыми районами. Она славится тем, что набирает в солдаты детей и других детей убивает. Похищение женщин, которые становятся сексуальными рабынями, — это обычное деяние солдат АСГ. Благодаря всему этому у Армии Сопротивления Господня нет сторонников или сочувствующих в современном мире, и многие видят в этой группе предельно яркое воплощение зла. Она вызывает отвращение во всем мире благодаря тому, что сегодня СМИ могут об этом рассказать всем. Однако в древности только жители Ханаана и близлежащих районов знали о том, на что похожи сторонники Моисея и Иисуса Навина — они должны были вызывать у них такую же ненависть, какую сегодня мы испытываем по отношению к членам АСГ⁷¹.

Не лучше выглядит и группа боевиков «Джанджавид», которую правительство Судана использовало для уничтожения враждебных племен в районе Дарфура. Религия не играет в этом конфликте значимой роли, поскольку обе стороны здесь привержены своей традиции ислама, однако название группы — «джинны на коне» — опирается на мифологию. Джинн — это дух или гений, так что свободно можно было бы перевести ее название как «Ангелы-всадники». Начиная с 2003 года «Ангелы», проводившие безжалостную кампанию этнической чистки, убили около трехсот тысяч человек и вынудили переселиться около трех миллионов суданцев. В 2009 году президент Судана, участвовавший в деятельности боевиков,

был обвинен в военных преступлениях — беспрецедентный случай, когда официальный глава государства слышит такое обвинение. В современном мире этнические чистки и массовые убийства, по крайней мере, вызывают возмущение международного сообщества, даже если оно старается не вмешиваться в чужие дела без надобности⁷².

Повествования Библии о массовом порабощении также имеют свои параллели в позднейшей истории. Не все народы Ханаана стали жертвами геноцида, но оставшиеся в живых потеряли независимость или превратились в крепостных. Книга Иисуса Навина рассказывает о жителях Гаваона, которые обманом заставили израильтян поверить в то, что они не принадлежат к коренным народам Ханаана (подлежавшим истреблению). Израильтянам пришлось хранить данное этим хитрым соседям обещание, так что их оставили в живых. Но хотя гаваониты сохранили жизнь, они превратились в низшую касту — их вынудили рубить деревья и носить воду. Позднее в христианском мире, почитавшем Библию, под влиянием этого отрывка складывались формы рабства и принудительного труда, особенно в тех случаях, когда подчиненные народы принадлежали к иным расам. В Книге Судей приводится список районов и селений, из которых не были изгнаны местные народы, — здесь чужаков вынуждали выполнять принудительные работы или сделали крепостными⁷³.

Сохранившиеся этнические группы имели и другое предназначение. По словам Библии, дру-

гие народы Ханаана сохранили жизнь и независимость ради того, чтобы евреи не утратили воинского духа. Как сказано в Книге Судей, Бог оставил некоторые народы на этом месте, чтобы испытать израильтян, не приобретших боевого опыта, и обучать их потомков искусству войны. Пока у них есть враги — филистимляне и остатки народов Ханаана и хиввеев, — Израиль не поте-
ряет форму⁷⁴.

Бог ожесточил их сердца

Почему же Бог, как он изображен в Библии, так яростно ненавидит народы Ханаана? Библейские тексты дают этому разные объяснения, в том числе в некоторых местах говорится о том, что эти народы были крайне порочны: их злодеяния превысили всякую меру, так что Богу пришлось вмешаться. Когда Бог обещал отдать эту землю Аврааму, он добавил, что потомки патриархов не смогут овладеть ею в течение жизни многих поколений, «ибо грехи амореев еще не достигли своей меры»⁷⁵. Когда же наступило нужное время, Богу пришлось вмешаться, подобно тому как ранее ему пришлось уничтожить все испорченное человечество во дни Ноя.

Мы можем напрягать свое воображение, пытаясь понять, какие же неслыханные злодеяния они совершили, но сначала нам лучше усвоить ту мысль, что эти нравственные соображения были добавлены к древней истории позднее, задним чи-

слом. Как я покажу в следующей главе, ранее того притязания Израиля на эту землю никак не были связаны с дурным поведением живущих здесь народов. Ханаанеи и другие народы не были чрезвычайно грешными, они просто оказались на этом месте и их следовало устранить. Разумеется, это ставит еще более трудную проблему перед богословами, но такие представления действительно были более древними.

Если же мы обратимся к Библии, чтобы найти там нравственное обоснование жестокости израильтян, мы столкнемся с неразрешимым парадоксом. Многие библейские отрывки не могут дать убедительных (для нас) объяснений, но это еще не все — регулярно истории убийств сопровождают такие объяснения, которые нам слишком трудно принять. Авторы Библии снова и снова повторяют одно и то же: сам

А в т о р ы Библии **СНОВА И** снова
повторяют **ОДНО И ТО ЖЕ:** сам
Бог сделал врагов **Израиля** более
порочными и опасными, чем они бы были
сами по себе

Бог сделал врагов Израиля более порочными и опасными, чем они бы были сами по себе. Когда врагам Израиля предстоит выбрать тот или иной план действий, Бог «ожесточает их сердца», намеренно подводя их к неразумным решениям, а это влечет за собой пролитие крови.

В истории Исхода тема «Бог ожесточил сердце фараона» повторяется как рефрен, как будто Бог постоянно вмешивается таким образом, чтобы мирное разрешение конфликта стало невозможным. Подобным образом Бог действует в случае царя Сихона: Бог «сделал его дух упрямым, а сердце непреклонным», что повлекло за собой истребление целого народа. Перечислив массовые убийства, которые совершило войско Иисуса Навина, убивавшее «все дышащее», историк дает такой комментарий:

Господь побудил эти народы решиться на войну с израильтянами — для того чтобы израильтяне уничтожили их, предав заклятью, чтобы не было этим народам пощады, чтобы все они были истреблены, как повелел Господь Моисею⁷⁶.

В каждом случае правитель должен был принять решение о том, как поступить с израильтянами. У него были разные варианты, в том числе такие, которые повлекли бы за собой мирное и гармоничное устранение конфликта. Однако, как сказано в библейском тексте, Бог подталкивает его к таким решениям, которые ведут к массовому кровопролитию или уничтожению всего его народа. И такие злые намерения Бога всегда объясня-

ются только лишь тем, что YHWH хотел показать свою силу, чтобы явить «могущественные дела Божии». Это скорее не конфликт между добром и злом, но нечто иное: Бог делает одну сторону особенно злой, чтобы это послужило предостережением прочим.



Читая об этом, невольно задаешься одним вопросом: чем же именно здесь деяния благого Бога отличаются от козней сатаны или Молоха?

2

А было ли то, о чем написано в Библии?

Люди никогда не вершат зло в такой полноте и с такой готовностью, как когда делают это из религиозных побуждений.

Блез Паскаль

Т

от, кто сегодня читает библейские повествования о завоевании Ханаана, неизбежно задается вопросом: на самом ли деле все это происходило так, как описано? Многие современные библеисты испытывают серьезные сомнения в том, что здесь нам представлен точный исторический отчет о событиях. Для современных верующих, как иудеев, так и христиан, такой скептицизм есть палка о двух концах. Вряд ли верующий с гордостью скажет: «Наши священные книги не так плохи, как может показаться. Потому что в них описано то, чего никогда не происходило». И даже если признать, что эти страшные истории — просто мифы, каким образом эти сатанинские пассажи попали в священные тексты?

За этим первым вопросом кроется второй, не менее сложный. Допустим, мы признаем, что библейские рассказы о массовых убийствах были плодом вымысла, — что нам тогда делать со многими другими примерами насилия и расовой нетерпимости, в реальности которых усомниться трудно?

Прислушиваясь к разным голосам

Самые мрачные библейские тексты мы найдем в двух тесно связанных книгах Ветхого Завета — Второзаконии и Книге Иисуса Навина, — где описывается покорение Ханаана в XIII—XII веках до н. э.⁷⁷ Прежде чем мы сможем судить об исторической достоверности этих историй, нам следует понять, на каком этапе они попали в Библию в процессе ее создания. Это ранние или поздние тексты? Сколько лет или веков отделяло их авторов и редакторов от описываемых событий? На какое место их помещают библеисты с точки зрения историчности? Как я покажу, Второзаконие и Книга Иисуса Навина были написаны достаточно поздно, так что большая часть их материала датируется временем не ранее VIII века до н. э., то есть они были созданы шестнадцать поколений спустя после самого завоевания. Если это так, историческая достоверность книг должна вызывать серьезные сомнения.

Чтобы понять, как мы можем судить о времени создания библейских книг, нам следует

познакомиться с тем, какие методы применяют библеисты при анализе подобных текстов. Исследователи считают, что священные тексты создавались в несколько этапов и вобрали в себя разные традиции, так что некоторые «голоса» там более древние, чем прочие: это напоминает археологические раскопки, когда ученые открывают один за другим все более древние слои. Эта аналогия особенно хорошо подходит к первым пяти книгам Библии — Бытию, Исходу, Числам, Левит и Второзаконию, — которые вместе называют Пятикнижием. Хотя их создание приписывали Моисею, сегодня мало кто думает, что они написаны одним автором — и уж тем более мало кто верит в то, что этим автором был сам Моисей. Убедительные аргументы на этот счет привел еще в 1670 году Барух Спиноза, основоположник современной библейской критики. Ключ к этому дает один отрывок Второзакония, рассказывающий о смерти и погребении Моисея. По меньшей мере, мы должны признать существование позднейшего автора или редактора, в котором некоторые видели Иисуса Навина. Спиноза полагал, что сам Моисей в лучшем случае был автором незначительной части текстов из всех пяти книг (любопытно, что он включил в число этих текстов рассказ об Амалеке)⁷⁸.

Уже в середине XVIII века французский ученый Жан Астрик заметил, что в разных отрывках Пятикнижия используются разные имена Бога, причем это происходит в явно параллельных отрывках. В одних речь идет о Яхве, в других ис-

пользуется имя Элохим. Очевидно, первые книги Библии вобрали в себя материал по меньшей мере двух разных источников, который обычно называют J (Яхвист) и E (Элохист). Позднее ученые установили наличие еще двух важных источников. Это священнические писания и материалы, которые называют P, и особый источник D, связанный с книгой Второзаконие, которая отличается ото всех прочих⁷⁹.

В XIX веке библеисты уже уверенно заговорили о J, E, P, D как четырех слоях, образующих Пятикнижие, или Тору. Позже ученые поставили под сомнение эту гипотезу об источниках на том основании, что отделить один слой от другого практически невозможно. В частности, многие из них считают, что J был вовсе не самостоятельным трудом, но только лишь дополнением к отдельным историям. Другие же продолжают думать, что гипотеза источника J позволяет открыть некоторые слои ранней традиции. Что бы мы ни думали о частностях, многие ученые согласны с тем, что в какой-то момент — возможно, в VI веке до н. э. — некий выдающийся редактор или группа авторов соединила разные материалы в единое целое, и так появились те книги, что мы знаем. При этом они «написали Библию» или, по меньшей мере, ее важнейшие части⁸⁰.

Эти разные источники относятся к разным эпохам. Большинство ученых считает, что самые древние среди них — J и E. Хотя они вобрали в себя еще более древние традиции, преимущественно устные, оба они были созданы, вероятно, в

IX или VIII веке до н. э. Другие источники имеют позднейшее происхождение: хотя Р, возможно, создавался на протяжении долгого периода, он обрел свою окончательную форму в V веке до н. э.

Второй закон

Четвертый источник, называемый D, датировать проще, и он непосредственнее связан с определенными политическими и религиозными программами. В частности, источник D связан с движением за великую монотеистическую реформу конца VIII века до н. э. во время правления Езекии (около 715–686), а затем определял мышление и религию евреев до их депортации в Вавилон в 586 году. Эти временные рамки дают контекст для многих текстов из тех, о которых мы здесь говорим, и помогают понять, какие религиозные и культурные тенденции они отражают.

На хронологию появления источника D косвенно указывает одна история из Четвертой книги Царств. Около 620 года до н. э., когда шло восстановление Храма, первосвященник нашел древнюю Книгу Закона и показал ее царю Иудеи Иосии. Увидев, как далеко Израиль отошел от высоких стандартов этой древней (как он полагал) книги, царь пришел в ужас. Это побудило его произвести радикальные реформы, направленные на искоренение язычества и восстановление славных обычаев эпохи Моисея.

Эта великая книга, очевидно, содержала по меньшей мере основу того текста, который мы сегодня называем Второзаконием. Она была создана за несколько десятилетий до ее обнаружения, вероятно, около 710 года до н. э.

В целом язык источника D соответствует исторической обстановке второй половины VIII века. Когда во Второзаконии приводятся слова Бога, они напоминают те речи, которые мог бы произнести могучий царь Ассирии около 700 года до н. э. На тот момент это был самый величественный образ монархии и ее власти, который мог себе вообразить житель Палестины из круга священников. Нельзя сказать, что тексты источника D внезапно появились во времена Иосии, скорее к этому моменту их собрали и систематизировали. Позднейшие авторы видели в них новые важные слова о законе, Второй Закон, откуда и происходит греческое слово *Deuteronomion*⁸¹.

Второзаконие играет важную роль в композиции всей Библии в целом — оно объединяет ряд книг с общими темами, интересами и стилем, которые принято называть «девторономическая история». Это историческое повествование обрело свою окончательную форму в VI веке, оно идет от Второзакония через книги Иисуса Навина и Судей к четырем так называемым Книгам Царств (которые в протестантской Библии носят названия Первая и Вторая книги Самуила и Первая и Вторая книги Царей). В последние годы мысль о существовании «девторономического» источника вызывала яростные споры, поскольку библеисты

нашли, что он повлиял на множество библейских текстов, включая великих пророков. Некоторые критики даже используют термин «пандевтерономизм», когда они нападают на склонность библеистов видеть в каждом тексте следы Второзакония⁸².

Идея «девтерономической истории» не предполагает, что кто-то написал все эти книги в VIII или VII веке до н. э. Там использовались древние источники. Так, например, Песнь Деворы в Книге Судей имеет древнее происхождение (возможно, она была создана около XI века до н. э.), а многие историки полагают, что повествование о царе Давиде основано на преданиях того времени, когда он жил, то есть X века до н. э. Однако нам следует помнить о том, что над этими историями поработали позднейшие редакторы. Особенно это касается Второзакония и Книги Иисуса Навина.

Потерянные 500 лет истории

Учитывая эту хронологию, давайте снова рассмотрим повествования о завоевании Ханаана, которые, следует думать, происходили в XII веке до н. э. Как думают самые свободные от скепсиса ученые, источник J был создан не ранее 900 или 850 годов. Сама же книга Второзаконие обрела свою форму не ранее чем через пять веков после убийства царя Сихона и его подданных. Значит, авторов книги от описываемых ими событий отде-

ляло такое же хронологическое расстояние, которое отделяет нас от времен Мартина Лютера или Христофора Колумба. Когда бы мы ни размышляли о Второзаконии или Книге Иисуса Навина, мы должны помнить о контексте — они были написаны около 700 года до н. э. или позже, а не в XII веке.

Эта хронология сама по себе не позволяет утверждать, что библейские рассказы о покорении Ханаана исторически недостоверны. Устная традиция могла сохранить точные воспоминания о событиях, а позднейшие авторы могли пользоваться не дошедшими до нас письменными источниками. Однако у нас есть разумные причины относиться к повествованиям о войнах с большим скептицизмом. Иные же библеисты куда радикальнее в своей критике: например, некоторые почтенные ученые, относящиеся к так называемой школе минималистов, полагают, что в Библии, когда она описывает события до VI века до н. э., вообще нет надежных исторических сведений, в частности, эти исследователи не верят в существование царств Давида и Соломона (около 1025–925). Другие библеисты думают, что минималисты заходят в своей критике слишком далеко, но и они сомневаются в историчности повествований о Моисее и Иисусе Навине⁸³.

Кроме того, повествования во Второзаконии и Книге Иисуса Навина содержат больше серьезных противоречий, чем другие книги Библии, включая даже те, на которых отразилось влияние авторов Второзакония. Так, в Книге Иисуса Навина го-

ворится об уничтожении ряда городов и народов. А Книга Судей, которая описывает события позднейших десятилетий, содержит утверждение, что многие такие этнические группы продолжают существовать и представляют опасность для Израиля, оставаясь непокоренными. Значит, как минимум одна из версий здесь неверна. Еще в XVIII веке английский скептик Томас Вулстон заявил: «Либо история Книги Судей, либо история Книги Иисуса Навина целиком ложна»⁸⁴.

Никакого завоевания Земли обетованной не было?

Даже если бы повествования девтерономистских книг были свободны от внутренних противоречий, нам трудно было бы видеть в них исторические факты из-за одного важного препятствия. Нам здесь помешала бы археология. Если сказать просто, у нас нет никаких артефактов, которые бы указывали на вторжение или наличие захватчиков в ту эпоху, когда в Ханаане должен был вести свои войны Иисус Навин⁸⁵.

Археология Израиля (Палестины) — это обширная область знаний, в которой важное место занимают труды, посвященные концу бронзового и началу железного века, то есть той самой эпохе, когда евреи должны были покорить Ханаан и начать создавать свои поселения. Но от этих бурных событий не осталось никаких следов. Если бы повествования Библии обладали исторической точ-

ностью, такие следы были бы найдены археологами, тем более что библейские авторы старательно указывали, в каких местах что происходило. (Мы можем подробнее рассмотреть повествования о покорении Ханаана, хотя это не относится к амалекитянам и мидьянителям, поскольку эти пастушеские племена вели кочевой образ жизни и вряд ли должны были оставить материальные следы своего существования.)⁸⁶

Библия говорит о разрушении ханаанских городов и крепостей, значит, в первую очередь нам стоит найти остатки данных поселений. Следовало бы ожидать, что эти поселения процветали в определенную эпоху — скажем, между 1500 и 1200 годами до н. э., — а затем в какой-то момент перестали существовать. На месте ханаанских городов должны были бы остаться слои разрушения с разрушенными стенами и следами пожаров, а также непогребенными телами. Археологи умеют определять эти важные признаки завоеваний и убийств в других регионах и в другие эпохи, а потому знают, как их искать. Мы должны были бы найти такие следы разрушений, причем в нескольких местах, коль скоро катастрофа коснулась разных городов, когда населенный район превратился в место бойни. Мы могли бы также найти материальные остатки, указывающие на присутствие завоевателей, — скажем, указания на появление нового стиля гончарных изделий или архитектуры. Можно было бы думать, что новые хозяева Ханаана принесли с собой какие-то элементы египетской культуры, поскольку они по-

кинули Египет всего за несколько десятилетий до того.

Можно привести пример из позднейшей истории: в Северной Америке археологи находят следы, подобные тем, которые должна была бы оставить война по правилам *херема* (разумеется, используя это сравнение, я не хотел сказать, что между этими сообществами и сообществами древней Палестины существует какая-либо прямая связь). На Юго-Западе Америки можно найти остатки сгоревших домов и разрушенных культовых зданий, соответствующих кровавой борьбе с так называемым племенем анасази в XIII веке. В разрушенных селениях и крепостях были найдены скелеты мужчин, женщин и детей, оставшихся без погребения, иногда с отрубленными частями тела. Археологи могут не только утверждать, что воины там убивали всех без разбора, они могут даже сказать, как были убиты побежденные: скольких из них пытали, калечили или сжигали живьем. На костях человека можно найти повреждения от характерных типов оружия той эпохи, которые мало чем отличались от тех, какими владела армия Иисуса Навина. Победители перебили даже всех животных. В случае коренных американцев мы можем уверенно сказать, что массовые убийства и разрушения действительно имели место. Захватчики там действительно никого не щадили, и об этом свидетельствует масса археологических находок⁸⁷.

Однако если говорить о Ханаане, здесь не было найдено буквально ни одного следа заво-

евания. Ханаанские города воевали один против другого, какие-то группы переживали атаки и поражения, но мы не найдем никаких признаков систематического разрушения на протяжении короткого периода, хотя следовало бы ожидать, что они остались, если библейские тексты были бы исторически достоверны. Некоторые города, якобы покоренные Иисусом Навином, на самом деле продолжали долго существовать после периода завоеваний, пока не исчезли в силу каких-то еще причин, другие места показывают, что поселения на них возникли спустя несколько веков после времен Иисуса Навина. Найдено немного селений, действительно разрушенных около 1200 года до н. э., но находки на этих местах не укладываются в картину, нарисованную Библией, вероятно, разрушения здесь дело рук не евреев, а каких-то еще противников.

Можно найти немало примеров ситуаций, когда археологические находки не подтверждают то, что сказано в Библии. Так, скажем, Иерихон действительно был древним городом — одним из древнейших поселений на всей нашей планете, — и он многократно подвергался осадам и разрушению, однако исследователи считают, что во времена покорения Ханаана никакого города с жителями на этом месте не было. Как не было и Гая, где, если верить Библии, также произошли ужасные массовые убийства. Маккеда вообще возникла не ранее X века до н. э. Из всех мест побой, о которых говорит Библия, археологи нашли только одно, которое соответствует описанному —

М о ж н о найти **немало**
примеров ситуаций, когда
археологические **находки не**
подтверждают то,
что сказано в Библии

город Хазор, вероятно, покоренный и разрушенный примерно в подходящее время, но и здесь ученые продолжают спорить об интерпретации полученных данных⁸⁸.

Если собрать все соответствующие археологические свидетельства, можно сказать, что войны Иисуса Навина не оставили никаких следов. Археолог Уильям Девер, оценив накопленные факты, делает следующее заключение: находки «почти *никак* не подтверждают историчность повествования Библии о масштабном и согласованном завоевании Ханаана израильтянами»⁸⁹. Возможно, автор VIII века до н. э. знал, где находятся самые живописные развалины, но мало что знал о существовании городов на этих местах в прошлом. Само имя города Гая происходит от еврейского слова, означающего «развалины». Автор не знал, когда эти древние

поселения перестали существовать — были они разрушены триста или тысячу лет назад? — и придумал легенду о масштабном завоевании, чтобы объяснить их гибель.

Откуда пришли *таинственные* **еврейские** воины?

Не менее таинственно выглядят еврейские завоеватели, о которых говорит Библия. У ученых существовали разные теории на этот счет, но в данный момент они утверждают, что нет никаких фактов, указывающих на то, что в описываемую эпоху началось массовое вторжение чужеземцев в Ханаан. Чем глубже мы изучаем древних евреев, тем ярче видим их сходство с ханаанеями⁹⁰.

На Ближнем Востоке регулярно происходили завоевания, оборачивавшиеся для кого-то катастрофой, в ту самую эпоху, когда заканчивался бронзовый век и наступал век железный. Сама такая перемена названий, быть может, имеет отношение к конфликтам того времени, поскольку новые технологии войны и новые типы оружия нарушили сложившееся равновесие сил. Некоторые же ученые считают, что политическую бурю вызвала какая-то планетарная катастрофа: внезапная перемена климата либо, быть может, извержение гигантского вулкана в каком-то отдаленном месте на земном шаре. Каковы бы ни были причины нарушения равновесия, его последствия были весьма разрушительными⁹¹.

Между 1600 и 1200 годами до н. э. на Ближнем Востоке и в Средиземноморье доминировало несколько богатых и процветающих империй: новое царство Египта, империя хеттов в Малой Азии и Сирии, микенские царства в Греции и на побережье Эгейского моря. Но внезапно в течение всего лишь нескольких десятилетий существование всех их оказалось под угрозой. Большинство из них, за исключением Египта, развалилось на фоне войн и массового переселения народов. Мощные группы кочующих разбойников, так называемые «морские народы», стали реальной угрозой для старой системы империй, а особенно опасными они были для городов на побережье, скажем, Сирии или Ханаана. К таким новым мигрантам принадлежали, в частности, филистимляне, которые часто оказывались смертельными врагами царства израильтян при Сауле и Давиде. По всему цивилизованному миру великие города и дворцы разрушались или оставались в запустении, городская жизнь и торговля переживали кризис. В некоторых районах сообщества вырождались до такой степени, что утрачивали грамотность⁹².

В результате наступил древний Темный век. И действительно, эта эпоха напоминала позднейший период падения Римской империи, и она, как и в новый Темный век, осталась в памяти легендарным временем с его выдающимися героями. Теоретически один и тот же человек мог бы тогда наблюдать и гибель Трои, и покорение Ханаана евреями.

Если бы не различные библейские тексты, многие современные археологи создали бы при-

мерно такую реконструкцию истории древнего Израиля. В течение бронзового века Палестина и юг Сирии были наполнены процветающими городами-государствами ханаанеев. Мы многое знаем об этих сообществах благодаря богатой коллекции писем XIV века, найденной в Амарне (Египет), которая показывает, что местные представители Египта и вассалы в Сирии и Палестине искали у двора фараона помощи и защиты. В XIII веке в этом регионе доминировал Египет, хотя у него был могущественный соперник на севере — империя хеттов. Ближе к концу бронзового века возникли новые поселения на относительно бедной холмистой земле, примерно соответствующей району Западного берега в нынешней Палестине, который до войны арабов с Израилем 1967 года контролировался Иорданией. Во второй половине XIII века старые социальные структуры стали хуже работать из-за беспокойной обстановки на всем тогдашнем Ближнем Востоке. Поскольку городская жизнь и торговля переживали упадок, возросло значение пастушества и кочевого образа жизни. Из-за кризиса на холмистую землю переселилось немало ханаанеев, так что населенность этой области резко возросла⁹³.

Возможно, эти новые сообщества хотели сознательно обособиться от культуры Ханаана, отказываясь платить налоги, участвовать в принудительных работах, давать солдат для армии и переживать на себе общий гнет эксплуатации со стороны богатой элиты. К этим «дезертирам», как считает Уильям Девер, присоединились маргина-

лы из городов, разбойничьи шайки разорившихся людей, беженцы, насильственно переселенные члены враждебных племен и пастухи-кочевники. Здесь действительно могли оказаться и бывшие рабы, убежавшие из Египта. И эта последняя группа рассказывала истории об исходе и освобождении, которые позже усвоило все это общество. После периода консолидации, когда они были маргиналами с точки зрения ханаанского общества, эти группы вышли на историческую сцену как народ Израиля, который впервые в истории упоминается в надписи египетского фараона Мернептаха в 1207 году до н. э. Но и в этот момент их численность могла быть незначительной — может быть, несколько сот домашних хозяйств. «Одни из них родились израильтянами, другие стали ими по своему выбору». Как бы там ни было, общность, носящая имя Израиль, действительно существовала⁹⁴.

Это новое сообщество нам будет проще понять, если мы рассмотрим другие группы жителей возвышенностей, обитавших рядом с соседними государствами или империями. Иногда к таким группам примыкали беглые рабы, создававшие жизнеспособные сообщества. Некоторые их языки все еще указывают на связь между бегством из плена и географией. Когда испанцы покорили Новый мир, они стали использовать специальное слово для беглых рабов — *cimarron*, человек, обитающий на вершине (*cima*) горы. (В свою очередь, отсюда пошло английское слово для беглого раба — *maroon*.) Каково бы ни было происхождение

ние подобных сообществ, им удавалось сопротивляться требованиям эксплуататоров — государств и царств, а некоторые из них считали своими родоначальниками харизматических вождей или пророков. Если принять эту точку зрения, окажется, что в историческом смысле Израиль не был чем-то исключительным, хотя ему удалось создать устойчивую мифологию о своем происхождении⁹⁵.

О том, что именно представляло собой это новое общество и что было главными отличительными характеристиками израильтянина, все еще ведутся споры. Библия практически ничего не говорит нам о взаимоотношениях между евреями и жителями Ханаана, как будто последние — это кто-то вроде пришельцев с чужой планеты. Однако языки соседей настолько близки один к другому, так что в написанной в VIII веке до н. э. главе 19 Книги пророка Исайи говорится о том, что еврейский — это «язык Ханаана». Письменная речь также указывает здесь на родство. Предшественником арамейского и еврейского шрифтов был ханаанский, а древнейший из известных нам примеров еврейского письма — так называемый остракон из Кейафы X века до н. э. — написан протоханаанским шрифтом. Таким образом, книжники, записывавшие истории об уничтожении ханаанеев, пользовались шрифтом, созданным на основе письменности этого злейшего врага. Вероятно, Израиль стал сильнее выделяться на фоне соседей через столетие или более после эпохи Мернептаха, когда он стал примерно такой общностью, которую описывает Библия. Археоло-

гические находки показывают, что он выходит на сцену скромно — об этом свидетельствуют новый стиль домов и, возможно, следы того, что израильтяне не едят свинину, — но его отличие от более древних сообществ не было слишком разительным. Если бы вы оказались около 1150 года на одной из дорог Палестины и увидели бы на ней одинокого путника, как бы вы смогли отличить ханаанея от израильтянина? Быть может, по одежде, по орнаменту или прическе, по его манере речи — говорил ли он с особым местным акцентом? Не менее интересным была бы подобная встреча с женщиной. Что ее выделяло? Быстрее или медленнее женщины усваивали израильскую идентичность — что бы это слово ни значило? Вероятно, эти этнические маркеры вначале были скромными, но потом они приобрели великое значение, и возможно, на протяжении десятилетий израильтяне и ханаанеи, обретшие свои видимые отличительные черты, дрались друг с другом. Но эти отличия возникли уже в самом Ханаане, их не принесли сюда из пустыни воины Иисуса Навина⁹⁶.

Нам даже трудно судить о том, насколько религия израильтян отличалась от веры его соседей. Ханаанеи поклонялись большой семье богов и богинь, которых они прославляли в определенные сроки в святилищах, рассеянных по всей стране, на холмах, где были алтари и изображения. Как утверждает Библия, израильтяне были строгими приверженцами монотеизма, чем радикально отличались от жителей Ханаана. Они ве-

рили в единого Бога, который стоял вне всякого сравнения с прочими богами и богинями, и ему поклонялись лишь в одном храме в Иерусалиме. Это был чистый яхвизм, верность одному истинному Богу, YHWH, само имя которого было такой святыней, что его нельзя было произносить. Позднейшие библейские авторы указывали на то, что яхвизм существовал бок о бок с другими религиями и что цари и пророки боролись за то, чтобы Израиль не вернулся к состоянию древнего политеизма, язычества и поклонения явлениям природы. Читая Библию, мы представляем себе многовековой конфликт между двумя совершенно разными типами веры с их отличающимися практиками⁹⁷.

Однако историк должен отнестись к этой картине скептически. Согласно Библии этих языческих практик придерживалось туземное население Ханаана, которое было полностью истреблено или изгнано Иисусом Навином с его воинами. Но это скорее отражает попытку реформаторов из числа яхвистов в VIII веке до н. э. передать свои идеи и стремления через истории далекого прошлого, написанные задним числом. В те годы, скажем, в XII или XI веках, религия Израиля все еще сильно походила на религию его соседей в Ханаане и включала в себя поклонение богиням. Сельские холмы со святилищами, против которых так яростно выступали пророки и реформаторы, свидетельствовали о древней религии евреев, которые поклонялись как великому Богу YHWH, так и другим божествам обоих полов⁹⁸. И если даже

еврейские завоеватели на самом деле покорили Ханаан, мы не можем судить о том, стояли ли за этим какие-либо религиозные мотивы.

Кому понадобился миф **о героическом прошлом?**

Предположим для простоты аргументации, что повествование о вторжении Иисуса Навина было просто мифом, который объяснял, как появился народ Израиля и как он занял эту территорию. Но даже если описанные в Библии события никогда не происходили, эта история все равно должна нас беспокоить. Разве нельзя было придумать легенды о царях и воинах, которые были бы образцами для последующих поколений? Или истории о битвах с кошмарными злодеями? Но зачем рассказывать о геноциде? И почему позднейшие авторы Библии не попытались скрыть ужасающие истории прошлого, но их сохранили и даже выпятили те черты, в которых мы видим древнее варварство?

Чтобы дать ответ на эти вопросы, необходимо понять, в какую эпоху создавались Второзаконие и Книга Иисуса Навина. В различные моменты истории Израиля с установлением царства Давида до вавилонского изгнания (примерно от 1000 до 586 годов до н. э.) еврейский народ мучительно размышлял о том, насколько его религиозная жизнь должна отличаться от той, которой живут соседние народы⁹⁹. И решительный шаг к абсо-

лютному монотеизму был совершен в момент экзистенциального кризиса, с которым евреи столкнулись в конце VIII века и далее. В VIII веке существовало два царства: северное, Израиль, центром которого была Самария, и южное, Иуда, со столицей Иерусалимом. Но оба они существовали в неуютном контексте больших империй, в котором тогда доминировал Египет, но одновременно набирала силу Ассирия. Когда последнюю возглавил Тиглатпалассар III (царствовавший в 745—727 годах до н. э.), Ассирийская империя начала расширять свои владения с помощью завоеваний и дипломатии. В 721 году Ассирия завоевала северное царство Израиль и переселила его обитателей в далекие страны: так десять из исторических двенадцати племен в целом исчезли со сцены истории. Оставалось южное царство Иуда, но долго ли оно могло продержаться? В 701 году Иерусалим пережил крупную осаду¹⁰⁰. Хотя в последующие десятилетия Ассирия стала терять былую силу, на ближневосточной сцене появились другие игроки. В 612 году заново возродившаяся Вавилонская империя раздавила обессиленную Ассирию и сама стала для Иудеи источником великой опасности. Наконец, в 586 году Вавилон покорил Иерусалим и отправил в изгнание его обитателей.

Размышляя обо всех этих катастрофах, еврейские мыслители обращались мыслью к культу, в котором видели и причину, и средство разрешения кризиса. Народ оказался в опасности потому, что не хранил верность завету и поклонялся

иным богам. Он спасется лишь в том случае, если безоговорочно начнет поклоняться единому Богу (неважно, существовал ли тогда в реальности соответствующий «символ веры») и уничтожит все атрибуты соперничающих религий. Такое решение принял южный царь Езекия в конце VIII века, когда ему удалось защитить народ от смерти от рук ассирийцев. Однако вопрос о том, насколько устойчивыми окажутся подобные реформы, должен был вызывать сомнения: все это слишком сильно зависело от установок и причуд каждого отдельного царя. Езекия боролся с синкретизмом своего отца Ахаза, а сын Езекии Манассия упразднил достижения монотеистической революции и восстановил алтари языческих богов. Иосия, внук Манассии, снова занялся восстановлением монотеизма. Во дни Иосии, около 620 года, было неясно, сможет ли строгий монотеизм сохраниться или же он окажется историческим тупиком.

Теперь, помня об этой исторической ситуации, попробуем свежим взглядом посмотреть на Второзаконие, которое было манифестом Иосии, когда он проводил свои радикальные религиозные реформы. Чем яростнее элита VII века сражалась с чужими религиями, тем больше появлялось в историческом повествовании историй о мучительных столкновениях. У авторов книги был сильный политический мотив изобразить бескомпромиссную борьбу Израиля с его соседями и показать, что евреи должны целиком и полностью освободиться от чужих влияний. Всю девтерономическую историю объединяет одна тема — вер-

ность Израиля учению Моисея или, точнее, его постоянные отпадения от строго монотеистической веры. Израиль останется на этой земле только в том случае, если будет хранить чрезвычайную религиозную чистоту. И тогда описание разгрома ханаанеев призвано было показать Израилю: вот что ждет евреев в том случае, если они откажутся соблюдать завет. Здесь требовалось создать ужасающую картину *херема*, чтобы завладеть вниманием читателя: это куда страшнее того, что обычно делают ассирийцы!¹⁰¹

На каждом этапе более мягкие установки текстов Книги Бытия и Книги Исхода, созданных авторами традиций J и E, заменяются более суровыми подходами. В Книге Бытия Бог обещает дать потомкам Авраама землю, но не говорит, что для этого нужно уничтожать другие народы. Фактически судьба этих туземцев остается неясной и там нет прямых слов об их геноциде. И только в девтеронимической истории Бог не просто призывает их истребить, но и наказывает израильтян, которые медлят исполнить его страшное повеление¹⁰². Более ранние версии говорят об изгнании местных народов, тогда как девтеронимист настойчиво говорит об их уничтожении. В Книге Исхода Бог обещает навести страх на врагов Израиля, который вынудит их бежать с насиженных мест, Второзаконие же говорит иначе: «Господь, ваш Бог, дарует вам победу над этими народами, посеет среди них великое смятение, и они будут истреблены». В Книге Исхода Бог обещает наслать шершней

на ханаанеев, во Второзаконии шершни просто помогут найти спрятавшихся врагов, чтобы их можно было предать смерти¹⁰³.

РОКОВЫЕ пороки жителей Ханаана

Подобным образом библейские авторы начали давать иное объяснение тому, почему Бог пожелал уничтожить ханаанеев. Более старые версии J и E не говорят нам о том, что жители Ханаана были уничтожены из-за того, что они были крайне злы или непокорны. В Книге Бытия есть один стих, который, казалось бы, говорит об этом — слова о «грехах амореев», — однако он представляет собой позднейшую вставку¹⁰⁴. Только авторы поздних источников, D и P, предъявляют обвинение местным народам: ханаанеи были уничтожены в наказание за свои вопиющие грехи.

Возможно, эти позднейшие писатели хотели найти чисто религиозное оправдание захвату земли. Но, помимо этого, авторы VIII и VII веков использовали исторические предания для того, чтобы осуществлять программу радикальных религиозных преобразований. Если, как они думали, Израиль владеет землей в силу своего завета с Богом, им хотелось показать, что случается с народом, когда тот неверен своим обещаниям. Они хотели предупредить членов тогдашней элиты: не стоит заигрывать с чужими верами, иначе вас ждут великие неприятности. Бог призывает победите-

лей-израильтян не успокаиваться на той мысли, что они нравственно выше местных народов. Им никогда не следует говорить: «За нашу праведность Господь привел нас сюда, чтобы мы овладели этой страной». Нет, из-за злодеяний этих народов Господь отдает вам их землю!» Ханаанеи согрешили и были изгнаны с земли, но если Израиль не будет осторожен, его ждет такая же участь¹⁰⁵.

Священнический автор (Р) в Книге Левит хочет показать, что уничтожение ханаанеев должно послужить ужасным предостережением тем израильтянам, которые не готовы соблюдать большой список сексуальных запретов. В конце этого списка стоит следующее предупреждение: «Не оскверняйте себя такими делами. Всем этим оскверняли себя народы, которых Я изгоняю, расчищая вам место. Из-за них эта земля стала нечистой, Я призвал ее к ответу за грех, и она изрыгнула живущих на ней». Так позднейшие авторы нашли моральное оправдание для массовых убийств, совершавшихся гораздо раньше¹⁰⁶.

В главе 32 Второзакония, в так называемой Песни Моисея, изгнание ханаанеев откровенно звучит как ультиматум Израилю. Готовя народ ко входу в Землю обетованную, Моисей предсказывает, что местные жители будут уничтожены, так Господь «очистит землю народа Своего», но еще важнее другое: если в будущем евреи будут служить иным богам, их ждет подобное уничтожение. Там прямо проводится параллель между горькой участью ханаанеев и судьбой Израиля с использованием таких же или похожих слов. Из-

раильтяне — мужчины и женщины, дети и старики — также станут жертвами массовых убийств, и над ними воцарится ужас (*'emah*). Это необычное слово редко употребляется в Писании, но именно его использует Раав, говоря о тревогах ханаанеев в момент приближения войска Иисуса Навина. Тот ужас, который царит в Ханаане сегодня, завтра охватит Израиль, если евреев ничему не научит ужасный пример их предшественников¹⁰⁷.

Нетолерантный Бог

К сожалению, мы не вправе сказать, что все истории об этнических конфликтах и резне есть чистая фикция. В частности, нам не стоит думать, что никогда не производились войны по правилам *херема*. Мы можем полагать, что повествователь изобрел рассказ о какой-то бойне или уничтожении, быть может, чтобы объяснить, почему такой-то город был полностью разрушен и оставил после себя лишь руины на радость археологов («и с того дня доселе ни один человек не жил на этом месте»). Но нам не следует думать, что авторы придумали ужасный обычай, существование которого было известно, во всяком случае, до эпохи монархии.

Если бы *херем* не был реальностью, читателю эти рассказы показались бы неправдоподобными. Народы предавали заклятию другие города и племена, и в каких-то случаях народ израильский «посвящал» врагов Богу, фанатично истребляя

Если бы херем **не был** реальностью,
читателю **рассказы о нем**
показались бы неправдоподобными.
Народы предавали **заклятию другие**
города и племена, и в каких-то случаях
народ израильский «посвящал» врагов
Богу, фанатично истребляя
всех: мужчин, женщин и детей

всех: мужчин, женщин и детей. В конце VIII века пророк Михей полагал, что его слушатели знакомы с такой реальностью, когда говорил о народе Израиля, который по вдохновению свыше сокрушает угнетателей и *посвящает* их несправедливо нажитое богатство Богу, используя язык ритуальной войны¹⁰⁸.

Но одно дело признать существование войны УНВН, а совсем другое — сказать, что такая война носила систематический характер и применялась ко всем без исключения, как об этом говорят Второзаконие и Книга Иисуса Навина, со всеми описанными там ритуалами и запретами, которые было бы почти невозможно реализовать на практике. Израильский ученый Моше Вейнфельд пришел к заключению о том, что «закон *херема*, о котором говорит Вто-

розаконие, был утопическим законом, придуманным ретроспективно», — хотя, быть может, слово «утопический» в данном контексте звучит странно. Описание войн Иисуса Навина во многом соответствует ближневосточным реалиям именно того времени, когда было создано Второзаконие. Особенно удивительно то, что здесь можно найти параллели с жестокими кампаниями Ассирии между 750 и 630 годами до н. э., когда массовые убийства и террор использовались для запугивания потенциального противника. Девтереномические авторы говорили об обычае, который был знакомым явлением мира, в котором они жили, только они перенесли этот обычай в прошлое — в легендарную эпоху завоевания Ханаана¹⁰⁹.

Библейские авторы VIII и VII веков жили в эпоху религиозной и культурной революции, и они заново написали историю, отражающую это обстоятельство. Даже если мы забудем о завоевании, жесткие установки этих авторов отражены во многих других текстах, причем можно увидеть, что авторы описывают реалии своих дней. Если общество хранит в памяти истории о том, как надлежало убивать врагов в далеком прошлом, ему было труднее терпеть отклонения от своих радикальных идеалов в настоящем. Это привело к развитию фанатичной религиозной нетерпимости, которая также прославляется Писанием. Во многом эти идеи напоминают самые жестокие места Корана, а иногда звучат даже более сурово.

И опять же, именно Второзаконие содержит самые суровые и детализированные правила о

защите монотеизма — если нужно, с помощью кровопролития. В главе 13 подробно говорится о том, как следует наказывать человека или семью, которые склоняют соседей к поклонению иным богам. Тот, кто извращает Божьи законы, должен быть предан смерти. «Не жалея его, не щади и не укрывай» — даже если это твой брат, твоя жена или твой ребенок. Если все израильское селение почитает чужих богов, тогда оно фактически приравнивается к селению ханаанеев и подлежит *хе-рему*: надо убить всех и все в этом городе, а затем символически убить все его материальное имущество. Надлежит свалить всю награбленную добычу в кучу и сжечь ее как жертвоприношение Богу. Город следует оставить в виде развалин и никогда не застраивать снова. С ним следует поступить, как с Гаем¹¹⁰.

Царь Иосия, которого, вероятно, вдохновляло Второзаконие, устроил религиозную чистку и снабдил храмовое духовенство всеми необходимыми средствами для разрушения соперничающих святилищ и искоренения чужих культов, чтобы они установили жесткую монотеистическую ортодоксию. Четвертая книга Царств с любовью и подробно описывает эту кампанию:

Он убрал жрецов, которых цари Иудеи назначали приносить жертвы на капищах в городах Иудеи и в окрестностях Иерусалима, а также тех жрецов, что приносили жертвы Ваалу, Солнцу, Луне, созвездиям и всему воинству небесному... Он разрушил жертвенники, воздвигнутые царями Иудеи

на крыше верхних покоев Ахаза, а также жертвенники, сделанные Манассией в обоих дворах Храма Господа. Он разбил их на куски, стер их в пыль, а пыль выбросил в Кедронский овраг.

Иосия уничтожил священные изображения, осквернил святилища, срубил священные роши и сжег кости в могилах. Он «закалывал жрецов этих капищ на их жертвенниках и сжигал на жертвенниках человеческие кости». В отличие от истории завоевания, эти события были отражены точно близкими современниками и очевидцами, если не участниками событий: все это действительно происходило. Библия видит в Иосии образец святости, чуть ли не нового Моисея. Рассказ о его царствовании завершается такими словами: «Не бывало прежде такого царя — который так обратился бы к Господу всем сердцем, всей душой и всем существом своим, и во всем следовал Закону Моисея. Да и после Иосии не было таких, как он»¹¹¹. Никто не мог справиться с такой задачей лучше.

Как показывают эти истории, Бог яростно ненавидит любые другие религии на Святой земле. Если завет между Богом и его народом можно сравнить с браком, тогда эти чужие обычаи равносильны измене, блудом с чужими богами. Бог гневается не только на израильтян, которые следуют чужим обычаям, но и на тех из них, кто терпимо относится к существованию чужих вер. Это явно не похоже на девиз «живи и жить давай другим» — или на девиз «поклоняйся сам и не мешай другим совершать поклонение».

Как показывают библейские истории, Бог яростно ненавидит любые **другие религии** на Святой земле. Если завет между Богом и его народом можно сравнить с браком, тогда эти чужие обычаи равносильны измене, блудом с чужими богами. Бог **гневается** **не** только на израильтян, которые следуют чужим обычаям, но и на тех из них, кто терпимо относится к существованию чужих вер

В современном мире мы найдем наиболее близкие параллели этой политике у самых радикальных исламистских сект, в программу которых обычно входит пункт об искоренении всех чужих религиозных практик и символов. Некоторые египетские мусульманские экстремисты мечтают разрушить пирамиды и другие великие памятники древности или взорвать знаменитого сфинкса. Самый яркий пример такой борьбы с символами можно было видеть в Афганистане, где в 2001 году правительство талибов до основания разрушило великие статуи Будды в Бамиане, которые стояли там вот уже полтора тысячеле-

тия. Мировая общественность осудила это как акт культурного вандализма и религиозной нетерпимости. Мало кто из христианских или иудейских комментаторов вспомнил о том, насколько эти действия соответствовали прямым повелениям Бога, которые многократно повторяются в их собственных священных текстах.

ИНОЗЕМНЫМ женам не повезло

Другие тексты отражают ту ксенофобию, которой была пропитана эпоха Иосии. Нелегко датировать историю Финееса, который заслужил одобрение Бога за то, что убил смешанную пару, израильтянина и мидьянитянку. Хотя речь здесь идет о событии до 1200 года до н. э., данная история отражает заботы и страхи гораздо более поздних времен. Исследователи считают, что она взята из священнической традиции, то есть была создана в VI веке, вскоре после смерти Иосии. За ней стоит уже знакомая нам идея о полном отделении от окружающих народов — под угрозой смерти. Как это часто бывает в Ветхом Завете, сексуальное смешение несет в себе опасность для религии¹¹².

Мы не знаем, существовал ли Финеес на самом деле, и вряд ли можно предполагать, что в будущем какая-либо находка археологов или неизвестный ранее литературный памятник поможет нам ответить на этот вопрос. Но даже если тако-

го человека никогда не было, автор или редактор Книги Чисел считал, что его герой должен был так поступить — совершить именно такое убийство — и что позднейшие поколения должны видеть в нем славный образец. Как мы увидим, на протяжении дальнейшей истории образ Финееса смущал комментаторов, особенно еврейских, которые опасались крайностей, когда один человек осуществляет справедливость по своему разумению; тем не менее у Финееса было немало подражателей.

Темы этнической чистоты и опасности смешанных браков снова и снова всплывают на поверхность в Библии, особенно ярко в наполненных ксенофобией книгах Ездры и Неемии. Оба этих текста отражают аналогичную историческую ситуацию — возвращение Израиля на Святую землю в V веке после нескольких десятилетий, проведенных в вавилонском изгнании. Священник и книжник Ездра и верный иудей Неемия, которого персы поставили правителем Иудеи, стремятся очистить землю, которая была опустошена как физически, так и в нравственном смысле. Они восстанавливают город Иерусалим, заново отстраивают его стены и снова освящают Храм¹¹³.

Кроме этого, они должны восстановить израильское общество, то есть избавить его от чужеродных влияний. В этот момент чужестранцев на Святой земле начинают воспринимать как источник нечистоты — не из-за их дурных поступков, а просто в силу того, что они чужие. Для авторов обеих этих книг смешанные браки и дети смешанных кровей представляют собой ужасный акт

предательства по отношению к Богу Израиля. Ездра глубоко возмущен тем, что представители еврейской элиты вступают в смешанные браки с местными народами и перенимают их религиозные обычаи. Вожди народа докладывают Ездre:

Народ Израиля, священники и левиты не отделились от местных народов с их мерзостями — от ханаанеев, хеттов, периззеев, евусеев, аммонитян, моавитян, египтян и амореев. Дочерей этих народов они брали в жены себе и своим сыновьям, так что святое племя смешалось с местными народами¹¹⁴.

То, что мы называем мультикультурным обществом, Ездра воспринимает как мерзость. Он рвет волосы на своей голове и бороде и раздирает свои одежды. Но затем он быстро приступает к действиям, и прежде всего старается уз-

Сегодня в **кружках изучения**

Библии вряд ли **восторгаются**

такими героями, как Ездра

и Неемия

нать — можно сказать, проводит следствие, — кто именно из мужчин взял себе иноплеменных жен. В конце книги описывается, как ему удалось добиться успеха: эти мужчины прогоняют своих жен и детей со смешанной кровью. В конце Книги Неемии ее главный герой также хвалится тем, что он «очистил людей от всего иноплеменного»¹¹⁵. Сегодня в церквях вряд ли можно услышать проповеди об этом тексте, и вряд ли в кружках изучения Библии люди восторгаются такими героями, как Ездра и Неемия.



Повеление убивать, проводить этнические чистки, осуществлять меры по сегрегации, ненавидеть и опасаться представителей иных рас и религий — все это встречается в Библии, причем гораздо чаще, чем в Коране. Кроме Моисея и Иисуса Навина, мы найдем истории о гонителе Иосии и Финеесе, совершавшем расовые убийства, не говоря уже о таких сторонниках чистоты расы, как Ездра и Неемия. Мы можем спорить о том, каково значение этих историй и особенно о том, следует ли ими руководствоваться тем, кто живет в позднейшие времена. Тем не менее эти истории не выкинешь из священного текста, так что, включив их в Писание, эти вещи в буквальном смысле канонизировали, точно так же, как канонизировали воинственные отрывки в своих священных текстах мусульмане.

3

ЯЗЫК меча

И сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается с вами, но не преступайте, — поистине, Аллах не любит преступающих!

Коран 2:190

Е

сли говорить о кровожадности и нетерпимости, Библия здесь во многом опережает Коран по богатству связанных тем. Так, некоторые библейские тексты оправдывают геноцид и упорные расовые войны на протяжении многих поколений, в Коране же мы не найдем ничего подобного. Хотя многие отрывки Корана недвусмысленно призывают к войне и кровопролитию, их сопровождают ограничения, которые дают побежденным немало шансов договориться о мире и сохранить жизнь, чего мы не найдем в аналогичных местах Библии. Кроме того, любые объяснения, которые позволяют нейтрализовать смысл библейских текстов о насилии — скажем, указание на то, что подобные отрывки не отражают общее значение текста в целом, — вполне применимы и к Корану.

Хотя многие отрывки Корана
 недвусмысленно призывают к **войне**
И кровопролитию, их сопровождают
 ограничения, **которые дают**
побежденным немало шансов договориться
 о мире и **сохранить** жизнь, **чего мы** не
найдем в аналогичных местах
 Библии

Говоря о том, что невыносимые или вызывающие отвращение тексты в Коране встречаются реже, я должен подчеркнуть, что говорю здесь только о священных писаниях, а не о позднейших трудах, в которых эти тексты толкуются или разъясняются. К последним я отношу Хадис (считается, что это речения Мухаммеда) и позднейшие комментарии (так называемый Тафсир). Эти позднейшие труды крайне важны для понимания общего лица данной религии, но если ты пытаешься постичь смысл священных писаний, с ними надо обращаться осторожно.

Не только в исламе комментарии и интерпретации мешают читателю понять точный смысл оригинального текста. Когда американцы слышат выра-

жение «отделение церкви от государства», многие думают, что оно находится в Конституции США, хотя это не так. На самом деле, оно появилось позже в одном из писем Томаса Джефферсона, так что вопрос о том, отражает ли оно принципы Конституции, остается спорным. Подобным образом мусульмане часто приписывают Корану идеи, почерпнутые ими в комментариях. Возьмем один забавный пример: многие рядовые верующие считают, что Коран говорит о превращении евреев в обезьян и свиней; как я покажу ниже, такое прочтение неверно. Оно порождено одной из традиций Тафсира, ставшей популярной в народном сознании.

Если при попытке понять Коран мы будем опираться на иные источники, такие как Хадис и Тафсир, тогда нам следует подобным образом привлекать всех отцов церкви для понимания христианской Библии или Талмуд для понимания Библии иудеев. При этом наряду с культурным богатством некоторых одухотворенных трудов мы, несомненно, найдем множество неприемлемых и вызывающих отвращение текстов, среди которых есть и такие, которые подогревают ненависть к иным религиям. Но если вместо этого мы будем сравнивать просто священные тексты, а не их истолкования позднейшими поколениями верующих, мы увидим, что в Коране не больше кровожадности и призывов к войне, чем в Библии — Еврейской Библии или более широком собрании текстов, которое почитают христиане. На самом деле в священном тексте ислама находится куда

меньше таких отрывков, которые надо поставить под сомнение или перетолковать¹¹⁶.

В этом смысле Коран вызывает не больше нравственных проблем, чем Библия. Это не апология ислама и не оправдание для его религиозных претензий. Фактически, это может быть аргументом в руках его критиков. Как я предполагаю, возмутительные тексты Библии отражают куда более глубокую древность, чем соответствующие тексты Корана, последние отражают сложный многовековой диалог между разными культурами — тот диалог, который в итоге заложил основы для универсализма Корана и раннего ислама. Если говорить об его духовном авторитете, сам тот факт, что Коран столь откровенен — и при том лишен крайней жестокости, — есть как его сильная, так и слабая сторона.

Градации жестокости в священных текстах

Чтобы проиллюстрировать отличия между Кораном и Библией, разделим все проблематичные тексты на три (крайне условных и субъективных) категории. При этой классификации я учитывал одновременно две вещи: то, насколько серьезные проблемы представляет данный текст для современных читателей, и то, насколько велик риск, что он действительно вдохновит читателей на акты насилия или пробудит в них ненависть.

ТАБЛИЦА 2
КАТЕГОРИИ ЖЕСТОКИХ И ПРОБЛЕМАТИЧНЫХ
ТЕКСТОВ СВЯЩЕННЫХ ПИСАНИЙ

Категории

1. Экстремальные тексты

Прямые призывы к насилию против определенных рас или этнических групп.

Требования уничтожить враждебные группы или оправдание такого уничтожения.

Призывы уничтожить врагов.

2. Опасные тексты

Повеления совершать акты насилия или оправдание подобных актов.

Призывы к войне во имя Бога.

Призывы к расовой ненависти и сегрегации.

3. Настораживающие тексты

Тексты, говорящие о диком насилии или жестоких наказаниях для врагов веры, но в сверхъестественной сфере.

В Библии мы найдем множество текстов категории 1 («экстремальных»), особенно во Второзаконии и Книге Иисуса Навина, тогда как в Коране нет ничего подобного. Это утверждение может нас удивить, поскольку негативные утверждения труднее доказывать, однако мы вправе это уверенно утверждать. На протяжении многих веков полемики между исламом и его противниками христианские и иудейские критики тщательно выискивали в Коране такие тексты, которые показывали бы жестокую природу этой религии, и собрали богатую коллекцию таких отрывков. Тем не менее там нет проклятий в адрес целой расы или мно-

гих поколений и нет повелений уничтожать людей в массовом порядке. Коран никогда не говорит о том, что какая-то раса или этническая группа представляет собой чистое зло, и, соответственно, в нем нет призывов уничтожить какую-то группу. В исламе мы не найдем эквивалента амалекитянам, а в Коране нет исторических повествований о борьбе с подобными народами. Нигде в Коране нет призывов целиком уничтожить побежденного на войне противника, и здесь не существует какого-либо эквивалента для *херема*. Коран не учит принципам войны без пощады и не призывает истреблять всех и все целиком и полностью¹¹⁷.

Такие утверждения кажутся нам странными, поскольку мы привыкли думать, что Коран содержит страшные проклятия в адрес евреев — не отдельных евреев, но всей их «злой» расы. Это означает, что Коран пропитан ненавистью к евреям. Это серьезное обвинение, однако оно несправедливо. Поскольку это важный вопрос, ему будет посвящен отдельный раздел ниже в данной главе.

Бог ужаса и террора

В Коране есть множество текстов из категории 2 («опасных»), где Бог оправдывает войну. Однако среди этих отрывков на удивление мало таких, которые требовалось бы сегодня смягчить или перетолковать. Главный вопрос звучит так: относится ли такое оправдание войны и вооруженного насилия к каким-то конкретным обстоятельствам

или нет? Любые, даже самые развитые общества ведут войны, а подобные оправдания встречаются практически во всех главных мировых религиях. Если речь в Коране идет о конкретных обстоятельствах, он не более опасен, чем Библия. В обоих священных текстах описаны миры, где люди, верные Богу, вступают в вооруженные конфликты с врагами и гонителями. Большинство текстов Корана говорит о том, что война должна вестись по определенным правилам — и эти правила куда мягче, чем те, что мы встречаем в Книге Иисуса Навина¹¹⁸.

Коран появился в эпоху войн, и соответствующие древние конфликты и разногласия окрасили собой его текст. Бог в Коране велит своим верным сражаться с врагами, побеждать и покорять их, используя при необходимости жестокость и хитрость. Кроме того, отношение к насилию зависит от состояния мусульманского сообщества на тот момент, когда записывалось данное откровение. Например, более древние суры из Мекки выглядят миролюбиво по сравнению с позднейшими текстами из Медины, содержащими откровения Мухаммеда в тот момент, когда он был теократическим правителем маленького жизнеспособного государства¹¹⁹.

Но одно дело признать тот факт, что в Коране есть тема войны, и совсем другое говорить, что религия Корана призывает к бессмысленному насилию, к непрерывным агрессивным действиям и завоеваниям. Когда нынешние критики ислама пытаются доказать, что насилие и кровопролитие

доминируют в тексте Корана, у них это получается не слишком убедительно. В фильме «Фитна» цитируются стихи о войне, между которыми мы слышим голоса жертв терроризма из Нью-Йорка, Амстердама и Мадрида¹²⁰. Там, в частности, приводится сура 8:60:

И приготовьте для них, сколько можете, силы и отрядов конницы; ими вы устршите врага Аллаха и вашего врага.

Затем звучит звукозапись звонка жертвы катастрофы из Всемирного торгового центра, и у зрителя создается впечатление, что важнейшей частью ислама являются запугивание и *терроризм*. Однако процитированный стих говорит о противнике в условиях войны, а далее в той же суре сказано, что, если враги готовы примириться, вы должны быть готовы к заключению мира. Если же окажется, что за предложением о мире стоит обман, мусульмане должны быть и к этому готовы. Эти предписания касаются обычной войны против армии противника, здесь нет ни слова о терроризме. И, как мы видели, Библия тоже нередко говорит об «ужасе и терроре» как об эффективном оружии войны.

Хотя Коран допускает войны, он предлагает вести их по определенным правилам. Большие суры 8 и 9, *Аль-Анфаль* и *Ат-Тауба*, ясно указывают на то, что джихад есть реальная война, а не любой вид борьбы. В печально известном стихе 9:5 суры *Ат-Тауба* (так называемом стихе меча)

верующим предписано по окончании срока договора о мире нападать на идолопоклонников, *мушрикун*, то есть на всех тех, кто поклоняется кому-либо еще, кроме истинного Бога. Убивайте их и берите в плен, осаждайте их города, нападайте на них из засады, как только появится такая возможность. В той же суре есть стих 29, «стих дани», который (во всяком случае, так понимают его смысл комментаторы сегодня) говорит о том, что немусульмане должны занять подчиненное положение, что символически выражает особый налог, взимаемый с них¹²¹.

В атмосфере нетерпимости и милитаризма XIV века толкователи этих стихов, такие как великий исламский комментатор Ибн Таймия, понимали их радикальнее. Один из его учеников, Ибн Касира, один из самых знаменитых создателей Тафсира, пошел еще дальше в толковании «стиха меча»:

Не ждите, пока они [идолопоклонники и неверные] попадутся вам в руки. Но ищите и осаждайте их на их землях и в их крепостях, собирайте сведения о них на разных дорогах и путях, чтобы широкое на вид стало для них узким. В таком случае у них останется только две возможности: умереть либо принять ислам¹²².

Но даже «стих меча» позволяет дать побежденным возможность раскаяться и перейти на сторону победителя. Если они присоединяются к вам, если они молятся и дают милостыню, их следует оставить в покое. Сура 47 также призывает му-

сульман отважно сражаться с врагами, рубить их головы и брать их в плен, и в «Фитне» они звучат как стихи, разжигающие ненависть, тем не менее сам факт упоминания *пленных* говорит о том, что речь здесь не идет о массовом уничтожении. Далее в суре говорится: «Либо милость потом, либо выкуп, пока война не сложит своих нош». Предполагается, что по крайней мере часть побежденных останется в живых и может сражаться снова¹²³.

Редко Коран говорит о полном разрушении города противника, от которого бы потом ничего не оставалось. Но даже когда нечто подобное происходит, Бог дает побежденным последний шанс исправить свои пути и подчиниться его повелениям: истребление можно предотвратить. И только если люди отвергают эту возможность, город разрушают¹²⁴. Это соответствует гуманным правилам войны, которые еврейские мыслители вырабатывали на протяжении веков, но резко отличается от того, что мы находим во многих библейских текстах.

Адский огонь

И только тексты, отнесенные к категории 3 («настораживающие»), — говорящие о вечных муках грешников и неверующих, — ставят Коран в равное положение с Библией, а особенно с писаниями христиан. Однако если угроза адского огня так часто встречается в Коране, спо-

способны ли такие тексты вызывать акты насилия в реальном мире? Хотя Коран призывает мусульман сражаться против неверных в случае конфликтов с оружием в руках, акцент там делается на аде и проклятии. Ислам демонизирует своих врагов, что косвенно предполагает их неизбежные столкновения с верующими мусульманами. В истории ислама и христианства встречались ситуации, когда сначала верующие утверждали, что души врагов обречены на вечные муки, а потом развязывали против них реальную войну. Тем не менее представители самых радикальных апокалиптических движений гораздо чаще бывают пацифистами в реальном мире — им достаточно того, что они увидят поражение своих противников: в нужное время Бог явит свою силу, и простым людям не следует его опережать.

Критикам ислама несложно найти в Коране стихи, которые призывают к вражде против неверных и во многих случаях угрожают этим врагам муками ада. Они любят, например, приводить стих из 4:56, где Бог угрожает неверным, говоря, что будет поджаривать их в огне, а когда их кожа сгорит, даст им новую кожу, чтобы начать пытку снова. Этот отрывок действительно вызывает отвращение, но он опирается на библейские и особенно христианские представления о вечном огне, в котором мучаются грешники и неверующие.

В данном случае мы найдем параллельные места к этим текстам Корана скорее не в Ветхом Завете, а в Новом. На протяжении большей части ветхозаветной эпохи иудеи мало размышляли о

загробной жизни, мысль о ней стала привлекать внимание только примерно после 400 года до н. э., то есть в тот период между созданием книг Ветхого и Нового Завета, как они дошли до нас в их канонической форме. В эту эпоху, и особенно после 170 года до н. э., появилась апокалиптическая иудейская литература с ее рассказами о загробном мире, включая ужасающие видения о наказании грешников. Зарождающееся христианство впитало в себя эти труды, так что представления об аде окрашивали собой представления Иисуса и церкви новозаветной эпохи. И если нас возмущают фантазии Корана об адских муках, нам следует в этом винить иудеохристианскую традицию, из которой мусульманские тексты позаимствовали эти представления. Кроме того, в Коране ад чаще всего предназначен именно для грешников, во что бы те ни веровали, а не для неверных или представителей какой-то определенной расы или секты. В первую очередь в мусульманскую преисподнюю попадают те, кто не оказывал милости другим: не заботился о сиротах, не соревновался с другими за право накормить бедных, любил богатство и отнимал имущество у слабых.

Если сравнить Коран с Новым Заветом, мусульманские представления о пламени и сере не покажутся нам чрезмерно жестокими. Западные критики так сильно возмущены этими мусульманскими текстами лишь по той причине, что забыли о религиозных корнях своей собственной культуры. Такая амнезия не должна нас удивлять, потому что сегодня в ведущих церквях редко услы-

Е с л и сравнить **Коран** с Новым
Заветом, мусульманские
представления о пламени
и сере не покажутся нам чрезмерно
жестокими

шишь проповеди на основе слов Иисуса об адском пламени или ужасной преисподней, где червь не умирает и огонь не прекращается.

Один из самых неприятных новозаветных отрывков находится в Евангелии от Матфея, где Иисус рассказывает притчу. Хозяин засеял свое поле, враг тайно разбросал по полю семена плевелов (сорняков) среди добрых семян, так что взошли ростки тех и других, хороших и вредных. Хозяин отказался от попытки отделить одно от другого, но сказал работникам, чтобы те подождали момента жатвы, и тогда можно будет отделить пшеницу от сорняков. Иисус объяснил смысл этой притчи так:

Поле есть мир; доброе семя, это сыны Царствия, а плевелы — сыны лукавого; враг, посеявший их, есть диавол; жатва есть кончина века, а жнецы суть Ангелы. Посему как собирают плевелы и

огнем сжигают, так будет при кончине века сего: пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие, и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов¹²⁵.

Слушатели Иисуса могли понимать смысл его слов по-разному. Кто такие «сыны лукавого» — злодеи или все язычники вообще? Но в любом случае эти слова смущают современного читателя, поскольку у злодеев в этой притче, похоже, не остается никакого выбора. Они злы *по своей природе*, и такова их неизбежная судьба. Некоторые видные христианские мыслители понимали значение этого текста так: существуют грешники, обреченные на проклятие со своего рождения, либо даже ад был уготован для них с момента творения мира, так что никакие решения, принятые во время земной жизни, не могут повлиять на их печальную судьбу. В любом случае — влияет ли на их участь свободная воля или нет — по словам Иисуса, грешников в итоге ожидает страшное уничтожение в сверхъестественном огне.

Если тексты про вечные муки в Коране встречаются чаще, чем в Библии, то разница здесь скорее чисто количественная, чем качественная. Но в других вещах Коран имеет преимущества: тех, кто избавится от вечных мук, от прочих отличает не раса, а только благочестие и вера. Перед любым грешником открыта возможность изменить мысли, отказаться от неверия и присоединиться к се-

мье людей, исповедующих истинную веру, среди которых — хотя бы теоретически — не существует отличий на основании расы или класса.

«Срок годности» священного текста

Однако, допустим, Коран содержит особо кровожадные отрывки, которые глубоко возмущают современного человека. Читатели Корана, как и читатели Библии, все равно могут продолжать споры о том, имеют ли эти тексты вечное и непреходящее значение или же они говорят нечто лишь о том времени, когда были созданы. Имеет ли призыв вести войну против неверующих «срок годности»? На протяжении веков комментаторы Корана думали, что такие суры, как *Ам-Тауба*, сохраняют непреходящую ценность, и строили на их основе развернутую богословскую теорию священной войны. Но сам текст не требует такой интерпретации и не предполагает, что повеление сражаться относится к чему-либо еще, кроме междоусобных сражений арабов в 620-х годах. Некоторые современные ученые считают, что «стих меча» направлен не против всех неверных в целом, но против определенной группы врагов из язычников в период, когда мусульманское сообщество было еще юным. Те враги были крайне агрессивны и коварны, но они теперь уже давно мертвы — точно так же, как амалекитяне. На протяжении истории ислама комментаторы искали

символические и аллегорические смыслы в подобных стихах, особенно в тех, что призывали верных сражаться и покорять врагов¹²⁶.

Сам Коран дает законные запасные выходы для читателей, которые хотели бы руководствоваться определенными текстами в нынешних обстоятельствах, альтернативные интерпретации, которые недоступны строгим приверженцам Библии. В Новом Завете Иисус прямо говорит о том, что Закон нельзя адаптировать или менять: «Ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все»¹²⁷. Но если говорить о Коране, комментаторы с самых древних времен считали, что его отдельные части обладают разным достоинством, поскольку были записаны в разных обстоятельствах жизни Мухаммеда и нарождавшейся мусульманской общины.

Если читатель Корана сталкивается с проблемами или противоречиями, он должен решать их с помощью авторитета священного текста, но существуют известные примеры, когда одни стихи позволяют отменить или пересмотреть другие. Самый известный пример касается так называемых «сатанинских стихов», в которых, похоже, Мухаммед проявляет терпимость по отношению к культу трех языческих богинь Мекки. Позднейшее откровение вынуждает радикально пересмотреть это учение. Бог предупреждает верных, что сатана всегда пытался испортить священное писание, вставив в него слова греха, которые следует упразднить: «Аллах стирает то, что бросает сатана, потом Аллах

утверждает Свои знамения, — ведь Аллах — знающий, мудрый!»¹²⁸

В истории комментаторы обычно использовали идею упразднения таким образом, который должен показаться неудачным современным комментаторам — а именно, они использовали позднейшие более суровые тексты, чтобы нейтрализовать смысл более ранних отрывков, написанных в Мекке, которые призывали терпимо относиться к другим религиям. Критическую роль в развитии учения ислама сыграл тот факт, что комментаторы рассматривали «стихи меча» как козырную карту, способную побить тексты с установкой «живи и жить давай другим» по отношению к другим религиям или утверждающие, что в вере не должно быть принуждения¹²⁹. Но это просто подход определенных комментаторов. Сам Коран не утверждает, что авторитет «стихов меча» выше других текстов, и некоторые великие исламские комментаторы сегодня отвергают эту идею. К последним относится бесстрашный ученый и борец Махмуд Мухаммед Таха, казненный в 1985 году за выступления против режима фундаменталистов в Судане. Как считал Таха, умеренные и терпимые суры, записанные в Мекке, дают идеальную картину ислама, хотя эти суры на время потеряли свое значение из-за крайне напряженной политической ситуации, с которой Мухаммед столкнулся в Медине. Поскольку эта ситуация осталась в далеком прошлом, именно тексты из Мекки должны определять лицо веры в современном демократическом обществе. Египетский ученый Наср Абу

Заид призывал воспринимать Коран как продукт культуры, как литературное произведение, отражающее ценности и представления арабов той эпохи, когда он был написан. Абу Заиду, в отличие от Тахи, удалось избежать казни, однако ему пришлось отправиться в изгнание в Европу¹³⁰.

В данный момент идеи Тахи и Абу Заида разделяет меньшинство мусульман, но кто может предсказать, как изменится положение вещей через одно-два десятилетия? Что, если будущие комментаторы и интерпретаторы откажутся от ригористичного толкования текста и перейдут к новому его пониманию? Мы не вправе отбрасывать такую возможность¹³¹.

Коран и евреи

Многие обвиняют Коран в том, что он весь пропитан антисемитизмом и что весь этот текст основан на ненависти к евреям. Это мнение распространяют сайты, критикующие ислам, и недавно вышло несколько книг, где оно подкреплено развернутой системой аргументации. Так, Эндрю Бостом в книге «Наследие исламского антисемитизма» утверждает, что традиция антисемитизма укоренена в Коране¹³². По моему мнению, такие писатели, как Бостом, неправы, когда ставят антисемитизм в центр истории ислама, хотя они справедливо указывают на то, какое важное место ненависть к евреям занимает в современных исламских культурах. Отношения между мусульма-

нами и евреями не всегда и не везде были такими безоблачными, какими они были на протяжении определенных периодов в истории мавританской Испании, и этот конфликт иногда порождал акты нетерпимости вплоть до массовых убийств. Нельзя сказать, что антисемитизм пришел на Ближний Восток сравнительно недавно как побочный продукт европейской пропаганды расизма¹³³.

Писатели последних лет без труда находят воистину отталкивающие исламские тексты разных веков, включая ряд текстов, относящихся к ранней истории ислама. Так, в состав Хадиса входит сборник под названием *Сахих Бухари*, где есть такие слова Мухаммеда:

Последний час не придет, пока мусульмане не вступят в битву с евреями, и мусульмане будут убивать их, пока евреи не начнут прятаться под камнями или за деревьями, и тогда камень или дерево скажут: «Мусульманин, служитель Аллаха, за мной скрывается еврей, иди и убей его»¹³⁴.

Мы не знаем, произносил ли на самом деле Мухаммед такие слова. Хотя мусульманские ученые уверены в подлинности Хадиса и в том, что эти слова точно передавались из поколения в поколение, историчность этих слов стоит под вопросом, и многие из них отражают условия существования мусульманского мира через десятилетия или века после смерти Мухаммеда. Но произносил их пророк или нет, эти слова и подобные им включены в сборник, который пользуется авторитетом, и в недавние времена влияние таких тек-

стов возросло. Прочитированный нами отрывок был включен даже в Соглашение Палестинского движения «Хамас» 1988 года¹³⁵. Это изречение однозначно отражает антисемитизм, то есть поддерживает идеологию ненависти, основанной на расе и этническом происхождении. Поскольку этот текст связывает евреев с последними временами, он напоминает некоторые влиятельные идеи средневекового христианского антисемитизма, учение, порождавшее погромы.

Но если некоторые отрывки Хадиса проникнуты откровенной ненавистью к евреям, этого нельзя сказать о Коране. Многие обвиняют Коран в антисемитизме, но к подобным утверждениям следует относиться осторожно. Несомненно, у Мухаммеда были серьезные конфликты с евреями, составлявшими в его дни значительную часть населения Аравии, и в некоторые минуты иудеи становились его самыми яростными врагами (хотя в другие времена он поддерживал с ними теплые отношения). Это был серьезный конфликт, поскольку евреи были сильными противниками, ставившими под угрозу миссию пророка. По меньшей мере дважды в недавнем для Мухаммеда прошлом евреи Ближнего Востока осуществляли вооруженные кампании против религиозных противников (особенно христиан): в 523 году н. э. на юге Аравии и в 614 году в Палестине. Таким образом, в 620-х годах евреи были серьезными противниками, с которыми Мухаммеду нужно было сражаться в процессе установления своего нового режима. Однако было бы чрезмерно большой на-

тяжкой утверждать, что борьба с вооруженными отрядами евреев отражает антисемитизм ислама¹³⁶.

Мухаммед остро переживал религиозный аспект своего конфликта с евреями. Поскольку он считал себя наследником великих древних пророков Израиля, он был возмущен тем, что евреи не признавали его претензий, и объявил этих критиков врагами божественной вести, которую, как он думал, ему надлежало провозгласить. Коран говорит, что иудеи особенно упрямы в своем нежелании принять весть, посланную Богом через пророка Мухаммеда, и что христиане выгодно отличаются от них своей открытостью¹³⁷. Священный текст говорит о конфликтах и спорах с конкретными группами евреев в Аравии около 620 года н. э., но только слепая вера позволяет увидеть в этих текстах осуждение всего еврейского народа или евреев позднейших поколений. Фактически обычно Коран говорит о евреях совсем не тем тоном утробной ненависти, какая пронизывает текст Хадиса, приведенный выше, и это вызывает большие сомнения в аутентичности последнего. Текст Хадиса *не* отражает мысли Мухаммеда, который уверял, что Коран содержит слова, полученные от Бога.

Картину усложняет и мучительный вопрос об источниках, которые вошли в тот Коран, какой мы имеем. Историки уже давно признали тот факт, что ислам родился в культурной среде, испытывающей влияния иудаизма и христианства, и сейчас ученые все яснее понимают, что отрыв от иных традиций — и появление ислама как само-

стоятельной религии — было долгим и неровным процессом, который занял несколько десятилетий. В VII веке последователи Мухаммеда обычно называли себя просто «верующими» — как могли себя называть самые разные монотеисты, — и лишь позже появился термин «мусульмане», содержащий претензию на исключительность. Эту сложную историю отражает текст Корана. Хотя верные мусульмане решительно отвергают мысль о том, что Коран испытал на себе какие-либо воздействия земных факторов, многие современные ученые находят в нем следы влияния иудейских и христианских текстов и традиций. Среди прочего, это раввинистические комментарии, где, в частности, пересказывались истории о Моисее и его борьбе с неверующими евреями, с отступниками, которых он обличает и проклинает. Некоторые самые кошмарные проклятия Корана в адрес грешных евреев, вероятно, созданы по образцу таких повествований иудейских писателей, рассказывающих о еврейских пророках, которые обличали своих соплеменников¹³⁸.

Миф о ненависти к евреям

Чтобы лучше понять проклятия в адрес религиозных соперников в Коране, нам следует обратиться к Библии — к тому, что Ветхий Завет говорит о язычниках, «народах», и к его утопической мечте о таком мире, в котором все народы признают превосходство Бога Израилева. Когда

мы читаем эти отрывки в нужном контексте, мы видим, что они составляют часть величественной универалистской картины о мире, в котором царят мир и справедливость. Эти же слова, взятые как изолированные цитаты, могут использовать проповедники антисемитизма: по их словам, здесь отражена претензия иудеев на мировое господство. Точно то же самое происходит и с текстами Корана.

Ни один из таких текстов Корана, где критики находят проявления «ненависти к евреям», на самом деле не отражает систематической расовой ненависти. Противники Корана часто цитируют фрагмент 2:61 как текст, лежащий в основе исламского антисемитизма, и некоторые позднейшие мусульманские комментаторы действительно понимали его в этом смысле. Предполагается, что этот отрывок говорит о неблагодарности евреев по отношению к Моисею, которая влечет за собой Божье наказание. Некоторые комментаторы считали, что «унижение и бедность» распространяются на всех евреев как народ. Но прочитаем весь этот отрывок и то, что стоит сразу за ним:

Сказал он [Моисей]: «Неужели вы просите заменить тем, что ниже, то, что лучше? Спуститесь в Египет, и вот — для вас то, что вы просите». И воздвигнуто было над ними унижение и бедность. И оказались они под гневом Аллаха. Это — за то, что они не уверовали в знамения Аллаха и избивали пророков без справедливости! Это — за то, что они ослушались и были преступниками!

Поистине, те, которые уверовали (в то, что открылось через тебя, Мухаммед), и те, кто обратились в иудейство, и христиане, и сабии, которые уверовали в Аллаха и в последний день и творили благое, — им их награда у Господа их, нет над ними страха, и не будут они печальны¹³⁹.

Используя распространенный литературный прием, Коран помещает рядом два стиха, содержащих контраст. В первом слышатся проклятия в адрес определенной группы за конкретные дурные поступки, во втором звучит благословение для тех, кто поступает правильно. Первую группу ждут бедствия или адское пламя; вторая получает награды и попадает в рай. Если взять только первый стих из этой пары, игнорируя его продолжение, можно сделать вывод, что это проклятие для всей группы целиком, однако такое понимание было бы серьезной ошибкой. Такой метод чтения священных текстов порочен. В данном случае второй стих говорит о щедрых наградах от Бога для тех, кто уверовал в слова Моисея — а также иудеям, христианам и сабиям, если те поступают по правде. Этим представителям иных религий не надо ни бояться, ни печалиться, и уж тем более их не ждут унижение и бедность. В данном отрывке ничего не говорится о проклятии для всего народа или о презрительном отношении к нему. Несправедливо видеть в нем основополагающий текст, оправдывающий «ненависть к евреям».

Чем внимательнее мы будем изучать этот отрывок, тем яснее увидим, что он берет начало из

еврейской традиции. Проклятие здесь падает не на всех евреев, но только на тех, которые противились Моисею, на непокорных людей, отвергающих Бога и его откровение. Этот текст Корана явно отражает отзвуки ветхозаветных историй о печальной участи тех евреев, которые бунтовали против Моисея в пустыне, историй, над которыми позднее любили размышлять и раввины.

Народ Книги

Чтобы придать подобным текстам устрашающий вид, критики ислама постоянно подчеркивают, что они направлены именно на евреев, хотя это не очевидно. Обычно в подобных текстах упоминается «народ Книги» (или «народ Писания», *ахль аль-Китаб*); это общий термин для христиан, иудеев и иногда последователей иных религий, которые резко отличаются от *мушрикин*, идолопоклонников. Тем не менее критики ислама, цитируя отрывки с упоминанием *ахль аль-Китаб*, часто несправедливо утверждают, что речь здесь идет только о евреях.

Сура 3:112, о которой регулярно упоминают в сегодняшних спорах, дает тому яркий пример. Этот стих говорит о мрачной судьбе тех, кто противится исламу:

Поражены они унижением, где бы ни находились, если только не с вервью Аллаха и не с вервью людей. Они оказались под гневом Аллаха, и поражены они бедностью. Это — за то, что они

не веровали в знамения Аллаха и избивали про-
роков без права. Это — за то, что они ослушались
и были преступниками¹⁴⁰.

Данный отрывок, обращенный к народу Кни-
ги в целом, говорит о невзгодах и унижении тех
людей, которые противятся слову Бога. Он вовсе
не выделяет евреев как особую группу.

Бостом приводит несколько подобных стихов
из Корана, чтобы показать, что там «евреи ассо-
циируются с сатаной и их ждут адские муки», но
ни один из этих стихов на самом деле ничего по-
добного не утверждает. Так, в 98:6 говорится: «По-
истине, те из обладателей писания [народа Книги]
и многобожников, которые не уверовали, — в огне
геенны, — вечно пребывая там. Они — худшие из
твари». (Мы видим, что речь здесь идет не толь-
ко о евреях.) Однако в следующем стихе звучит
обетование: «Поистине, те, которые уверовали и
творили доброе, эти — лучшие из твари». Иудеи,
подобно христианам и мусульманам, будут судить-
ся не по тому, что придерживаются такой-то веры
или принадлежат к такой-то группе, но по тому,
насколько они послушны законам Бога.

В другом отрывке, где критики усматривают ан-
тисемитизм, Бог вспоминает о дарах, которые он
дал дому Авраама, включая Писание и божествен-
ную премудрость. Как говорится в стихах 4:54–55,
среди евреев «были те, которые уверовали в Него,
и... те, которые отклонились от Него. Довольно ге-
енны для огня!». Евреи будут гореть в огне, если
они не веруют, но если будут стойкими в вере, по-

лучат награду. Точно такие же вещи Коран говорит о верующих любой религиозной традиции¹⁴¹.

Подобным образом пресловутый отрывок из суры 2, где Бог говорит о превращении грешников в жалких обезьян, требует вдумчивого чтения. Данный текст поднимает вопрос о буквальном смысле Корана. Действительно ли Бог совершил такое превращение, в результате которого люди стали обезьянами? Либеральные мусульмане, указывая на данный отрывок, говорят, что Коран содержит образную речь и метафоры, тогда как фундаменталисты стоят на том, что здесь описано реальное чудо, сделанное Богом. Западных же читателей больше интересует не то, как это произошло, но то, кто именно здесь стал жертвой. Сторонники теории «ненависти к евреям» обычно говорят, что под грешниками здесь понимаются евреи, и многие мусульмане на протяжении веков считали так же. Но сам текст не поддерживает такого прочтения. Хотя речь там идет о Моисее и детях Израиля, грешники страдают за то, что нарушили субботу. Бог провозглашает: «Вы знаете тех из вас, которые нарушили субботу, и Мы сказали им: «Будьте обезьянами презренными!». Таким образом, они становятся «предостережением для того, что было пред этим и после него, и увещанием для богобоязненных». Они наказаны за грех, а не потому, что были иудеями. Фактически они пострадали за такой грех, который в раввинистической традиции веками также считался особенно тяжелым¹⁴².

Некоторые толкователи Корана действительно использовали этот и подобные ему тексты

для атаки на евреев, чтобы представить их как проклятый народ, обреченный на адские муки. Но при этом они приписывали оригинальному тексту тот смысл, которого там не было. В Коране нет ничего подобного тем отрывкам Нового Завета, в которых сам Иисус — воплощение Бога для христиан — говорит яростные слова в адрес «иудеев». Это именно Иисус в Новом Завете говорит, что его враги не дети Авраама, но дети дьявола, отца лжи. Этот Иисус нападал на тогдашних евреев, говоря: «Да взыщется от рода сего кровь всех пророков, пролитая от создания мира»¹⁴³. Он не проклинал всех евреев как народ, но критиковал враждебные фракции и вождей того времени. Точно такие же явления мы находим в Коране.

Поддельный Коран

Некоторые критики Корана, такие как Эндрю Бостом, принадлежат к числу серьезных исследователей, которые внимательно изучают священные тексты, комментарии и исторические документы. С их выводами можно спорить, но их ученость достойна уважения. Есть и совершенно иная группа людей, влияние которых не менее сильно, — это популярные критики, которые фактически создали альтернативную версию Корана с помощью вопиюще неверного толкования его текстов. Такой поддельный Коран напоминает нам еще одно важное явление в истории человеческой глупости — поддельный Талмуд, использовавшийся несколько десятков лет тому назад,

где антисемиты нашли несколько скабрёзных и порнографических мест (которых там не было), приписав их иудейской традиции.

В Интернете вы найдете десятки стихов, в которых Коран якобы проклинает евреев и одобряет терроризм, и эти стихи циркулируют по различным сайтам и блогам. Когда одни и те же стихи цитируются так часто и слова в них почти идентичны, это убеждает неспециалиста в том, что перед ним действительно слова Корана, и читатель редко заглядывает в первоисточник, чтобы проверить, правда это или нет. Однако по большей части эти отрывки — просто подделка. В некоторых случаях кто-то мог намеренно выдумать возмутительные стихи в целях полемики, в других же случаях ни у кого не было желания вводить людей в заблуждение. Быть может, кто-то сначала свободно пересказал текст Корана, а затем, в процессе передачи, этот парафраз окружили кавычками, так что в итоге читатели стали думать, что перед ними точный перевод священного текста. Последние читатели продолжали распространять текст, веря, что они открывают людям истину. Но, каковы бы ни были намерения людей, в результате появился поддельный Коран, в котором содержится масса ядовитых выпадов против евреев.

Приведу несколько наиболее ярких примеров.

Довольно для евреев пылающего огня¹⁴⁴.

В 2010 году поиск по этой фразе в Google показывал, что ее воспроизвели сорок шесть раз. Однако это сильно искаженная версия стихов 4:54–55 Корана, о которых мы уже говорили выше. В ори-

гинальном тексте говорится о том, что одни евреи поверили в откровение, другие нет, и последним уготован ад. Коран не говорит, что евреи обречены на адские муки из-за их крови или религии.

Аллах изгнал евреев из их домов, вселив в них страх, так что одну часть их вы перебьете и возьмете в плен другую часть¹⁴⁵.

В таком виде цитата изображает мусульман, занимающихся этнической чисткой, которая ставит под угрозу жизнь еврейских семей, здесь также подчеркнут «страх» — слово, привлекающее внимание сегодняшнего читателя. Это якобы цитата из суры 33:26, где говорится о том, как люди Книги присоединились к вооруженным врагам юной мусульманской общины. Однако Бог заставил их выйти из укреплений или крепостей, и они разбежались в страхе, а войска мусульман конфисковали их имущество. Данный отрывок описывает победоносную войну против вооруженных евреев, но не гонения и погромы.

Мы не отдадим еврея от наказания. Знают они, какой позор их ожидает¹⁴⁶.

В лучшем случае это тенденциозный парафраз оригинального текста, вероятнее всего, суры 2:96. Оригинальный стих находится в середине отрывка, где звучат обличения в адрес евреев, не соблюдавших завет со своим Богом. Такие люди, говорит текст, хотели бы жить тысячу лет, но даже если бы это им удалось, это не спасло бы их от наказания за грехи. В аутентичном тексте Корана гнев Божий

обрушивается на евреев не потому, что они евреи, но из-за их грехов и неверия.

Евреи лишены понимания. Их ждет страшное наказание. Сатана призвал их к неверию, так что они попадут в ад¹⁴⁷.

Обычно утверждают, что это Коран 59:14, и это полезно знать, иначе мы никогда бы не смогли найти подобных слов в подлинном тексте Корана. В суре 59 звучит осуждение тем людям Книги — христианам или иудеям, — которые упорно продолжают сражаться с мусульманской общиной после того, как они были разбиты и отступили. Такая тупость, говорит Коран, свидетельствует о том, что они лишены понимания. В лучшем случае приведенная выше цитата представляет собой грубый сокращенный пересказ всей суры, а не отдельного ее стиха, где, как обычно, всех врагов мусульман заменили одним врагом — «евреями».

В Коране мы **НИ** найдем

ни одного осуждения **евреев**

ИЛИ какой-либо еще этнической группы

как народа

Каждая из таких «цитат» представляет собой вопиющее искажение — произведенное с помощью различных операций — подлинных слов Корана. К сожалению, непросвещенный читатель думает, что эти поддельные тексты взяты из настоящего текста. На самом же деле в Коране мы не найдем ни одного осуждения евреев как народа или какой-либо еще этнической группы.

КНИГИ и их эпохи

Если в Коране содержится гораздо меньше возмутительных текстов, чем в Библии, позволяет ли это нам сказать, что ислам превосходит библейские религии? Мы можем спорить о степени привлекательности разных вер, однако то, что в Коране нет аналога Книги Иисуса Навина и историй о массовых истреблениях, еще не означает, что религия ислама лучше других. На самом деле установки Корана относительно войны и кровопролития указывают не столько на его нравственное превосходство, сколько на то, что он укоренен в определенной исторической эпохе — то есть в той эпохе, когда на земле жил Мухаммед.

Библия же органично росла на протяжении многих веков: возможно, тринадцать столетий отделяют самые древние строки Пятикнижия от последних книг Нового Завета. В разных библейских книгах собраны идеи и представления многих разных эпох и цивилизаций, и в иные из этих эпох идеи этнических чисток и массовых убийств никого не пугали. Независимо от того, воплощались ли такие идеи на

Библия органично **росла**
На протяжении многих **веков:**
возможно, тринадцать
столетий отделяют самые древние
строки Пятикнижия от последних
книг Нового Завета

практике или нет, они влияли на религиозные представления современников, и некоторые из этих представлений нашли свое отражение в Библии. Как бы ни возмущали подобные тексты современного читателя, они свидетельствуют о древнем происхождении этой книги и отражают длительный процесс споров и дискуссий, в которых создавалась та Библия, что нам знакома. Библия — это литературное здание со многими этажами.

Коран же, в отличие от Библии, создавался в определенный период истории. Это одноэтажное здание. Хорошо это или плохо, Коран воспринял без вопросов политические ценности христианства периода поздней античности и ранней византийской эпохи, включая нетерпимое отношение к религиозным отклонениям или веру в необходимость поддерживать нравственность силовыми мерами. Многое из того, что шо-

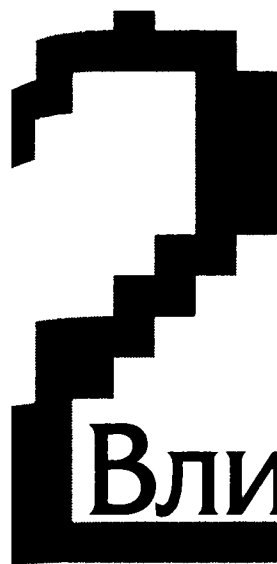
кирует современного западного читателя Корана, на самом деле отражает атмосферу христианского мира Римской империи времен Мухаммеда, включая жестокие телесные наказания или казни через распятие и обезглавливание. Коран пользуется той жесткой риторикой, которую применяли при религиозной полемике на Ближнем Востоке около 600 года н. э. Представления, запечатленные в этом священном тексте, ничуть не хуже тех, на которые опирались в своей политике тогдашние государства и империи, и, как правило, по стандартам той эпохи, они отражают щедрость и открытость. Мало кто из христиан того времени осмелился бы предположить, что в делах веры нет места для принуждения, а Коран это делает¹⁴⁸.

Если рассматривать его установки по отношению к насилию и разрешению конфликтов, Коран отражает представления о законной войне, возникшие в начале VII века на окраине великих империй, при этом он систематически стремится истолковывать их гуманно и разумно. Тогдашний религиозный мир отказался отождествлять веру с расой или этническим происхождением, и, естественно, так же поступает и Коран — вот почему в нем нет текстов о массовом истреблении народов. Ближневосточный мир в 600 году н. э. думал об этих вещах совсем не так, как в 700 году до н. э. Второзаконие и Книга Иисуса Навина связаны с куда более древней датой, чем Коран.

Многое из того, что восхищает или пугает современных западных людей в Коране, проистекает из христианства, как его понимали в Аравии в

Многое из ТОГО, ЧТО
шокирует современного западного
читателя Корана, на
самом деле отражает атмосферу
христианского мира Римской
империи времен Мухаммеда, включая
жестокие телесные наказания
или казни через **распятие**
и обезглавливание

VII веке, и также, в меньшей степени, с иудаизмом того времени. И в любом случае нынешние читатели реагируют на представления, порожденные Библией и долгими веками споров и дискуссий о ее содержании. Если Коран кажется нам более универалистским и человечным, чем Библия, это объясняется тем, что религии, основанные на Библии, сами развивались, пытаясь вписаться в жизнь тогдашнего мира. Сама относительная гуманность Корана свидетельствует о его принадлежности к определенным временным рамкам в истории.



Влияние

жестоких тем

Библии

на ход истории

Таким образом, мы не ставим вопрос о том, добр или зол геноцид сам по себе, — его одобрил святой Бог, а потому этот вопрос снимается.

Юджин Мэррилл,
Богословская семинария Далласа

Кто-то может выдвинуть такое возражение: хорошо, допустим, Коран не хуже Библии с точки зрения жестоких текстов, но разве он не отличается от последней по тому воздействию, которое оказывает на реальный мир? Современные иудеи и христиане видят, что мрачные тексты Библии остаются мертвыми буквами, тогда как призывы Корана к войне живут и порождают экстремизм. Однако если взглянуть на это в исторической перспективе, все не так очевидно.

4

СЫНЫ Иисуса Навина

Часто бывает, что народ явно низшего типа должен исчезнуть при появлении народа с превосходящими потенциальными возможностями, потому что существует определенная граница для смешения рас, за рамками которой неизбежно начинаются катастрофы.

Уильям Фоксвелл Олбрайт,
основатель современной
библейской археологии

Н

есмотря на то, что она порождала и порождает нравственные сомнения, история завоевания глубоко окрашивала собой традицию понимания Библии у иудеев и христиан — как часть целостного повествования об избрании Богом народа, которому он даровал землю. В свою очередь, эта модель повлияла на формирование христианского верования. Кроме того, во многих случаях истории о завоевании вдохновляли верующих этой традиции на насильственные действия или позволяли их оправдывать.

И даже сегодня многие религиозные мыслители видят ценность этих исто-

рий, а некоторые даже оправдывают стоящее за ними богословие уничтожения. Даже и в наши дни некоторые богословы считают, что сам Бог дал повеление истреблять народы и проводить этнические чистки, а потому простым смертным не стоит ставить под вопрос характер этих распоряжений. Хотя такие авторы крайне осторожны, хотя они заверяют, что указания Бога о завоевании касались одного уникального момента истории, который уже никогда не повторится, а потому не влияет на поведение верующих иных эпох, их комментарии содержат классическое оправдание геноцида — и это оправдание по своему языку и риторике удивительно похоже на те слова, которые звучали во время холокоста XX века.

Наследники завоевателей

Идеи исхода и завоевания стали теми столпами, на которые опирается религия, основанная на Библии. Эти темы звучат в псалмах, которые на протяжении веков были важнейшей основой для вознесения хвалы и поклонения Богу как у иудеев, так и у христиан. Даже и сегодня псалмы занимают центральное место в христианском богослужении — даже в либеральных церквях, которые тщательно стараются не вспоминать повествования о древних кровавых боях.

Он [Бог] ради них народы изгнал,
землю роздал израильским племенам,
дал им вселиться в чужое жилище¹⁴⁹.

...И дал им земли других народов,
они наследовали труды этих народов¹⁵⁰.

Как правило, религиозные наследники Моисея и Иисуса Навина прославляли эти события как ключевые моменты истории о рождении и росте народа, опуская их кровавые детали. Так, Псалом 135 воспеваает великие Божьи дела, за которые Израиль всегда должен его благодарить, и, среди прочего, мы слышим, что Господь Бог:

...Убил царей сильных,
милость Его навек.
Сихона, царя аморейского,
милость Его навек.
И Ога, царя Башанского,
милость Его навек.
А землю их отдал во владение,
милость Его навек¹⁵¹.

Хотя, если верить Второзаконию, когда воины Моисея одержали победу над Сихоном, они убили также всех его подданных — каждого мужчину, каждую женщину, каждого ребенка.

Другие авторы Библии говорили о насилии откровеннее. В V веке до н. э. Неемия вспоминает о переселении народов, которое было необходимо для расселения Израиля:

Ты подчинил им царства и народы, отдал им землю до самого края. Они завладели землями Сихона, царя хешбонского, и землями Ога, царя башанского... И потомки, придя, завладели страной:

Ты даровал им победу над ее жителями, ханаанеями. Царей и народы этой страны Ты отдал в руки израильтян, и те делали с ними, что хотели¹⁵².

Иисус из Назарета и Иисус Навин

Христиане, подобно иудеям, унаследовали эти воспоминания об исходе и завоевании. С первых дней своего существования христиане верили в то, что Ветхий Завет как предзнаменование указывал на их собственную историю. Повествования и события Ветхого Завета предвещали Новый, давали ряд образцов или прототипов для последнего — отсюда возникла идея «типологии», которую мы рассмотрим подробнее в главе 8¹⁵³.

Ветхозаветные истории определяют собой структуру повествования четырех Евангелий, в которых многие слова и деяния, приписываемые Иисусу, коренятся в древних пророчествах или строятся на древних образцах. Так, все евангелисты пользуются ветхозаветными текстами, когда рассказывают о распятии. Почти для всех евангельских историй об Иисусе можно найти параллели или аналогии в Ветхом Завете, особенно если читать его в греческом переводе, который был лучше знаком евангелистам. Такие взаимосвязи между Ветхим и Новым Заветом могут удивить современного читателя Библии, который привык видеть в первом Еврейскую Библию, основополагающий текст иудаизма, а во втором — важнейший священный текст христиан, радикально

отличающийся от Ветхого Завета. На протяжении большей части существования христианства верующие понимали, что Ветхий Завет был, безо всяких оговорок, их священной книгой, которая в каждом тексте предсказывала пришествие Иисуса Христа. Иисус был новым Авраамом и Моисеем, новым Илией и Иисусом Навином¹⁵⁴.

Христиане видят свои самые важные «прототипы» в истории о перемещении Израиля из Египта в Ханаан. Эту древнюю сагу они начали читать в свете пасхальной истории, в свете креста и воскресения. Христиане видели в Иисусе Моисея, который спас свой народ и вывел его из земли египетской. В момент крещения христианин идет через смерть к жизни, подобно древним евреям, перешедшим через воды Чермного моря. Первые христиане были укоренены в иудейской традиции, и потому без колебаний ставили свою веру в контекст древней истории искупления и спасения, а потому часто обращались к Второзаконию. И на самом деле Второзаконие относится к тем ветхозаветным текстам, которые чаще всего цитируются в Новом Завете — здесь оно стоит на третьем месте после Псалтири и Книги пророка Исаяи¹⁵⁵. Закон, о котором размышлял Иисус, содержится во Второзаконии, и возможно, эта книга повлияла на него более всех прочих. Когда Иисус удалился в пустыню, дьявол искушал его тремя предложениями, и каждый раз Иисус отвечал ему текстом из Второзакония¹⁵⁶.

Но Иисус Христос был также новым Иисусом Навином, преемником Моисея, который и ввел израильтян в Землю обетованную. Даже назван Иисус

из Назарета был в честь этого великого судьи; оба имени пишутся одинаково по-гречески, а в эпоху Второго храма, между 300 годом до н. э. и 70 н. э., это был главный язык для многих евреев. Когда в III веке до н. э. евреи перевели священные книги на греческий (в результате чего появился перевод, называемый Септуагинтой), имя Иисуса Навина там писалось как *Iesous* — точно так же пишется имя Иисуса Христа в греческом оригинале Нового Завета. Современного читателя может шокировать такая связь двух Иисусов, из которых более древний пролил море крови при покорении Ханаана. Хотя умом мы понимаем, что Иисус из Назарета не призывает убивать гражданское население, эта ассоциация все равно нас обескураживает.

Однако писателей из первых поколений христиан такие параллели радовали: один Иисус сделал то, а другой — это. Если пасхальные события напоминают об исходе из Египта, то движение в сторону Ханаана становится символом путешествия по земле к небесам. Христос, подобно Иисусу Навину, перевел свой народ через Иордан и ввел в землю, текущую молоком и медом. В своей книге «Град Божий» Августин подчеркивал, что Моисей вывел народ из Египта, но только Иисус Христос ввел его в Землю обетованную. Современник Августина сириец Феодорит писал, что, как *Iesous* (Навин) ввел народ в Землю обетованную после смерти Моисея, так, «после смерти Закона, наш *Iesous* пришел и открыл Царство небесное для своего святого народа»¹⁵⁷.

Отзвуки истории покорения Ханаана можно услышать во многих местах Нового Завета. Из-

начально Павел носил имя Савл (или Саул), он носил имя великого царя, воевавшего с амалеки-
тянами. Павел неоднократно цитирует Второзако-
ние в своих посланиях, в Деяниях приведена его
проповедь, где Павел говорит, что Бог, «истребив
семь народов в земле Ханаанской, разделил им
в наследие землю их». В той же Книге Деяний
первый христианский мученик Стефан вспоми-
няет о том, как «отцы наши с Иисусом, взяв ее
[скинию], внесли во владения народов, изгнан-
ных Богом от лица отцов наших». Даже Раав, жи-
тельница Иерихона, укрывшая у себя шпионов
Иисуса Навина, стала значимой фигурой для пер-
вых христиан, символом, указывающим на веру и
гостеприимство. Ее считали первой в ряду обра-
щенных язычников, предтечей тех многочислен-
ных язычников, которые начали присоединяться к
растущей церкви. Раав не была еврейкой, но хана-
анеянской, принявшей Бога Израиля и его народ,
затем, вступив в брак, она сделалась прародитель-
ницей царя Давида и его потомка Иисуса. Она
принадлежит к ряду тех ветхозаветных женщин,
которые регулярно упоминаются в раннехристи-
анской литературе¹⁵⁸.

Глина и горшечник

Современного читателя может удивить то, что
христиане постоянно вспоминали эпос завоева-
ния, при котором израильтяне покоряли и убива-
ли язычников из числа иных народов. Разумеется,

это порождает немало вопросов. Почему древних читателей не из евреев — скажем, греков и других — не смущали истории о расовом превосходстве и насилии? Однако христиане считали себя новым избранным народом и потому находили в повествованиях Ветхого Завета те принципы и правила, по которым им следовало жить. Веками христиане с радостью повторяли тексты, возносящие Израиль (обычно понимая под ним «церковь») над прочими народами. Читая тексты, в которых Бог призывал израильтян избивать местных жителей Ханаана, христиане вряд ли ассоциировали себя с жертвами, но мыслили о себе как о победителях. Многие христианские толкователи толковали Библию аллегорически, и это делало кровавые истории более привлекательными. Комментаторы не испытывали нравственного возмущения, читая тексты об уничтожении ханаанеев или мидьянитян, поскольку видели в жертвах скорее не реальных людей, но символы грехов и злых наклонностей.

Но на протяжении веков среди христиан появлялись мыслители, которые воспринимали повествования о покорении Ханаана как *историю*, и тогда им приходилось размышлять о разрушении реальных городов и уничтожении реальных народов. Немало отцов церкви ломало голову над этим вопросом, который, как можно видеть, беспокоил некоторых христиан еще в ранний период развития христианства. Если вы понимаете эти повествования буквально, перед вами встает мучительный вопрос: как мог Бог Иисуса, Бог любви

и прощения, требовать, чтобы люди вели себя с такой неслыханной жестокостью?

О том, что этот вопрос вызывал живые споры, свидетельствуют труды Феодорита, толкователя Библии V века, пользовавшегося значительным влиянием в тогдашней церкви на Востоке. Его книга «Вопросы на Восьмикнижие» дает детальные толкования Книги Судей, Книги Иисуса Навина и Книги Руфи, а также Пятикнижия Моисея. Феодорит писал о вопросах, которые действительно волновали его современников, так что «вопросы», вокруг которых строится его труд, — это не просто литературный прием; это описание тех больших трудностей, с которыми сталкивались читатели данных текстов. И современного читателя может поразить тот факт, что древние верующие долго думали о таких отрывках, которые сегодняшние христиане просто не замечают. Почему, спрашивали они, Моисей повелел народу полностью уничтожить Амалека? Почему Бог ожесточил сердца врагов Иисуса Навина, что привело к их поражению и резне? «Иные люди подозревают пророка [Иисуса Навина] в жестокости, ибо он убивал везде без разбора и распинал царей». Почему же он так поступал, спрашивает Феодорит¹⁵⁹.

Многие христианские апологеты видели в сценах насилия символы и отражения духовного мира, тем не менее другие мыслители, жившие в разных столетиях, считали завоевание реальным историческим событием, и это ставило перед ними нравственные вопросы. Некоторые из них могли дать на них продуманные ответы, хотя

**Многие христианские апологеты
видели в сценах насилия
символы и отражения духовного
мира**

многие их аргументы придутся не по вкусу современному читателю. Обычно у апологетов звучали вариации на две главные темы, которые нелегко примирить одну с другой:

1. Бог стоит несравнимо выше всего, и потому он сам определяет, что правильно и справедливо; потому его повеления справедливы по определению, даже если людям они кажутся неверными. Завоевание служит испытанием для веры человека в силу и благость Бога.

2. Народы, населявшие Ханаан, так глубоко погрязли во зле, что их уничтожение было актом справедливости.

Первая из этих теорий утверждает, что повеления Божьи не нуждаются в оправдании, тогда как вторая дает объяснение, опираясь на человеческие критерии справедливости¹⁶⁰.

В целом богословы отчаялись найти такой ответ, который удовлетворил бы

разум человека. Вместо этого они начали говорить об абсолютной и непостижимой мудрости и силе Божьей, о его власти делать то, что ему захочется, со своим творением. При этом они часто использовали один образ из Послания к Римлянам, где апостол Павел сравнивал Бога с горшечником, который волен поступать с глиной, как захочет, так что сосудам, которые он вылепил, не следует жаловаться на свою судьбу¹⁶¹.

АВГУСТИН: послушание приказам

Эту тему, как и многие другие, развивал такой влиятельный толкователь Библии, как Августин Гиппонский, который подчеркивал, что Бог стоит превыше всего и обладает абсолютной справедливостью. Каким бы несправедливым ни казалось такое-то деяние людским глазам, если Бог повелел его совершить, в нем не может быть ничего дурного, так что остается только выполнить приказ.

Мысли Августина складывались в долгих спорах с сектой манихеев, к которой он сам некогда принадлежал. Хотя у манихеев существовала своя жизнеспособная богословская система, основанная на идее вечного конфликта между силами света и тьмы, их привлекательность для людей во многом объяснялась тем, что они критиковали Ветхий Завет с позиций рационализма. Если, как они верили, Ветхий Завет описывал действия злого низшего божества, тогда не стоило удив-

ляться тому, что в нем можно найти так много вопиющих проявлений несправедливости и безнравственности. Поэтому первоочередной задачей христианских апологетов стала защита Ветхого Завета.

Самым знаменитым оппонентом Августина был предводитель манихеев по имени Фавст, также уроженец Северной Африки, который указывал на резкие противоречия между Пятикнижием и учением Иисуса. Полемизируя с ним, Августин говорил: «Фавст обвиняет Бога Ветхого Завета в смерти тысяч людей за ничтожные преступления, как Фавст их называет, или вообще без причины». Он «говорит, что Моисей повелел сделать и сделал сам много жестокостей»¹⁶². Современному человеку должно показаться, что Фавст выдвинул вполне обоснованное обвинение. Августин ответил на это трактатом «Против Фавста», где содержится развернутая апология Библии. Действительно, говорит Августин, многие из описанных там действий кажутся жестокими или порочными, но их можно защитить разными способами. Как мы увидим, Августин утверждал, что большинство проблематичных историй следует понимать в аллегорическом смысле; но даже если мы не прибегаем к этому подходу, продолжал он, мы не можем судить Бога. Если акты насилия были совершены из послушания Богу, это их полностью оправдывает.

Среди прочего, древних читателей Библии сильно смущало то, что евреи, покидая Египет, одолжили сокровища у своих египетских хозяев.

Участие в таком мошенничестве делало Моисея похожим скорее на главу шайки преступников, чем на вождя освободительной борьбы. Зачем он это сделал? Августин отвечает: Моисей этим несколько не согрешил, более того, «грехом было бы этого не сделать. Таково было повеление Бога, который, поскольку ему ведомы и поступки, и сердца людей, может решить, что надлежит кому претерпеть и от чьих именно рук». Бог абсолютен, и его стандарты превышают понимание людей — во многом фактически это подобно тому, как Коран изображает Аллаха. В понимании Августина также Бог «повелевает сделать лишь то, что в наивысшей степени справедливо»¹⁶³.

Если мы принимаем этот принцип, все войны и покорение народов логично встают на свое место, и такое понимание дало Августину возможность выстроить теорию законной войны и оправданного насилия. Если мы судим о любой войне, говорит он, нам следует себя спросить, какой авторитет руководит ее участниками. «Если война производится из послушания Богу, который желает выразить упрек, или смирить, или сокрушить человеческую гордыню, можно считать ее справедливой войной». Однако Августин добавил сюда и еще одно соображение: просто «послушание приказу» вполне оправдывает участие человека в несправедливой войне. В некоторых случаях, говорит он, праведный человек может участвовать в несправедливой войне, оставаясь невиновным: «Быть может, царь отдал несправедливый приказ, но солдат невиновен, потому что послушание —

это его долг». Если же это справедливо для людских дел, то «насколько же выше степень невинности того, кто ведет войну, подчиняясь Богу, о котором каждый его служитель знает, что Бог никогда не требует поступать несправедливо»?¹⁶⁴ Тем самым Августин, хотя он и не ставил перед собой такой цели, заложил надежные основания для христианской теории справедливой войны, и его аргументы вполне соответствуют доводам позднейших мусульманских мыслителей, разработавших теорию джихада.

Реформация: Божий суд на практике

Представления о Боге, который превыше всего прочего и поступает, как ему заблагорассудится, заняли центральное место в богословских системах мыслителей Реформации XVI века. Фактически многие протестанты черпали тогда вдохновение в тех самых историях, которые отталкивают современных читателей, в частности, в таких историях, где звучат повеления Бога, недоступные человеческому пониманию. Подобно Августину, Жан Кальвин опирался на самые суровые библейские повествования о завоевании, чтобы выдвинуть свои радикальные богословские аргументы. Последним крупным трудом Кальвина был комментарий на Книгу Иисуса Навина (1563–1564), которую один его почитатель назвал «завещанием умирающего церкви». Для позднейших поколений

христиан это наследие оказалось обоюдоострым мечом. Кальвин использовал ветхозаветные повествования об убийствах как главный пример, иллюстрирующий его богословие, и гораздо позднее его интерпретации мучали мыслителей из протестантов и пуритан¹⁶⁵.

Важное место в богословии Кальвина занимала идея избранничества: Бог выбрал для себя народ, и этому решению нельзя сопротивляться и его нельзя ставить под сомнение. Вследствие первородного греха падшее человечество обречено на проклятие, и это падение и развращенность окрасили собой все мысли и чувства человека. Вспомним притчу Христа о пшенице и плевелах: до времени они растут вместе, а затем наступает суд, и плевелы ничего не могут сделать, чтобы избежать своей печальной судьбы. Кто-то может быть человеком высочайшей нравственности, приносить пользу обществу или даже спасать невинные жизни, но все это не позволяет ему надеяться на спасение, если данный человек не предопределен ко спасению. И если даже человек сознательно обращается ко Христу и вступает в его церковь, это не позволяет изменить уже вынесенный вердикт. По человеческому разумению такое богословие чудовищно несправедливо, как будто его создал дьявол, но именно такая реакция, утверждал Кальвин, показывает, как глубоко испорчен человек и как порочны его установки по сравнению с абсолютной справедливостью Бога.

Люди не вправе сетовать на суровость Бога ни при каких обстоятельствах, даже когда Он истре-

бляет целые народы. Кальвин не хотел сказать, что массовые убийства и геноцид допустимы в обычных условиях — вовсе нет: «если бы израильтяне просто удовлетворяли свою похоть и ярость, убивая матерей с их детьми», такое поведение было бы «варварством и зверской жестокостью» — тем, что мы сегодня называем военными преступлениями¹⁶⁶. Но подобные слова неприменимы ни к какому — ни к одному — действию, если оно совершается по повелению Бога. В таких обстоятельствах христианину в лучшем случае остается смиренно благодарить Бога за его невероятное терпение по отношению к другим народам, которые грешат не меньше, но пока еще не исчезли с лица земли.

Проверкой на правильную установку здесь служило отношение к убийству детей, которое возмущало даже тех, кто привык к жестоким европейским войнам начала периода Современности. Кальвин утверждал, что и дети были рождены в грехе и заслужили проклятье так же, как и их родители, и только милостивый Бог по своему произвольному решению может спасти их. Кальвин начисто отвергал саму мысль о том, что человек может судить о деяниях Бога или находить их несправедливыми:

Разумеется, любой человек, если он пристально исследует себя, поймет, что он достоин ста смертей. Почему же тогда Господь не может увидеть, что одна смерть младенца, вышедшего из утробы, вполне справедлива? И тщетно будем мы тихо роптать или громко жаловаться на то, что он об-

рек все потомство проклятой расы на подобное уничтожение; горшечник имеет полное право поступать со своими сосудами или, точнее, со своей глиной так, как ему заблагорассудится¹⁶⁷.

Кальвин говорил, что проклятие может упасть на целую расу, и тогда она может заслуживать полного уничтожения, и что в таком случае было бы большим грехом противостоять Богу, если бы он повелел эту расу уничтожить. «Хотя по нашему разумению дети и многие женщины здесь ни в чем не повинны, вспомним о том, что небесный суд не подчиняется нашим законам»¹⁶⁸.

Однако даже Кальвин — человек, который обычно не боялся доводить какой-нибудь свой аргумент до ужасающего логического завершения, — добавил сюда еще один пункт, который делает представленную им картину божественной справедливости несколько менее суровой. Да, Бог повелел уничтожить народы Ханаана, но все они этого заслужили из-за своих вопиющих грехов. Кальвина больше интересует не то, почему Бог истребил этих людей, но то, почему он терпел этих ужасных грешников так долго: «Кто же здесь будет жаловаться на чрезмерную суровость, если Бог так долго откладывал осуществление своего суда? А если кто-то скажет, что по меньшей мере дети были еще невинны, легко ответить, что их гибель справедлива, поскольку эта раса была проклята и обречена на вечные муки»¹⁶⁹.

Кальвин повлиял на многие поколения христиан, причем не только на узкие кружки так на-

зываемых пуритан, но и на протестантов многочисленных церквей Европы и Северной Америки. Позднейшие писатели с благодарностью восприняли его мысль о том, что ханаанеи, безусловно, заслужили страшного наказания за свои крайне тяжкие грехи. Так, например, около 1700 года пресвитерианский пастор из Уэльса Мэтью Генри создал библейские комментарии, в которых тесно следовал за Кальвином, и его труды перепечатываются и сегодня. Генри исходил из предпосылки, что, если Бог подвергает город кровавому мщению, это объясняется лишь крайне нечестивым поведением его жителей. Они просто на это напрашивались. Так, говоря об уничтожении города Гай, Генри пишет: «Бог, праведный Судья, вынес приговор ханаанеям за их нечестие; израильтянам оставалось только привести его в исполнение... Причиной тому, без сомнения, послужили тяжелые грехи царя Гая; вероятно, он был крайне испорченным и порочным, а также изрекал хулы на Бога Израилева»¹⁷⁰. Крайняя испорченность царя, однако, была чистой выдумкой Генри, поскольку Библия об этом ничего не говорит.

ПОПЫТКИ буквалистов защитить авторитет Библии

Сегодня подобные интерпретации утратили свое значение для большинства верующих, включая многих консерваторов. Кроме того, современная история заставляет с глубоким подозрением

относиться к мысли о том, что вся раса целиком может быть крайне испорченной или грешной, и уж тем более не позволяет согласиться с идеей истребления целого народа, который утратил право на существование. Когда мы читаем библейские повествования о беспримерном злодействе врагов Израиля, мы сразу видим, что имеем дело с обычной пропагандой, направленной на ненавистные меньшинства: подобную риторику используют многие режимы.

Однако многие христианские мыслители, особенно евангелического направления, все еще используют эти хорошо знакомые аргументы. Обычно за желанием оправдать завоевание стоит стремление защитить авторитет Библии. После расцвета библейской критики в XIX веке либералы прониклись убеждением, что утверждения Библии следует оценивать в свете данных истории и других наук. Буквалисты отказываются от такого подхода из страха, что сомнения в исторической достоверности какой-то части Писания подрывают его авторитет в целом и позволяют каждому читателю судить о Библии по стандартам своего времени. В таком случае, утверждают буквалисты, вероучение приобретет крайне относительный и субъективный характер. Поэтому фундаменталисты стремятся отстоять истинность каждого отрывка Писания, включая самые отталкивающие тексты.

Повествования о покорении Ханаана заставляют буквалистов выбрать одно из двух зол. Они могут заявить, что описанные события представ-

ляют собой выдумку, и это избавит их от нравственных вопросов, связанных с массовыми убийствами; если бы они выбрали такую позицию, они нашли бы поддержку многих достойных библеистов, археологов и текстологов. К сожалению, при этом им пришлось бы отказаться от представления о непогрешимости Библии. Либо им следует занять другую позицию: признать, что все эти убийства описаны совершенно точно, а затем отвечать на мучительные богословские вопросы, которые неизбежно встают перед человеком, если он верит в то, что Бог повелел людям совершать геноцид. При этом буквалистам нужно каким-то образом примирить такой образ Бога с позднейшими словами о любви и прощении, исходящими от того же Бога. В любом случае ханаanei и амалекитяне создают для христиан, понимающих Библию буквально, столь же страшную угрозу, как та угроза, которой они были для древних израильтян.

Проклятые расы

Уже с середины XIX века, если не раньше, консервативные христиане пытались дать ответ скептикам и секуляристам на вопросы, поднятые завоеванием Ханаана, но эти ответы выглядели не слишком убедительно. Некоторые апологеты, в частности, защищая Библию, применяли такие объяснения, которые очень легко было бы применить в случае нынешних расовых конфликтов и

чисток. Они говорили о злых расах и о том, что некоторые расы так глубоко погрязли во зле и так испортились, что по нравственным соображениям необходимо было их истребить. Читая подобные рассуждения, которые стали популярны с 1860-х годов, мы неизбежно думаем о том, что в это время делали европейцы и американцы в мире — как они поступали с народами Африки, индейцами, аборигенами Австралии и другими, — и о том, как эти хладнокровно написанные религиозные тексты влияли на реальный ход событий в мире¹⁷¹.

Эти представления христиан были связаны с новыми и противоречивыми идеями ученых. С 1860-х годов под влиянием дарвинизма среди американцев, говорящих по-английски, особое влияние приобрели теории наследственности — то есть в наследственности начали видеть основной фактор, определяющий жизнь семей и сообществ. В 1877 году Р. Л. Дагдейл выпустил книгу «Семья Джуксов», которая сделала эти идеи популярными: там он описал вымышленную семью воров и нищих, которая, к сожалению, передавала гены вырождения своим потомкам. В 1883 году английский ученый Френсис Гальтон ввел в обиход термин «евгеника», имя новой науки, которая призвана была обеспечивать сохранение здоровых биологических ресурсов, одновременно снижая способность к воспроизводству недееспособных людей. В начале XX века идеи евгеники начали оказывать особенно сильное влияние на политику¹⁷².

Некоторые христианские вожди с энтузиазмом восприняли идеи евгеники и их пропагандирова-

ли, хотя здесь наблюдалось взаимное влияние. В то время как евгеника только начала развиваться, о дурной наследственности писали в своих трактатах христианские мыслители и говорили с кафедр проповедники, поскольку этим можно было оправдать убийство ама-лекитян и ханаанеев, так что эти идеи также влияли на научный дискурс. Хотя сторонники евгеники претендовали на научную объективность, на самом деле они опирались на религию, а в это же время популярные религиозные деятели готовили почву для принятия массами разработанной системы евгеники с начала XX века¹⁷³.

Уже по крайней мере в 1860-х годах протестантские проповедники регулярно использовали в своих аргументах

В 1860-х годах протестантские
проповедники регулярно
использовали в **своих**
аргументах идеи биологии и
медицины, сравнивая проклятые
библейские расы с раком или опухолями,
которые нужно удалить ради здоровья всего
организма

идеи биологии и медицины, сравнивая проклятые библейские расы с раком или опухолями, которые нужно удалить ради здоровья всего организма. Так, в 1867 году популярный лондонский проповедник Джонатан Бейли говорил:

[Ханаанеи] опустились до такого презренного уровня, погрязли в таких мерзких и отталкивающих пороках, что исправить их было уже невозможно. Их необходимо было уничтожить для блага всех людей. Они были неизлечимой язвой на великом теле человечества, для спасения которого их надо было отрезать. Израильтяне исполнили волю провидения... Для блага рода человеческого следовало уничтожить племя, исполненное такого зла, что его нельзя было не приостановить¹⁷⁴.

Несколько лет спустя массачусетский пастор Джон Хейли выпустил труд под названием «Исследование так называемых противоречий в Библии» — эту книгу переиздают и в наши дни. Как утверждал Хейли, злые народы Библии были настолько глубоко испорчены, что любое разумное общество пришло бы к выводу о необходимости стереть их с лица земли. Амалекитян нужно было истребить начисто, вплоть до последнего малого ребенка:

Кроме того, если бы женщины и дети остались в живых, вскоре на свет появилось бы новое поколение амалекитян, во всем подобное своим предкам. Или, допустим, были бы оставлены в

живых только дети: предоставленные самим себе, они бы погибли мучительной голодной смертью, а если бы их взяли к себе на воспитание израильтяне, они — *в силу врожденной предрасположенности и наследственной склонности ко злу* — стали бы самым нежелательным и испорченным элементом народа. В целом, несомненно, наилучшим ходом событий для всего мира было полное уничтожение народа амалекитян¹⁷⁵.

Эти рассуждения были опубликованы в 1876 году, за год до того, как Дагдейл описал ужасы дурной наследственности в своей книге о семье Джуксов.

В англоговорящей Америке куда более популярным был проповедник духовного возрождения Р. А. Торри. Среди прочего, именно Торри издал сборник статей консервативных богословов под названием «Основы», *The Fundamentals*, который дал имя всему движению фундаментализма. В 1890 году он опубликовал трактат «Трудности и предполагаемые ошибки и противоречия в Библии», в котором снабжал рядового верующего арсеналом аргументов для споров с либералами и рационалистами. Эта книга бесценна в том смысле, что она дает нам понять природу богословских споров того времени, услышать аргументы тогдашних борцов с религией — уличных ораторов, деревенских атеистов и радикальных авторов памфлетов. Среди прочих трудностей, которые Торри пытался разрешить, были и такие: «Когда появился человек: точки зрения Библии и науки»,

«Иисус Навин повелевает солнцу остановиться» и, разумеется, «Полное истребление ханаанеев по повелению Бога»¹⁷⁶.

Последний вопрос был огромной проблемой для верующих и тогда, как и во времена Фавста. Торри это признает:

Есть некоторые вещи в Библии, которые служат соблазном для образованных читателей и привлекают особое внимание злорадных противников веры, и из них особенно выделяется повеление Бога начисто истребить некоторые народы, независимо от пола или возраста жертв... Как примирить это страшное и жестокое повеление с ясным учением Нового Завета о том, что Бог есть любовь?¹⁷⁷

Торри возвращается к аргументам Августина и Кальвина, утверждая, что Бог Творец вправе действовать так, как он пожелает, и мы должны быть ему благодарны за то, что он не подвергает нас, нынешних грешников, тем карам, которые пали на головы ханаанеев. Кроме того, те древние народы отличались крайней испорченностью. Конечно, убийство всех без разбору нас ужасает.

Но есть и более ужасные вещи. Когда нечестие народа делается столь глубоким, их противостояние Богу столь дерзким и всеобъемлющим, их нравственная порча и вырождение столь полными, что пороки распространяются даже на новорожденных младенцев, его истребление в инте-

ресах всего человечества становится абсолютной необходимостью.

[Ханаанеи] стали нравственным раком, угрожающим жизни всего человеческого рода. Раковую опухоль следует удалить целиком и полностью, чтобы спасти тело. Удаление раковой опухоли — серьезная операция, но иногда это самое благое, что может сделать хирург в данных обстоятельствах. Самым высшим благом, какое только мог совершить Бог для человеческого рода, было удаление всех корней и всех тканей этого крайне порочного народа.

Разумеется, здесь следовало перебить и всех женщин, поскольку «испорченные женщины опаснее испорченных мужчин»¹⁷⁸.

Его аргументы здесь тесно связаны с идеями самых радикальных приверженцев евгеники:

Любой человек, знакомый не понаслышке с детьми из вырождающихся семей, знает, как устойчивы пороки, передающиеся из поколения в поколение, так что они появляются у детей, даже если тех изъяли из дурного окружения и воспитывали в самых благоприятных условиях.

Дети ханаанеев были просто испорченным семенем. Торри продолжает:

Истребление детей ханаанеев было не только актом милосердия и любви для всего мира в целом, оно было актом милосердия и любви и по отношению к самим этим детям... Даже сегодня

мне порой думается: хорошо бы всех детей, рожденных в трущобах, убивали еще в младенчестве, — однако остается надежда на то, что церковь Христова передаст им спасительную Благую весть Сына Божьего¹⁷⁹.

Эра холокоста

Отстаивая авторитет буквы Ветхого Завета, строгие фундаменталисты неизбежно должны были оправдывать хотя бы отдельные случаи геноцида, но они были в этом не одиноки. Подобные мысли высказывал в своих трудах профессор Уильям Фоксвелл Олбрайт, один из величайших специалистов по археологии Израиля (Палестины), глава кафедры в Университете Джонса Хопкинса. Он был ведущим ученым в своей сфере с 1930-х по 1960-е годы и воспитал целое поколение блестящих исследователей. Его труды, обращенные как к специалистам, так и к широкой публике, повлияли на то, как рядовые христиане англоязычного мира понимают библейские исторические повествования¹⁸⁰.

Олбрайт с энтузиазмом относился к идее «библейской археологии», которая была призвана исследовать историческую достоверность слов Писания, а не быть просто академическим изучением такого-то региона в такую-то эпоху. Хотя он не был крайним приверженцем буквализма, в целом Олбрайт считал, что археологические данные подтверждают повествования Ветхого Завета, и пола-

гал, что израильтяне действительно покорили Ханаан и истребили местные народы и уничтожили их сложившиеся сообщества. Олбрайт считал эти массовые убийства вполне оправданными, говоря, что геноцид в Ханаане был не просто неизбежным, но и желательным явлением. В ходе исторического прогресса и развития одни расы вытесняют и замещают собой другие. Обращение израильтян с ханаанеями, писал Олбрайт, «не хуже» геноцида армян, устроенного турками, эти вещи были столь же «неизбежными», как и истребление местных индейцев белыми в Америке. Эти аналогии позволяли ему оправдать древние массовые убийства: все так поступали¹⁸¹.

Аргументация Олбрайта любопытна с нескольких точек зрения. Кого именно он имел в виду, говоря об исчезновении «низших типов», исчезающих при появлении народов с «превосходящими возможностями»? Подобные заявления не были чем-то из ряда вон выходящим у американцев его поколения — Олбрайт родился в 1891 году, — и обычно говорящие такие слова имели в виду разные племена или «примитивные» народы, которые отступали под натиском белых: туземцев Северной и Южной Америки, жителей тихоокеанских островов, аборигенов Австралии или бушменов Африки. Решительный сторонник сионизма, Олбрайт относил к таким «низшим» народам и арабское население Палестины, за которым он почти не признавал права на существование. В лучшем случае арабы должны были послужить колоритными декорациями, на фоне

которых лучше смотрятся растущие еврейские поселения¹⁸².

Ироническая сторона этой ситуации заключалась в том, что, оправдывая этнические чистки историческим прогрессом, Олбрайт говорил точно тем же языком, какой в те времена использовали самые страшные враги евреев — народа, который был для него кумиром. В 1940 году вышла его книга для широкой публики под названием «От каменного века к христианству», посвященная истории развития монотеизма, где он писал:

Во времена завоевания израильтяне были диким народом, в котором кипела энергия, с огромным желанием существовать, ради чего они не щадили врагов, — и эти качества сыграли благоприятную роль для будущего монотеизма, поскольку безжалостное истребление ханаанеев предотвратило полное смешение двух родственных народов, которое неизбежно понизило бы стандарты яхвизма столь сильно, что их уже было бы невозможно восстановить.

Как он считал, монотеизм не смог бы выжить в условиях постоянного присутствия ужасных религий Ханаана, которые печально славились «разнузданным поклонением силам природы, культом плодородия в форме символов змеи и чувственной наготы и грубыми мифами»¹⁸³. Олбрайт добавляет, что другие ханаанеи заселили Северную Африку, где они стали карфагенянами. И в этом случае также их «опасная» религия с «культом сексуальности» привела к уничтожению данного

народа «римлянами, которые, несомненно, их во всем превосходили».

Эти слова увидели свет в 1940 году, в тот самый момент, когда Европа мучилась под натиском других «римлян», заявлявших о своем превосходстве и обосновавшихся в Берлине. Они тоже гордились «кипением энергии» и «волей к существованию», не знающей снисхождения к врагам, и были полны решимости уничтожить «явно низшие» расы, которые тормозили их исторический прогресс. Однако Олбрайта ничуть не смущали подобные аналогии, и в новом издании 1957 года, вышедшем через десятилетие после Нюрнбергского процесса, все эти слова там остались в неизменном виде. Если бы речь там не шла об Израиле, в этой цитате можно было бы увидеть скрытую пропаганду нацизма. Разумеется, Олбрайт никогда не одобрял политику нацистов, и удивительно, что он оказался не в состоянии понять, какие выводы неизбежно вытекают из этих его слов.

Защита геноцида

Современные респектабельные библеисты евангелического направления сегодня повторяют идеи Олбрайта о завоевании Ханаана, хотя они отказались от таких выражений, которые напоминают о расизме и евгенике. И на самом деле вряд ли мы найдем другую сферу исследований — особенно в области религии, — где у теории геноцида было бы столь много защитников.

Христианские и особенно евангелические библеисты хорошо знают о проблемах, которые стоят перед ними тексты Книги Иисуса Навина и подобные им, и есть немало исследователей, которые отчаянно пытаются их решить: за последние годы появился ряд книг и статей, которые посвящены именно этим мрачным текстам. Но в большинстве публикаций, посвященных эпохе завоеваний, нет никаких следов беспокойства по этому вопросу. Хотя они и не защищают массовые убийства напрямую, из трудов некоторых комментаторов можно сделать вывод, что эти жестокости были оправданны. Так, один комментарий, вышедший в 2000 году, то есть совсем недавно, содержит в себе раздел, посвященный кампании против Гая, который носит легкомысленное название «Гай: игра в маленького искателя»¹⁸⁴.

Одни ученые, говоря о завоевании, честно пользуются современными терминами, которые создают непривлекательную картину, тогда как другие считают, что подобные негативные слова применять не стоит. Так, апологет Библии Пол Копэн писал: «За этническими чистками обычно стоит расовая ненависть, но повеление убить ханаанеев от нее совершенно свободно... Израильтяне не думали, что принадлежат к особой группе, которая должна делать козлов отпущения из других групп, а затем приступить к их уничтожению»¹⁸⁵. Я не нахожу здесь никакой логики.

В 2003 году почтенное евангелическое издательство Zondervan выпустило достаточно глубокую книгу с провокативным названием «И не

давай им пощады». Это симпозиум четырех библеистов, посвященный теме геноцида в Ханаане (все они считают соответствующие повествования в целом исторически достоверными) и тому, как это событие влияет на современное понимание Библии. Местами спор участников становится желчным. Один из них, К. С. Кауэлс, страстно отстаивает идею о том, что Новый Завет решительно отличается от Ветхого, и утверждает, что христианская вера не позволяет нам мириться с геноцидом. «Можем ли мы, — задает он вопрос, — вообразить себе, что Бог, в итоге и во всей полноте явленный в Иисусе, отдает повеление об убийстве детей и младенцев? В любую эпоху? В любом месте? По любой причине?»¹⁸⁶ Как думает Кауэлс, идею *херема* олицетворяет собой отнюдь не Иисус, но скорее Осама бин Ладен. Если это мнение ставит под вопрос или принижает авторитет некоторых ветхозаветных текстов, нам придется с этим смириться.

Но коллеги Кауэлса думают иначе. Трое других библеистов единодушно возмущены его попыткой принизить авторитет кровавых отрывков Ветхого Завета. И взгляд этих троих авторов подобен взглядам Кальвина и Мэтью Генри. Евангелический ученый Юджин Мэррилл решительно защищает преемственность между двумя частями Библии и не согласен с тем, что в повелении совершать акты геноцида есть что-либо злое или безнравственное. Эти термины нельзя прилагать к Богу, говорит он. Как он утверждает, смысл этих повелений «недоступен пониманию человека, но

это ни в коей мере не делает его несправедливым или аморальным»¹⁸⁷.

Более того, Мэррилл утверждает, что завоевание было совершенно справедливым, поскольку ханаanei не имели права жить на земле, которую они заняли несколько столетий назад и которую стремились сохранить за собой, несмотря на Божье обетование (о котором они не слыхали). Они были «самовольными захватчиками на Земле обетования, а кроме того, их присутствие подталкивало Израиль к идолопоклонству и угрожало ему моральным разложением». Ханаanei бунтовали против Бога, и их уничтожение было необходимо для будущего Израиля. Фактически, говорит Мэррилл, священная война Иисуса Навина и других полководцев оказалась действенным средством, и нам следует признать «педагогическую ценность войны Яхве», которая свидетельствовала о суверенитете Бога¹⁸⁸. Уничтожение евреями некоторых городов было шоком для местных жителей и наводило на них ужас.

Так что же, мог ли Бог Иисуса когда-либо дать распоряжение об убийстве детей? Мог, думает Мэррилл, и отдавал такое повеление. Другой автор соглашается с тем, что люди не вправе назвать какие-либо деяния или повеления Бога злыми. И если даже речь идет о геноциде (все участники дискуссии согласны использовать этот термин), следует понять следующее: «тут стоит тот рубеж, перед которым человеческий разум может только лишь почтительно склониться, признав, что Его пути не пути наши и Его мысли действительно выше наших»¹⁸⁹.

Геноцид в Интернете

Религиозные активисты и экстремисты нашли себе безопасное убежище в Интернете, где появилось много сайтов исламистов и сторонников джихада. Но Сетью пользуются также иудеи и христиане, размещающие страшные материалы: массовые убийства Библии продолжают завораживать собой популярных проповедников и апологетов. Обычно христиане используют аргументы Торри, однако при этом они страстно отстаивают нынешний сионизм, что придает новое звучание этим аргументам столетней давности. Рассуждая о битвах древних евреев, они явно держат в уме нынешнее положение государства Израиль, причем смотрят на него глазами крайне правых израильтян. Поэтому рассуждения о древних народах Ханаана здесь странным образом смешиваются с установками относительно современных арабов и мусульман.

Авторы многих евангелических сайтов молчаливо предполагают, что древние обитатели Ханаана были крайне порочными и грешными. Поскольку Библия мало что говорит о конкретных грехах ханаанеев, проповедники могут восполнить этот пробел с помощью собственной фантазии. Вот что говорится о них на одном из таких сайтов:

Грехи ханаанеев превысили все мыслимые пределы, так что Иисусу Навину необходимо было полностью их истребить, чтобы Израиль не перенял у этих народов их злые пути жизни. Ханаанеи совершали на Святой земле многие мерзости, там

П о с к о л ь к у Библия **Мало что**
 говорит о **конкретных грехах**
ханаанеев, проповедники могут
 восполнить этот пробел с помощью
 собственной фантазии

встречались такие явления, как храмовая проституция, когда отец и сын занимались сексом с одной и той же проституткой, принесение в жертву детей, гомосексуализм, идолопоклонничество и так далее и тому подобное¹⁹⁰.

Эти комментаторы также высказывают неверное мнение о том, что жестокости, совершенные Иисусом Навином, были типичными для древнего мира, и потому их не следует измерять современными более мягкими стандартами. Так, проповеднический сайт *JesusWalk* предупреждает:

Не стоит прилагать этику XX столетия к ситуации бронзового века... На самом деле в ту эпоху геноцид был распространенным явлением... Израиль нес угрозу всем народам Ханаана. Если бы он не уничтожил их, Израиль сам бы прекратил существование... Это была ситуация: убей или стань жертвой убийцы¹⁹¹.

Мы можем встретить в Сети и старые образы из медицины и биологии. Несколько лет назад один баптистский библеист, оправдывая геноцид в Ханаане, говорил: «Подобно хирургу, Бог устранил злокачественную опухоль ханаанской испорченности, чтобы обеспечить будущие годы жизни для своего народа»¹⁹². Другой проповеднический сайт приводит список грехов и мерзостей, в которых Библия обвиняет ханаанеев, и призывает христиан не смущаться тем, что Бог принял мудрое решение истребить эту ужасную расу. «Если бы остался рак, Израиль не смог бы выжить. Ради выживания Израиля нужно было избавиться от ханаанеев». Тем не менее, добавляет автор, по крайней мере убитые дети обретут блаженство в загробном мире. «В этой мрачной истории есть одно светлое пятно: Бог взял целое поколение ханаанских детей и перенес их в свой прекрасный дом, где царствует любовь»¹⁹³.



Что бы мы ни думали о богословской стороне этих рассуждений, ни один комментатор, если он понимает истории о геноциде буквально, не должен обсуждать их в отрыве от научной литературы, посвященной массовым убийствам современной эпохи. Если эти аргументы неубедительны в случае армян или евреев в XX веке, они также не помогают оправдать то, что произошло в древнем Ханаане.

5

Приказ о проведении геноцида

*Я настигну моих врагов,
не вернусь, пока не истреблю их.
Разобью их — им больше не встать,
у меня под ногами будут.*

Псалом 17:38–39

*Я сомневаюсь в том, что испанцы смогли бы убить
столько миллионов индейцев, если бы не думали, что
могут обращаться с ними как с ханаанеями.*

Мэтью Тиндаль,
скептик от Просвещения

Р

ассказы о массовых убийствах многие века оказывали влияние на политику, что касается как иудейской, так и христианской традиций. В обеих этих религиях важную роль играли славные образы избранного Богом народа, который стремится выполнить божественный замысел о мире, пока весь этот процесс не завершится в мессианскую эпоху. При этом в обеих религиях существовали и образы врагов, которых надо победить, и иногда это означало, что следует уничтожить реальных противников, живых людей. Позднее веру-

ющие научились думать о врагах как о космическом зле, о злых силах, которые в итоге не смогут сопротивляться Божьей воле и противостоять народу Бога. Это учение помогало верным чувствовать свою правоту, и потому оно придавало им смелости на поле битвы. Из Библии естественным образом вытекает доктрина священной войны.

Специфически христианское понимание Библии и политические уроки, которые люди из этого извлекали на протяжении многих веков, имели огромное значение, поскольку на протяжении пятнадцати столетий именно христианские, а не иудейские царства сражались за господство в Европе и именно христианские империи распространялись по всему земному шару. Вера в свою избранность способствовала тому, что завоеватели подчиняли себе или переселяли народы, живущие на покоренных землях. Народы, укорененные в протестантизме, — англичане, американцы, голландцы и немцы — смотрели на враждебные расы как на крайнее воплощение зла, которое в некоторых особых случаях нужно было полностью уничтожить. Так Библия дала Западу язык для размышлений о геноциде.

Войны Завета

Хотя евангелические авторы оправдывают акты религиозного насилия, совершавшиеся в прошлом, все они единодушно настаивают на том, что геноцид в Ханаане был уникальным событием,

которое никогда не может повториться в современном мире. Об этом совершенно однозначно говорил Юджин Мэррилл: «Геноцид, одобренный Писанием, был неповторимым по времени, месту и обстоятельствам событием. Не стоит думать, что нечто подобное может произойти в эпоху церкви»¹⁹⁴. Однако в истории христианства не все проводили столь четкое разграничение. По меньшей мере некоторые христиане считали себя наследниками обетования, данного первому избранному народу, евреям, и во многих из них мысль об этом наследии формировала их отношение к врагам и гонителям.

Христианские концепции священной войны складывались постепенно. В первые века христианства верующие с великим подозрением относились к римскому государству и светским законам — а особенно к тому, что касалось армии. По меньшей мере до IV века христиане ставили под вопрос саму возможность для верных служить в вооруженных силах. Ситуация, разумеется, изменилась в тот момент, когда Римская империя приняла христианство и вожди церкви стали вести войны во имя Бога. И в эту эпоху князья церкви обратились к тем текстам, которые могли бы оправдать такие действия, и часто при этом они размышляли о ветхозаветных повествованиях, где речь шла о ханаанеях и амалекитянах.

История амалекитян приобрела особое значение потому, что отцы церкви сопоставляли Моисея с Христом. Моисей воздел руки и не опускал их во время битвы с Амалеком, чтобы

на израильских воинах пребывало Божье благословение; Иисус распростер руки на кресте, чтобы победить силы греха. Когда христианство стало религией царей и государств, на этой аналогии были выстроены богословские идеи священной войны, которые продолжали влиять на умы до недавних времен. Духовенство, подобно Моисею, воздевает руки в молитве, а полководцы играют роль Иисуса Навина, сражающегося с Амалеком. Клирикам нравилась эта аналогия, потому что она показывала, что они играют вполне определенную и крайне важную роль в военных делах.

Уже во времена Карла Великого, около 800 года н. э., короли и прелаты призывали друг друга исполнять свои роли в битве с Амалеком — идентичность врага менялась в зависимости от ситуации. Идеальными врагами с этой точки зрения были язычники, однако и религиозный статус противников мог меняться. Когда в 1095 году папа Урбан II начал первый крестовый поход, он сказал, обращаясь к христианским воинам: «Наш долг молиться, а ваш — сражаться против амалекитян», — в данном случае против мусульман. Другие рассказы о завоеваниях также влияли на милитаристские идеалы церкви. Сетую на то, что крестоносцев сопровождает толпа женщин легкого поведения, они вспоминали о Книге Чисел. Нельзя ли избавиться от этих блудниц тем же действенным способом, которым воспользовался Финеес, поразив мидьянитянку — она была искушением для еврейских воинов?¹⁹⁵

Священная война vs. Справедливая война

В позднейшие столетия теория священной войны потребовала переработки. И тогда, в конце Средних веков, Библия помогала радикально изменить представления, господствовавшие на протяжении нескольких предшествовавших столетий, и сделать войну более гуманным и цивилизованным занятием. Однако практические последствия этого возвращения к Библии для вооруженных конфликтов между христианами оказались плачевными¹⁹⁶.

Неприглядный пример крестовых походов показал, что средневековые войны не могут быть цивилизованными, однако на протяжении Средних веков мыслители и вожди церкви добились реального улучшения ситуации. Они создали гуманные доктрины справедливой войны, у которой есть свои рамки, и оговорили условия, при которых государство вправе развязать войну (*jus ad bellum*). Теоретики призывали ввести ограничения при ведении военных действий, чтобы снизить количество ненужных актов насилия и разрушений и защищать людей, не участвующих в схватках, и мирное население (*jus in bello*)¹⁹⁷.

Во второй половине XV века эти идеи получили всеобщее признание, хотя на практике им следовали далеко не всегда. Стали возникать секты, отколовшиеся от больших церквей и изучающие Библию самостоятельно, которые поставили те-

орию справедливой войны под сомнение. Зачем накладывать столько ограничений на благочестивых верующих, идущих в битву? Настоящие христиане не могут принять эту теорию именно потому, что она не давала возможности вести настоящую священную войну. Ревнителю ненавидели жесткие ограничения этой гуманной теории, указывающей, кто вправе начать применять насилие: справедливую войну может объявить только законный режим. Новые читатели Библии знали, что иногда рядовые христиане должны взять законы войны в свои руки. Каждый мужчина должен быть своим Иисусом Навином или Финеесом. Нам здесь сразу бросается в глаза, насколько подобные представления близки к идеям исламистов.

Новые группы протестантов обращались к образцам Моисея и Иисуса Навина, когда размышляли о своей па-

Ревнителю христианства **считали,**
что каждый мужчина **должен быть**
своим Иисусом Навином или Финеесом

радикале войны. Вооруженные до зубов табориты в Богемии XV века, радикальные предтечи протестантизма, называли своих католических противников «моавитянами и амалекитянами... которых необходимо уничтожить». Когда в 1520-х в Германии разразилась Реформация, крайне жесткая риторика стала обычным явлением. Обличая демагогию тогдашних проповедников, Мартин Лютер сетовал: «Наши дорогие пророки сеют свои пустые слова в умы людей, говоря: «Люди добрые, Бог повелел своему народу забить Амалека до смерти». Подобные слова несут нам горе и бедствия». В зависимости от предпочтений, в устах проповедников «амалекитянами» могли стать аристократы, крупные землевладельцы, католики, евреи или другая группа протестантов, с которой кто-то не согласен¹⁹⁸.

Эти протестанты времен начала Реформации находили для своих доктрин поддержку в Библии — причем эта поддержка одновременно касалась разных аспектов: богословского, социального и политического, — и в периоды кризисов жестокие тексты Писания были у всех на слуху и на языке. Протестантизм, подобно исламу, родился в войне, между 1550 и 1648 годами Европу раздирали бесконечные конфликты, и часто казалось, что католики вот-вот одержат полную победу. Истории библейских завоеваний учили поколение борцов, сражавшихся за свое право на жизнь, тому, что Божии избранники всегда добьются победы, какими бы трудными ни казались все обстоятельства. Кальвинисты создали жизне-

способную теорию сопротивления несправедливым правителям, которая во многом подкреплялась идеями Ветхого Завета, поскольку богословы оправдывали убийство тиранов и самосуд над несправедливыми властителями, который осуществляют благочестивые ревнители¹⁹⁹.

В 1550-х годах шотландские протестанты, которых подстрекал Джон Нокс, естественным образом обратились к истории об амалекитянах, «которые портили жизнь израильтянам, возвращавшимся из Египта». Враждебный народ был полностью уничтожен: «мужчины, женщины, дети, грудные младенцы, волы, крупный рогатый скот, верблюды и ослы — и наконец, все живое, что было в этой земле». Преследователи из числа католиков должны про это помнить: «Ужасной будет память о сих, обо всех тех, кто причиняет неприятности и сеет соблазны, когда верные, повинаясь повелению Бога и его призыву, оставят духовный Египет (царство антихриста) и мерзости оного». Возмущаясь Марией Стюарт, католической королевой, правившей страной, Нокс молился, чтобы «Бог, по Его великой милости», воздвиг в эти дни нового Финееса. Это был недвусмысленный призыв к убийству²⁰⁰.

Реформаторы создали радикальную доктрину религиозных войн, отбросив теорию справедливой войны с ее ограничениями. Самым влиятельным мыслителем здесь был Генрих Буллингер, швейцарский деятель Реформации, о котором сегодня забыли, но который был важным умом для протестантской Европы того времени. В своей знамени-

той проповеди «О войне» он призывал возродить *херем* на практике. Он представлял себе особого рода войну, которую может начать магистрат или какой-то правитель:

[Это война] против неисправимых людей, осужденных судом Божиим и заслуживающих того, чтобы их убивали без жалости и без милости. Такие войны вел Моисей с мидьянитянами и [Иисус Навин] с амалекитянами... [Такие] войны призваны защищать истинную религию от идолопоклонников и врагов истинной и вселенской веры.

Как считал Буллинггер, Библия говорит нам о том, как нужно вести подобные войны. «Законы войны перечислены в главе 20 Второзакония, они и полезны, и необходимы... Более того, многие другие места Писания призывают исполнять эти законы». Если город склонился к идолопоклонству, он «должен быть взят воинами и стерт с лица земли», как тому учит Второзаконие. Буллинггер здесь строил такую теорию, которую сегодня мы назвали бы христианским джихадом²⁰¹.

Английские пуританские писатели 1620-х и 1630-х годов продолжали развивать кошмарные теории неохерема, чтобы заменить ими идеи справедливой войны. Уильям Гаудж использовал историю амалекитян в Книге Исхода, чтобы сделать следующий вывод: верные христиане не просто *могут* участвовать в религиозных войнах, но *обязаны* это делать. Война может быть священной: «Когда солдат умирает в битве за правое дело — это все равно что проповедник, который

Протестантский мыслитель
Генрих Буллинггер строил такую
теорию, **которую сегодня**
мы называли бы христианским джихадом

умирает на кафедре». Гаудж (его имя по-английски означает «долото», что ему прекрасно подходит) расширил рамки справедливой войны, добавив к ней справедливое завоевание чужой территории, которое оправдано в том случае, если способствует «защите истины и чистоты религии». При этом он ссылаясь на прецедент — покорение Ханаана²⁰².

Мы не вправе назвать Гауджа самым воинственным пуританином той эпохи. Некоторые авторы не просто оправдывали священную войну, но и требовали, чтобы она была такой же дикой и беспощадной, как те битвы, что описаны в Библии. В 1626 году Томас Барнс заявил:

Чтобы взять в руки меч и проливать кровь, нужна своего рода жестокость: мы видим ее у Самуила, который рассек Агага на куски, не показывая ника-

кого сострадания, или у Иисуса Навина, без милости повесившего пятерых языческих царей²⁰³.

Как считал Барнс, ни милосердие, ни сострадание не должны ограничивать участников священной войны. Как и многие другие пуритане, он указывал на пример Саула, поскольку этот случай прекрасно иллюстрировал столь важную для кальвинистов тему завета. Саул нарушил завет, и потому погиб.

Католики и амалекитяне

Британия была тогда империей, расширявшей свое влияние и владевшей колониями, поэтому ее авторов ценили: Гаудж и Барнс были популярны также и в Новой Англии. Кроме того, военная британская культура опиралась на религиозные ценности и, в частности, на Библию. Полководцы из числа пуритан применили к себе библейские рассказы об Иисусе Навине и Гидеоне, а такое восприятие себя имело печальные последствия для их врагов, будь то английские роялисты или ирландские католики. Во время гражданских войн 1640-х погибла, быть может, четверть миллиона людей, принадлежавших к одной из четырех наций Британских островов²⁰⁴.

Оливер Кромвель, которому удавалось жесткой рукой диктатора умело править Англией в 1650-е годы, охотно отождествлял себя с Гидеоном и видел в своих врагах мидьянитян и амалекитян. Когда один его бывший союзник выразил нежелание

принимать крайние меры, генерал обвинил его в трусости. «Тебя не должно соблазнять то, как исполняется дело Божие, — писал ему Кромвель. — Быть может, иного пути просто не существует. Что если Бог ценит ревность, как то было в случае Финееса, которого, быть может, заставили бы оправдываться в своих поступках перед судом присяжных!» Иногда правила и тонкости закона должны отойти в сторону и дать свершиться божественному деянию, направленному на мидьянитянских противников. В тот момент Кромвель настаивал на необходимости казнить короля Чарльза I, так что акт цареубийства, совершившийся в 1649 году, глубоко напугал весь политический мир Европы. Однако Кромвель, как и другие английские пуритане в годы кризиса, размышлял над другим важнейшим для него вопросом: «Как бы здесь поступил Финеес?»²⁰⁵.

Если даже король не был защищен от гнева ревнителей, что уже говорить про другие народы и группы? Особой мишенью отмщения для пуритан служили католики, поскольку они нагло называли себя христианами. Любой добрый протестант того времени понимал, что католики служат папе — антихристу, появление которого предсказано в книге Откровение. Если английские и шотландские поселенцы в Ирландии считали себя новым Израилем, то их враги, местные католики, разумеется, воспринимались как амалекитяне и ханаанеи, и все проклятия Библии относились к ним. Ненависть между представителями двух конфессий достигла своего пика после восстания

Когда в 1649 году Кромвель
снова покори́л Ирландию, он, как
то сделал Израиль в случае Амалека,
истребил все население таких бунтующих
городов, как Уэксфорд и Дрозда

1641 года, когда католики попытались избавиться от протестантских общин. Даниэль Харкурт, автор из протестантов, сетовал по этому поводу: «Какой дорогой ценой израильтяне... расплатились за свое неразумное милосердие, которое помешало им истребить идолопоклонников-ханаанеев»²⁰⁶.

Протестанты торжественно пообещали не повторять подобных ошибок. Когда в 1649 году Кромвель снова покори́л Ирландию, он, как то сделал Израиль в случае Амалека, истребил все население таких бунтующих городов, как Уэксфорд и Дрозда. Другие военачальники были не менее жестоки — особенно шотландские пресвитериане, пропитанные кальвинизмом. Когда военных ужасали кровавые побоища, капелланы призывали их разить врага без пощады. После одной битвы капеллан угрожал генералу Дэвиду Лесли, говоря:

если он не перебьет всех военнопленных, на него «падут все те проклятия, которые пали на голову Саула за то, что он сохранил жизнь амалеkitянам». Лесли оплатил за это капеллану. Увидев, что ноги проповедника по шиколотку запятнаны кровью врага, он язвительно сказал, что теперь капеллан, по крайней мере, получил свою долю крови²⁰⁷.

Религиозные установки Кромвеля отравили отношения между англичанами и ирландцами, и этот яд действовал на протяжении нескольких столетий. Когда читаешь тогдашних английских толкователей, когда те пишут о врагах Израиля, часто трудно понять, о ком идет речь: о древних народах или об ирландских католиках. И даже гораздо позже, в 1885 году, когда евангелический богослов англо-ирландского происхождения Э. Р. Фоссет опубликовал комментарии на Книгу Судей, там он не высказывает никакой озабоченности по поводу уничтожения язычников: «Повеление так с ними обращаться, безусловно, исходило от Бога, праведного судьи, а не от человека; Бог желал уничтожить идолопоклонство с его мерзостями». Фоссет считал, что евреи вели себя неправильно, но не потому, что истребляли ханаанеев, а потому, что сохранили некоторым из них жизнь. Он объясняет эти излишние проявления либерализма падением нравов Израиля: «Компромиссы, равнодушное отношение к чести Бога, которую оскорбляет идолопоклонство, леность и страсть к наживе, привели к тому, что Израиль только лишь собирал дань с врагов, тогда как был доста-

точно силен, чтобы их уничтожить». Не случайно на этих страницах рассуждения о расово-религиозном превосходстве появились в тот самый момент, когда ирландские протестанты, включая самого Фоссета, с ужасом ожидали введения Акта о самоуправлении Ирландии, который бы позволил ненавистным католикам занимать места в правительстве²⁰⁸.

К началу XVIII века в самой Англии кровопролитие на религиозной почве уже прекратилось (в Ирландии дела обстояли иначе), но избранники Божьи находили других ханаанеев в других странах, чтобы с ними сражаться. Позднейшие поколения воинов и колонизаторов сталкивались с врагом, который, в отличие от ирландских католиков, даже не исповедовал христианство, благодаря чему его было легче приравнять к народам Ханаана.

Тогдашние публицисты понимали, насколько библейские тексты удобны для всех государств, пытающихся оправдать свою агрессивную политику завоеваний. В 1730 году Мэтью Тиндаль, скептик и деист, написал труд «Христианство старое, как наш мир», где он яростно нападал на религию, указывая на то, какие плачевные политические плоды приносит жесткий фундаментализм:

Что должен думать любой правитель, идущий на войну, о допустимости тотального уничтожения побежденных, если он знает, что Бог повелел Саулу истребить всех амалекитян: мужчин и женщин, детей и младенцев, а также волов и

овец, верблюдов и ослов за тот вред, который несчастные причинили Израилю за четыреста лет до того?

Тиндаль достаточно рано почувствовал, что библейские тексты могут питать империалистические амбиции. Если какой-то стране не хватает земель, спрашивает он, могут ли ее правители не вспомнить о Библии:

...То, как Израиль поступил с ханаанеями — это хороший прецедент. Значит, можно захватить соседнюю страну, где живут идолопоклонники, никогда не причинявшие им вреда, и искоренить не только мужчин и женщин, но и невинных детей, чтобы завладеть их землей²⁰⁹.

Тиндаль вспоминал об испанских завоеваниях в двух Америках, в ту эпоху это был самый яркий пример уничтожения рас, сравнимый с холокостом для нынешнего мира.

Подобно другим публицистам, писавшим о завоеваниях, Тиндаль использует слово «искоренить» (*extirpate*), которое нуждается в комментариях. Это слово, появившееся в 1530-х годах, предполагает полное устранение. Латинское слово *stirpes* означает корень или ствол дерева, соответственно, смысл слова *extirpate* — это «вырвать с корнем» или «выдернуть ствол». Искоренение народа не просто наносит ему непоправимый ущерб, но оно означает, что народ прекращает свое биологическое существование. Это то же самое, что «геноцид», только данный термин появился в

1940-х годах. Однако за несколько веков до того протестантские читатели Библии были знакомы с концепцией геноцида и, более того, думали, что в некоторых обстоятельствах акт геноцида может стать абсолютно необходимым, потому что так поступать повелел Бог.

Амалек в Америке

Библейские истории об искоренении влияли на колонизаторов Америки с тех дней, когда там появились первые поселения. В трактате, написанном Робертом Греем, жителем одного из новых поселений в Вирджинии, автор выражает надежду на то, что индейцы примут христианство, а если они откажутся это сделать, в Библии есть точные указания на то, как с ними надлежит поступать: «Саул потерял свое царство и свое потомство потому, что оставил в живых Агага... которого Бог повелел не щадить, а потому надлежит уничтожить идолопоклонников, которых ненавидит Бог»²¹⁰.

Джон Винтроп, описывая отношения завета между Богом и возникающей Новой Англией, говорит, что если колонисты не выполняют своих обетов, их ждут ужасающие последствия:

Когда Бог дает людям особое повеление, он следит за тем, чтобы оно было выполнено совершенно точно во всех деталях. Когда он повелел Саулу уничтожить Амалека, он точно указал, как это надо сделать, и поскольку царь нарушил указание в одном, казалось бы, неважном предмете,

да еще и ссылаясь на благие причины, он потерял царство, которое было бы его наградой, если бы он выполнил поручение.

Хотя Винтроп не обсуждает здесь напрямую отношения колонистов с туземцами-язычниками, скоро можно увидеть, на что указывают эти параллели с кровавой бойней, устроенной Саулом. Винтроп без тени иронии дал своему ужасному тексту сладкое название: «Образ христианской благотворительности»²¹¹.

Когда отношения колонистов Новой Англии с местными жителями ухудшились, Библию стали упоминать еще чаще. По словам Коттона Мэзера, индейцы племени пекот, совершившие нападение на колонию в 1637 году, были «теми аммонитами, которые решили, что могут распространять свое зловоние перед Израилем из Новой Англии»²¹². Если они подобны Амалеку, следует уничтожить их семьи и их селения. В 1662 году поэт-новатор Майкл Уиглсворт писал о покорении «бесплодной воющей пустыни». В итоге Бог истребил тех местных жителей, которые хотели причинить вред его народу:

Эти проклятые амалекитяне,
Которые первыми подняли руку
На Бога Израилева,
Были ужасным образом сокрушены²¹³.

Призывы Винтропа снова стали популярными в 1675 году, когда колонисты Новой Англии в очередной раз вступили в жестокую войну с

туземцами. Описывая историю этого конфликта, Инкриз Мазер говорит о кознях, которые против «английского Израиля» строил «языческий народ, окружающий нас, чью землю Господь Бог отцов наших отдал нам в законное владение». Описывая битвы, он часто называет врагов колонистов «необрезанными». Разумеется, это не следует понимать буквально — колонисты тоже не совершали обрезания, — здесь он просто сравнивает индейцев с народами, против которых воевал в древности Израиль. Рассказывая об одном неудачном сражении, он пишет: «В этот день Амалек одолел Израиля, ибо руки Моисея не были воздеты, а это было необходимым» ²¹⁴.

Коттон, сын Инкриза Мазера, продолжал развивать эти идеи. В своей истории поселения, *Magnalia Christi Americana*, Коттон Мазер повествует о «войнах Господа» против врагов внутренних и внешних: еретиков и индейцев. Он восхищался Винтропом, называя его американским Неемией, вождем, который оберегал свой народ от язычников и отделил его от них. В 1689 году Коттон Мазер призывал солдат сражаться с индейцами так, как будто они сражаются в армии Моисея и Иисуса Навина, и, подобно многим другим клирикам до него, обещал молиться за христианскую армию, «пока вы на поле битвы держите свои жизни в своих руках, противостоя Амалеку, который ныне досаждаёт этому Израилю в пустыне»²¹⁵.

В течение последующего века о расовых войнах вспоминали каждый раз, как разгорался очередной конфликт. В 1704 году в Бостоне Генри

Гиббс произнес проповедь, в которой благодарил «милостивого Бога, искоренившего врагов Израиля в Ханаане» — имея в виду Ханаан американский. Повествуя о колонизации Запада, Теодор Рузвельт писал: «Многие из лучших поселенцев были читателями Библии. Они глядели на своих противников так, как еврейские пророки глядели на врагов Израиля. Мерзости, из-за которых ханаанеи были уничтожены Иисусом Навином, меркнули по сравнению с теми мерзостями, которые творили эти краснокожие дикари, земли которых должен был унаследовать иной избранный народ»²¹⁶. В 1770-х самыми страшными врагами рождающегося американского народа стали индейцы, вступившие в союз с Британией. На этом фоне американские солдаты и политики снова обратились к библейским образам священной войны. Даже Бенджамин Франклин, при всем его гуманизме, рассуждая о том, какой великий вред принес индейцам ром, замечал: «Быть может, таков был замысел Провидения — искоренить этих дикарей, чтобы освободить землю, которую можно было обрабатывать»²¹⁷.

Американцы были новым Израилем, и потому они с легкостью применяли к себе идеи завета и избранности. Эзра Стайлс называл Джорджа Вашингтона американским Иисусом Навином. Когда же он умер, проповедники, прославлявшие его, сравнивали его как с этим древним полководцем, так и с Моисеем. Как Франклин, так и Джефферсон желали, чтобы на новой американской большой государственной печати были запечат-

лены события исхода и входа в Землю обетованную. В своем втором инаугурационном выступлении Джефферсон обращался к «тому Существо, в чьих руках мы находимся и кто вывел наших отцов, как Израиля в древности, из их родных стран и насадил их в этой стране, где в изобилии встречается все необходимое для жизни»²¹⁸. Эти идеи естественным образом привели к появлению в 1830-х годах теории о предначертании судьбы, согласно которой люди Иисуса Навина предназначены для того, чтобы занять весь Континент обетованный, устрояя всех ханаанеев, оказавшихся на их пути²¹⁹.

Христианские империи

Не только американцы позаимствовали из Библии такие представления о самих себе. Британским империалистам была близка идея искоренения примитивных рас, таких как австралийские аборигены. Обычно подобные вещи не высказывались открыто в адрес более «продвинутых» обществ, скажем, относительно народов Индии, тем не менее, когда индийцы сопротивлялись оккупации варварскими (по мнению британцев) методами, о них вспоминали. Когда в 1857 году в Индии поднялось масштабное восстание сипаев, британские генералы начали говорить о Кромвеле и его древнем предшественнике Иисусе Навине. Даже сдержанная лондонская газета *Times* писала об амалекитянах, говоря, что вероломст-

во бунтовщиков заслуживает великого пролития крови. Столкнувшись с явлением, которое отчасти представляло собой мусульманский джихад, империя вспомнила христианский язык священной войны²²⁰.

Проповедники и авторы религиозной литературы создали такой интеллектуальный климат, который позволял применять «подход к Амалеку» в Индии и других местах, в свою очередь, практические действия империи снабжали этих религиозных активистов примерами, которые помогали им толковать Писание. Рассуждая в 1884 году о расовых убийствах в Ветхом Завете, пресвитерианский библиист Эдвард Кэртис использовал для сравнения именно такие примеры. Да, признавал он, истребление ханаанеев кажется нам жестоко-стью, но понадобилась «ужасная хирургия», чтобы подавить беспредельное зло. «Кромвель в малой мере использовал такое лекарство; восстание сипаев порождает желание применять его в большей мере», — замечает он. Как утверждает Кэртис, многие из его современников одобрили бы «полное уничтожение» мусульман, которые убивали балканских христиан в 1870-х годах. Чем проще будут принимать идею искоренения народов его христианские современники, считал Кэртис, тем легче им будет понять Иисуса Навина в его эпоху, и наоборот²²¹.

Другие протестантские культуры развивали идеи «завета», которые порождали подобное отношение к местным народам, с которыми им приходилось сталкиваться. Голландцы начали появлять-

ся на юге Африки в середине XVII века, а на протяжении нескольких последующих десятилетий сюда приезжали другие протестанты, вынужденные покинуть Европу. Африканеры были пропитаны идеями кальвинизма и стали держаться за них еще крепче, когда их вынудили переселиться на другие земли в глубь континента. В 1838 году в битве у Кровавой реки африканеры разгромили страшную армию зулусов, и победители увидели в этом Божье спасительное вмешательство, подобное тем вещам, что случались в истории древнего Израиля. В 1860-х был установлен праздник в честь этой победы, и в этот день произносились проповеди на текст: «Моисей воздвиг жертвенник и назвал его Яхве-Нисси». Слушатели, хорошо знакомые с Библией, могли вспомнить продолжение этого отрывка: «Война Господа с Амалеком — из рода в род!» Так амалекитянами стали зулусы и все черные обитатели Африки в целом²²².

На протяжении последующих ста пятидесяти лет религиозные и политические представления африканеров опирались на идею Божьего завета, повинаясь которому Израиль завоевал и занял Ханаан, а годовщина победы у Кровавой реки стала у них священным днем, Днем завета. Среди прочего, завет требовал жесткого отделения от местных языческих народов, и этот запрет особенно касался сексуальных взаимоотношений. В 1038 году африканеры вспомнили об этом запрете и ввели его в действие, так что он стал основой бескомпромиссного национализма белых и политики сегрегации, апартеида. С 1948 по 1994 год

Южной Африкой правила националистическая партия африканеров, а в это время уже весь мир протестовал против апартеида. Сильнее всего эту партию поддерживали реформатские (кальвинистские) церкви, в которых проповедники регулярно говорили о необходимости отделения от черных и о расовом превосходстве. Вожди националистов видели в черных африканцах скорее не амалеки-тян, но древних гаваонитов. Последнее лучше соответствовало ситуации: оно предполагало, что черные призваны рубить дрова и носить воду, а это значило, что и образование они должны получать с прицелом на такую карьеру²²³.

Vernichtung

Если говорить о Германии, то и здесь мы увидим, что язык искоренения, который стал таким популярным во время холокоста, имеет библейское происхождение. Как и в случае голландцев, немцы начали применять эти концепции при столкновении с черными африканцами.

У немцев тоже существовали представления об искоренении народов, они здесь использовали глагол *ausrotten*. Этот термин стал священным из-за великого перевода Библии 1545 года, сделанного Лютером. Этот глагол применялся не только тогда, когда речь шла об «искоренении» народов, но и для ситуации, когда одного злодея исключают из сообщества или даже когда вырубая священные рощи язычников²²⁴. Однако Лютер

использовал этот глагол, когда говорил об истреблении народов и рас. В английских переводах сказано, что Бог «изгнал» (*cast out*) семь народов Ханаана, однако читатели перевода Лютера знали, что эти народы были *ausgerottet*. В трудах позднейших комментаторов Библии говорилось, что Израиль применял по отношению к враждебным народам *Ausrottung*.

Немецкие библеисты применяли и еще один термин — *Vernichtung*, «уничтожение», — когда говорили о полном уничтожении всего живого во время войн по правилам *херема*. В переводе Библии Elberfelder и комментариях к нему, изданных в 1871 году, используется слово *Vernichtung*. В еврейском тексте Книги Судей упоминается персонаж по имени Хорма, это имя происходит от слова *херем*; в переводе Elberfelder он назван *Vernichtung*. Это слово указывает не только на полное уничтожение, но и на то, что это уничтожение было совершено по велению Бога. Этот термин, который потом приобрел печальную известность, появляется в Ветхом Завете при описании войн. В 1897 году еврейский ученый Людвиг А. Розенталь написал работу о «приказании истребить [*Vernichtungsbefehl*] Амалека», и с тех пор этим термином стали пользоваться и другие комментаторы. В начале XX века немецкие исследователи говорили о полном *Vernichtung* ханаанеев²²⁵.

Оба эти слова с библейским звучанием, *Ausrottung* и *Vernichtung*, стали использоваться в политическом дискурсе в эпоху расширения империи и обострения расовых конфликтов.

(В эти же годы англоязычные христиане Америки искали биологические оправдания для истребления ханаанеев.) В 1870 году Фридрих Энгельс утверждал, что непрекращающееся сопротивление ирландцев Британской империи можно прекратить только одним способом: с помощью искоренения, *Ausrottung*, угнетенной расы²²⁶. Разумеется, Энгельс видел в таком ходе событий кошмарное явление, но иные его современники считали его нормальной политической тактикой, при этом они пользовались языком Библии и библейских комментариев.

С 1844 года Германия направила свои усилия на создание большой колониальной империи в Африке, как то уже сделали ранее англичане и голландцы, при этом, оправдывая свои действия, политики говорили о распространении Евангелия. Колонизаторы, поддерживаемые церквями, постоянно пользовались библейскими образами, особенно когда сталкивались с сопротивлением местных народов. Самый яркий конфликт возник на юго-западе Африки на территории, где сейчас находится Намибия. В 1904 году племена гереро и нама подняли масштабное восстание, которое немцы подавили с чрезвычайной жестокостью. Они не брали пленных и убивали женщин и детей, в то время как африканские повстанцы придерживались строгих правил относительно того, на кого из врагов следует нападать. Германские вооруженные силы вели войну по правилам *Vernichtungsbefehl*, приказа об уничтожении, отданном в 1904 году генералом Лотаром фон Тро-

та. Это слово несло в себе отголоски библейских битв, и немецкие солдаты это прекрасно понимали. Увидев убитого ребенка, один майор сказал, что им приказано «не щадить ничего живого», все дышащее должно исчезнуть. В итоге погибло 80 процентов от всего народа гереро. И даже после того, как значительная часть повстанцев и их семей была уничтожена, Германия с такой же жестокостью действовала и по отношению к другим противникам. В 1912 году немецкие солдаты и милиция принимали по отношению к бушменам такие меры, которые в прессе и официальных выступлениях называли политикой *Ausrottung*²²⁷.

Колониальный опыт поселил в умах немецких военных и чиновников идею уничтожения рас и стал печальным наследием, переданным следующему поколению. В 1939 году Гитлер офи-

Люди, подобные Гиммлеру,
решительно отвергали христианство
и презирали его доктрины,
 однако нужные им СЛОВА И понятия
 брали из Библии

циально заявил о *Vernichtung* евреев Европы, а лагеря смерти, такие как Освенцим, назывались *Vernichtungslager*. Однако в частных разговорах немецкие лидеры, говоря о мерах против евреев, использовали термин *Ausrottung*. Так, в 1943 году Генрих Гиммлер, обращаясь к вождям эсэсовцев, обсуждал *Ausrottung* еврейского народа. Люди, подобные Гиммлеру, решительно отвергали христианство и презирали его доктрины, однако нужные им слова и понятия брали из Библии²²⁸.

И народ ответил: «Аминь»

В течение нескольких последних десятилетий христианство получило широкое распространение среди народов Африки и Азии, где такая вера есть новое явление и где многие верующие открывают для себя Библию впервые. Обычно, когда в таких молодых церквях люди слышат о злодеяниях Амалека и ханаанеев, они рады видеть в этих людях аллегории — символы злых импульсов, которые надо покорять и преодолевать.

Но некоторые современные христиане толкуют их иначе: они находят в этих отрывках оправдание для актов насилия против людей — против враждебных народов или сообществ. В накаленной политической обстановке нынешней Нигерии пасторы и пророки обращаются к таким библейским повествованиям, которые могут подтолкнуть людей на ужасные поступки. В 1999 году пророк пятидесятников, вокруг которого много споров,

выступил против президента Нигерии, используя слишком знакомые слова. Бог повелел пророку передать людям такое заявление: «[Олусегун] Обасанджо не есть ваш мессия. Он есть царь Агаг, и топор пророка падет на его голову до 29 мая». Правительство отнеслось к этому пророчеству достаточно серьезно, поскольку убийства и нанесение увечий на политической почве встречались в истории Нигерии нередко, так что позднее пророк был арестован²²⁹.

Та же история царя Агага и его амалекийян звучала в контексте ужасающей трагедии 1994 года во время геноцида в Руанде. Народ хуту решил уничтожить своих соперников тутси, так что в итоге погибло примерно восемьсот тысяч представителей второго народа. Многие из самых решительных предводителей убийц черпали вдохновение из христианской традиции — среди них были и духовные лица, — и можно догадаться, к каким библейским текстам они обращались. Призывая свою паству к насильственным действиям, один пастор произнес проповедь на 1 Царств 15.

Он сравнивал тутси с амалекийянами и сказал, что Саул был отвергнут Богом, потому что не истребил всех амалекийян. Затем он сказал: «Если вы не искорените всех тутси, вы будете отвержены. Если вы не хотите, чтобы Бог вас отверг, завершите дело — убейте народ, отвергнутый Богом, не оставляйте в живых ни ребенка, ни женщины, ни старика». И народ ответил: «Аминь»²³⁰.



Акты насилия и геноцид происходят под влиянием множества разных факторов, и в каждом конкретном случае нельзя говорить, что такое-то кровопролитие — не говоря уже о таких событиях мирового масштаба, как холокост, — породили жестокие тексты Библии. Эти тексты остаются в Писании, но для многих читателей их нейтрализуют другие, куда более популярные отрывки, которые учат совершенно иному. Нельзя найти прямых причинно-следственных связей между каким-то текстом и каким-то событием истории. Тем не менее, когда предводители убийц хотели оправдать свое варварство, они обращались именно к рассказам о завоевании, где подобные акты совершались по воле Бога.

6

Амалекитянские кошмары

Противостояние Амалека свету Израиля неизбежная вещь, и здесь нет иного лекарства, кроме уничтожения, которое снимает величайшее препятствие с пути истории евреев.

Раввин Авраам Ицхак Кук



сем известно, как христиане использовали Писание для оправдания насилия, и все знают, что так же поступают и мусульмане. Но мало кто знает о том, что подобное существовало в иудаизме, где некоторые люди использовали Писание для оправдания насилия и войны и иногда для того, чтобы призвать верных взять в руки оружие.

В истории иудеи и христиане, наследники общей библейской традиции, отличались в своем понимании кровавых текстов Писания. Христиане видели в рассказах о покорении Ханаана и победе над амалекитянами оправдание имперским завоеваниям, а иудеи воспринимали Амалека

как самое полное воплощение зла, как вечного врага, с которым следует сражаться всегда. Это дуализм, поскольку за ним стоит представление о сражении сил добра с силами зла. Эта доктрина использовалась в еврейской истории для объяснения погромов и гонений, она придавала космический смысл страданию людей. Обычно Амалек воспринимался (и воспринимается сейчас) как духовный враг, но иногда под битвой с Амалеком понимали насильственные действия в реальном мире, включая акты экстремизма и самосуда. Сегодня такую традицию поддерживают некоторые сообщества, институты и движения.

Конечно, подобные тенденции встречаются лишь у малой части евреев, живущих в Израиле или в других странах, большинство евреев удивилось бы, столкнувшись с такими идеями, и осудило бы их. Тем не менее некоторые еврейские экстремисты культивируют идеологию, которая оправдывает насилие, опираясь на подлинные священные тесты. В современном государстве Израиль подобные тексты — скажем, проклятие в адрес амалекитян или история Финееса — подливают топливо в огонь политических споров, а такие тексты, как Книга Чисел и Книга Иисуса Навина, прямо связаны здесь с повседневной политикой. Для любого человека, даже не для еврея, если сегодня его назовут амалекитянином или союзником Амалека, это будет тяжким оскорблением, которое может иметь самые трагические последствия.

Священная война

Идея войны, священной или простой, обычно предполагает наличие государства, а на протяжении большей части двух последних тысячелетий государства евреев не существовало. Тем не менее иудейские представления о священной войне сохранились и после падения старого царства и переселения в Вавилон. В 160 году до н. э. семья Маккавеев возглавила националистическое восстание против языческих оккупантов — воинов эллинистической империи. Когда Иуда Маккавей взял город Каспин, его воины «произвели бесчисленные убийства», так что близлежащее озеро казалось наполненным кровью; восхищенный доблестью Иуды повествователь сравнивает эту победу со взятием Иерихона во дни Иисуса Навина. Династия Маккавеев (Хасмонеев) была у власти со 140 по 37 год до н. э., и некоторые ее представители действовали как религиозные вожди, так что даже насильственно обращали в иудаизм окрестные народы. Хотя в итоге это царство не устояло перед натиском римлян, это боевое благочестие никуда не делось и в какой-то момент породило великое восстание против Рима в 66 году н. э.²³¹

На протяжении долгих лет оккупации религиозные авторы продолжали мечтать о священной войне, которая закончится изгнанием языческих захватчиков. Среди свитков, найденных в Кумране, есть так называемый Свиток войны, где говорится о жестокой священной войне сынов света

против *киттим*, языческих оккупантов. Эта битва, что не удивительно, напоминает библейские войны УНВН, хотя в несколько осовремененной версии, поскольку нужно было учитывать тогдашние тактики римлян²³². Ощущение того, что народу грозит исчезновение, сделало популярными произведения апокалиптического жанра, где красочно описывалась последняя космическая битва между силами добра и зла. Подобные тексты, которые получили широкое распространение на протяжении двух последующих столетий, свободно использовали библейскую традицию войны по законам *херема*, а это повлияло и на христианскую апокалиптику²³³.

Традиция *херема* продолжала оказывать влияние на реальную политику в тех случаях, когда после массовых восстаний на какое-то краткое время снова возникало еврейское государство. Во время великих восстаний против Рима евреи стремились уничтожить всех язычников, живущих на Святой земле, или изгнать их. В VII веке под действием того же импульса началась масштабная война против христианского населения Палестины, сопровождавшаяся массовыми убийствами²³⁴. Хотя мы не можем утверждать, что за этим событием стояли особые религиозные мотивы, возможно, здесь последний раз в истории вооруженные евреи попытались осуществить на практике правила войны из Второзакония. Позднее *херем* (или запрет) стал в иудаизме религиозной санкцией, запретом, который по своей силе аналогичен отлучению в Католической церкви. Смелый

мыслитель XVII века Барух Спиноза был подвержен бескровному *херему* такого рода.

Идея священной войны оказывала сильное влияние на некоторых евреев в эпоху Второго храма, и отдельные акции самосуда, связанные с именем Финееса, стали встречаться все чаще в то время, когда евреями правили эллинистическая и затем Римская империи. В Книге Сираха (созданной во II веке до н. э.) Финеес — «третий по славе» после Моисея и Аарона. Когда Маттафия, отец Иуды Маккавея, перебил чужеземных царских чиновников и поднял всенародное восстание, Книга Маккавеев сравнивает его с Финеесом. Тот же Финеес был образцом для фанатичных членов антиримского движения зелотов под названием *Канаим*²³⁵.

Долгие годы спустя после разрушения Иерусалима еврейские мыслители прославляли Финееса как пример ревностного служения Божьему делу. В одном Таргуме (перевод с дополнениями к оригинальному тексту) на соответствующий отрывок в главе 25 Книги Чисел Бог дает такое обетование: «Я сделаю Финееса ангелом завета, чтобы он мог жить вечно и возвестить об избавлении при конце дней». Как мессианская фигура Финеес не уступал по своей популярности в народном сознании Илии. Благодаря этой традиции идея о насилии во имя Божье сохранялась: «Если кто-то прольет кровь нечестивого, он этим как бы приносит жертву Богу». В одном талмудическом тексте перечисляются самые тяжкие нарушения священного закона, которые требуют немедлен-

ного жестокого наказания от руки современного Финееса, который там назван *Канаи бен Канаи* — Зелот, сын Зелота, — который должен удовлетворить гнев Божий. Среди таких самых тяжких грехов для иудея назван и такой, как сексуальная связь с сирийской женщиной (язычницей)²³⁶.

Вечный амалекитянин

Позднее, сталкиваясь с жестокими текстами, еврейские мыслители мучительно решали поставленные ими проблемы: здесь Всевышний решительно не походил на справедливого и любящего Бога, в которого они верили. Как я покажу, они пытались смягчить суровость этого текста, чтобы новые зелоты не подражали древним героям, совершавшим акты насилия. Иногда они находили простые и очевидные решения, а в иных случаях были крайне изобретательны. Например: даже если Бог повелел не щадить ханаанеев, говорили они, это никак не может повлиять на жизнь последующих поколений, поскольку ханаанеев уже нет²³⁷.

Но с амалекитянами дело обстояло иначе. Как мы помним, Моисей не просто проклял Амалека, но сослался на два повеления Бога по этому вопросу: сам Бог обещал, что война с Амалеком будет длиться вечно и что он сотрет из памяти имя этого народа. И эта тема не была изолированным странным высказыванием в Писании, но еврейская традиция к ней постоянно возвращалась²³⁸.

Что должен раввин
посоветовать этому юноше?

Должен он **ему сказать:**

«Повинуйся библейской заповеди

и пойдй убей соседа?»

Рабби Норман Ламм, казначей Нью-Йоркского Иешива-Университета, пользующийся большим уважением нынешних ортодоксальных иудеев, показал, какую нравственную головоломку этот вопрос представляет. Вообразите себе, говорит он, что какой-либо молодой еврей приходит к раввину и заявляет, что некое абсолютно надежное генетическое исследование позволяет ему утверждать, что один из его соседей — прямой потомок амалекитян. Что должен раввин посоветовать этому юноше? Должен он ему сказать: «Повинуйся библейской заповеди и пойдй убей соседа?» Чем тогда такой раввин будет отличаться от мулл исламистов, оправдывавших теракты 11 сентября?²³⁹ Рабби Ламм, конечно, не думал, что какой-нибудь нынешний раввин столкнется с подобным мучительным вопросом, хотя бы потому,

что такого генетического доказательства наличия амалекитянской крови не существует. Он просто хотел продемонстрировать на этом примере, что иногда прямые указания закона входят в противоречие с нравственными стандартами иудаизма, которые создавались тысячелетиями. В частности, отрывки об амалекитянах противоречат правилам войны, которые выработали позднейшие иудейские мыслители. Похоже, это банальный пример той ситуации, когда закон противоречит нравственности, и Ламм просто постарался разъяснить его нравственный и интеллектуальный аспекты.

Однако этот автор, несомненно, прав, когда он говорит о существовании сильного течения в иудейской традиции, которое свидетельствует о враждебном отношении к определенной расе и предписывает использовать насилие для борьбы с ней. Об этом говорит не только один отрывок из Книги Исхода, но и традиция толкования Книги Эсфири. В последней книге мы находим историю о злом советнике Амане, замыслившем истребить евреев, и о том, как мудрый Мардохей и добрая царица Эсфирь смогли предотвратить гибель своего народа. Это во многом удивительная книга: она уникальна в Библии тем, что здесь ни разу не звучит слово «Бог», кроме того, в ней также впервые употребляется термин «иудей» (jew). Как бы там ни было, история Эсфири всегда пользовалась популярностью, и ей посвящен важный праздник Пурим. Евреи всего мира знают, что это день радости, когда следует наряжаться и делать глупо-

сти. Даже суровый Талмуд призывает в этот день напиваться вином до такой степени, что ты уже не сможешь отличить «*арур Аман*» («да будет проклят Аман») от «*барух Мардохей*» («да будет благословен Мардохей»)²⁴⁰.

Неискушенный читатель может не обратить внимания на связь между Книгой Эсфири и историей Амалека. В книге Аман назван «агагитянином». Возможно, этот термин указывает на место его рождения, но позднейшая традиция понимала это в том смысле, что он был потомком царя Агага, а значит — амалекитянином. Сегодня во время чтения Книги Эсфири иудеи используют громкие трещотки, чтобы делать шум всякий раз, как звучит имя Амана, тем самым буквально осуществляя повеление об уничтожении имени Амалека. В Мидраше Аман пересказывает всю историю Моисея и Иисуса Навина с точки зрения амалекитян, которая достигает кульминации в момент убийства «моего предка Агага... которого [Самуил] подверг неестественной смерти». В ответ на это древнее убийство Аман, жаждущий мщения, захотел истребить всех евреев; он ведет против Израиля вечную войну, подобную той, которую Бог повелел своему народу вести против Амалека. В субботу накануне Пурима в синагогах ортодоксов читается рассказ о Сауле и Агаре²⁴¹. При таком понимании Книга Эсфири повествует о многовековой расовой войне, которая заканчивается ужасным кровопролитием, хотя сегодня о нем во время празднования Пурима почти не вспоминают²⁴².

Это понимание поддерживали величайшие иудейские мыслители, а не только авторы определенных библейских текстов. Как написано в Мидраше Рабба, когда израильтяне вошли в обетованную землю, им надлежало выполнить три главные заповеди: уничтожить память об Амалек, поставить над собой царя и построить Храм. На первом месте здесь стоит распоряжение об Амалеке²⁴³. Иудейские мудрецы, рассуждавшие об этих заповедях, сделали из них некоторые далеко идущие выводы. Мехилта, толкование на Книгу Исхода, делает ненависть к Амалеку вопросом космического масштаба. Там говорится: «Ни имя, ни престол [Бога] не завершены, пока не уничтожено семя Амалека». В XII веке н. э. Маймонид призывал евреев никогда не забывать о том, как Амалек напал на Израиля в пустыне: «Мы должны говорить об этом всегда и призывать людей воевать с ним и ненавидеть его так, чтобы ненависть к нему не ослабевала и не уменьшалась с течением времени». В схватке с Амалеком следует вести себя по цивилизованным правилам: сначала евреи предлагают Амалеку принять общечеловеческие законы, переданные Ною, и выплатить особую дань еврейскому народу, и тогда врагов можно оставить в живых. Но если они отвергнут это предложение, в будущем (Маймонид думает об этом вполне серьезно) начнется не духовная, а вполне реальная схватка Израиля с Амалеком²⁴⁴.

Другие мудрецы использовали историю Агага, чтобы предупредить евреев: не будьте черес-

чур скрупулезными, исполняя прямые повеления Бога. Позднейшие поколения, говорили они, не должны быть «чрезмерно праведными». Некоторые комментаторы предупреждали, что излишняя нравственная мягкость может со временем породить великие проблемы. Рабби Шимон бен Лакиш говорил: «Кто проявляет милосердие там, где требуется быть жестоким, будет действовать жестоко там, где нужно милосердие»²⁴⁵. Если ты веришь в то, что Бог повелел тебе совершить акт насилия, здесь не место нравственным колебаниям, в подобной чрезвычайной ситуации сострадание было бы кощунственным непослушанием.

На протяжении многих веков еврейские мудрецы следили за тем, чтобы никто не сделал из таких текстов бесчеловечных выводов и не объявил какую-либо этническую группу носительницей вины, которая передается по наследству. Талмудические школяры приводили нескончаемые аргументы о том, что потомков Амалека нельзя терпеть, но им надо дать возможность принять иудаизм. Некоторые с этим не соглашались, другие же находили мощный контраргумент в предании о том, что потомки Амана начали изучать Тору! Каким бы однозначным ни был священный текст, верующие непременно рассматривают его через призму развитых представлений о религии и справедливости. Но, несмотря на существование этой достойной тенденции, мрачная концепция Амалека как смертельного врага часто всплывала на поверхность и окрашивала собой установки людей, занимающихся земными вещами.

Толкование истории об Амалеке

Но если Амалека следует ненавидеть из поколения в поколение, то на каких конкретных людей должна быть направлена эта ненависть? Прошло уже не менее двух тысячелетий с тех дней, когда какое-то особое племя или какой-то народ заклеили этим названием. По меньшей мере со времен Римской империи Амалек был подвижным символом, который указывал на разных смертельных врагов евреев и особенно на те народы, которые реально пытались покорить или истребить евреев. Для еврейских учителей Амалек был зашифрованным указанием на Римскую империю, точно так же, как христиане той эпохи именовали Рим Вавилоном. В 1898 году главный раввин Палестины отказался прийти на встречу с посетившим это место германским кайзером, сославшись на предание о том, что немцы происходят от Амалека — и это было задолго до того, как немцы стали и на самом деле ревностными приверженцами антисемитизма²⁴⁶.

Позднейшие поколения евреев прилагали это имя к гонителям из числа христиан и, разумеется, к германским нацистам. Если они хотят нас уничтожить, говорили еврейские мыслители, значит, это Амалек. Когда суд Израиля приговорил к смертной казни организатора массовых убийств при холокосте Адольфа Эйхмана, он попросил о помиловании президента страны. В 1962 году пре-

зидент Ицхак бен-Цви отклонил это прошение, процитировав в ответе слова Самуила, обращенные к царю Агагу: «Как твой меч делал других женщин бездетными, так и твоя мать пусть будет среди женщин бездетной». Эйхман, подобно другим амалекитянам до него, должен умереть²⁴⁷.

Амалек был и остается чем-то больше, чем просто кодовое слово или оскорбление. Поскольку оно указывает на сверхъестественное зло, по значению оно стало чем-то родственным тому, что христиане называют антихристом. В обоих случаях эти представления хотя бы отчасти опираются на Писание, но к ним обращаются то больше, то меньше, в зависимости от эпохи и места. Для большинства верующих в большинстве стран эти пред-

Амалек был **и остается** чем-то
 больше, чем **просто кодовое**
слово или оскорбление. Поскольку **ОНО**
указывает на сверхъестественное зло,
 по значению оно **стало чем-то**
 родственным **тому, что** христиане
 называют антихристом

ставления были маловажными или ничего не значили, но с наступлением трудного периода или кризиса все вспоминали об Амалеке или антихристе, а эти именования указывали на апокалиптическую последнюю космическую битву. Оба эти образа напоминали верующим о значении страданий в замысле Бога о мире и о том, что в итоге Бог вмешается и оправдает своих людей. Эти мысли давали верным силу сопротивляться угнетателям, если нужно — с оружием в руках. Однако, когда врагу приписывают сверхъестественное зло, это может иметь ужасающие последствия при возникновении реального вооруженного конфликта. Если вы сражаетесь в буквальном смысле с дьяволом, вам не нужно проявлять к нему человечность.

НОВЫЙ Израиль

В современную эпоху большинство евреев не думает об Амалеке — во всяком случае до тех пор, пока гонения остаются далекой от жизни реальностью. Существует также заметная тенденция понимать Амалека в духовном смысле, не как народ, но как злые наклонности, которые будут продолжать существование до мессианской эпохи и времени искупления. В США, например, такого толкования придерживается большинство неортодоксальных иудеев, хотя среди рядовых неискушенных верующих мало кто вообще изучал соответствующие библейские тексты.

Однако тема Амалека снова стала популярной среди части иудеев в XX веке, поскольку еврейский народ пережил серию радикальных изменений, включая катастрофы: холокост, искоренение еврейских общин Восточной Европы и Ближнего Востока, а также бурные события, окружавшие рождение государства Израиль. Первоначально сионизм был секулярным движением, где многочисленные приверженцы социализма сосуществовали — иногда не без напряжения — с более решительными религиозными активистами. Со временем количество и влияние последних возросли, и их представления о сверхъестественном стали мощным фактором, придающим форму политике государства. Впервые после многих столетий религиозные радикалы получили государство, в котором у них была реальная возможность превратить свои представления в государственную политику.

Одним из самых влиятельных деятелей для ортодоксальных иудеев современной эпохи был раввин Авраам Ицхак Кук (1865–1935), ставший первым ашкеназским раввином Палестины, управляемой Великобританией. В отличие от секулярных сионистов, рав Кук смело использовал сверхъестественные понятия для того, чтобы демонизировать реальных или потенциальных врагов. Он сетовал на то, что «глупая» политика не позволила евреям до конца искоренить местных обитателей исторического Ханаана, в силу чего зло ханаанеев заразило еврейский народ. Он считал подобные суровые речи чем-то вполне нормальным:

Почему мы с ними так жестоки? Мы не можем себе представить, каким бы мрачным и низким стал наш мир, если бы не такая наша жестокость, как не можем себе представить, каким бы злым и порочным стал мир, если бы не чистое сияние Господа света и путей, которыми мы освещаем мир через наш исторический прогресс²⁴⁸.

Прочитав эти слова, Симона Вейль, позднее обратившаяся в католицизм, заметила, что, если бы мнение Кука возобладаало в каком-нибудь реальном историческом обществе, это бы означало, что все другие религии при еврейском правлении были бы под запретом. Кук в лучшем случае оправдывал религиозные гонения, а в худшем — геноцид²⁴⁹.

Многочисленные ученики и последователи Кука вскоре стали пользоваться большим влиянием. В 1924 году рав Кук основал в Иерусалиме иешиву, или семинарию, Мерказ ха-Рав, которая вплоть до сегодняшнего дня выпускает самых крайних еврейских активистов. Ее традиции продолжал хранить его сын Цви Иехуда Кук, который учил, что с возвращением евреев в Святую землю наступит мессианская эпоха. Кук и его ученики считали, что нынешние евреи в буквальном смысле живут в последние дни старого миропорядка²⁵⁰.

Радикальные и апокалиптические представления стали популярны среди широкой публики, поскольку среди населения Израиля ортодоксы обрели большой вес. Самое крайнее крыло в ны-

нешнем иудаизме представляют *харедим* — буквально, «те, кто трепещут пред Богом», — которых часто называют ультраортодоксами. Сегодня в Израиле живет, быть может, семьсот тысяч *харедим*, которые составляют восьмую часть от всего еврейского населения страны. Вероятно, полмиллиона *харедим* проживает в США. Поскольку обычно в таких семьях много детей, как в Израиле, так и во всем мире эта группа занимает все большую долю среди всего еврейского населения. Через двадцать лет они, что вполне вероятно, будут составлять 30 процентов от всех евреев Израиля, то есть получат огромное влияние в могущественной (и оснащенной ядерным оружием) стране. К 2050 году *харедим* будут близки к тому, чтобы оказаться большинством²⁵¹.

Земля, которую *предстоит* покорить

Вес религиозных политиков возрос после Шестидневной войны 1967 года, когда израильские войска заняли город Иерусалим и Западный берег реки Иордан. Правление Израиля распространилось на территорию всей бывшей Палестины, и верующие — как иудеи, так и христиане — увидели в этом знак наступления последних времен. Война 1967 года резко усилила влияние христиан евангелического направления на политику США. Многие евреи, особенно из числа ультраортодоксальных, также увидели в этих событиях исполне-

ние библейского пророчества и с новой надеждой стали ждать близкого наступления мессианской эпохи²⁵². С выборов 1977 года в Израиле наступила новая эра правления крайне правых и яростных националистов, которые были союзниками с крайними религиозными партиями. Экстремисты мечтали увидеть новое государство Израиль, основанное на Галахе, еврейском ритуальном законе, подобно тому, как исламисты стремились вводить законы шариата. Пламенным борцом за это был раввин Мордехай Элияху, бывший член экстремистской группы «ревнителеев», который в 1983 году стал главным сефардским раввином Израиля.

В этой горячечной атмосфере религиозные евреи переехали на покоренные земли, чтобы создавать там поселения по заповеди Божьей. Некоторые же из них считали, что Бог дает им и другие земли на территориях, занятых на тот момент Иорданией и Сирией. Движение поселенцев Гуш Эмуним (Союз верных) стало важной силой крайне правых, и его члены в первую очередь опирались на наследие рава Кука. Среди правых также выделялись боевые и милитаристские группы, которые обычно создавались и финансировались США, в том числе последователи раввина Меира Кахане. Сталкиваясь с акциями протеста и сопротивлением арабского населения, поселенцы и их сторонники создали военизированное подполье, которое совершало террористические акты²⁵³. Вооруженные экстремисты стремились не только экспроприировать

земли, принадлежавшие неевреям, но и изгнать последних (план «трансфера») с территории, которой должно владеть чисто еврейское государство. Оправдывая эту политику, ультраортодоксальные евреи использовали две библейские аналогии. Рассуждая о местных жителях, палестинских арабах, они обращались к текстам об изгнании племен древнего Ханаана. Когда же люди, что естественно, противились осуществлению этого плана, они делали образ врага еще более мрачным и вспоминали Амалека²⁵⁴.

Эти меры сильно встревожили умеренных и либеральных израильтян, которые составляют значительное большинство населения. На самом деле израильские СМИ действительно освещают деятельность и критикуют еврейских экстремистов, особенно когда возникает угроза насилия. В последующие годы израильское правительство запретило самые радикальные группировки, призывающие к террору, пропагандирующие расизм или антидемократические ценности²⁵⁵.

Экстремизм подобных групп может удивить западного человека, который видит в Израиле оплот либеральной демократии. При дискуссиях о положении на Ближнем Востоке западные люди часто пользуются израильским источником в Интернете MEMRI (Middle East Media Research Institute), который собирает и тиражирует самые шокирующие и жестокие высказывания мусульманских лидеров и активистов²⁵⁶. MEMRI делает важное дело, предоставляя исламистам самим показать, кто они такие, через собственные слова. Однако здесь не

хватает еще одного раздела — подобной подборки высказываний израильских или еврейских активистов, которые во многом напоминают возмущительные заявления мусульман. У исламистских агитаторов трудно найти такие мнения, которые не имели бы ярких аналогий в высказываниях еврейских экстремистов.

Арабы как амалекитяне

С первых дней жизни нового государства израильские лидеры называли враждебно настроенных арабов Амалеком, хотя вначале они не применяли на практике соответствующие богословские концепции. В 1956 году даже Давид Бен-Гурион, стремившийся строить светское государство, в ответ на угрозы египетского лидера Гамалы Абделя Насера заявил, что «войска Амалека с севера, востока и юга, собравшиеся теперь около наших границ, не смогут нас себе покорить». Бен-Гурион вспомнил об Иисусе Навине как об основоположнике воинской традиции Израиля, предполагая, что Израиль снова ждет славные битвы. Когда в 1960-х Израиль вооружился баллистическими ракетами, их называли «Иерихон», что пробуждало воспоминания о победе Иисуса Навина; сегодня страна располагает ракетами «Иерихон-3», которые составляют основу ее ядерного оружия²⁵⁷.

Еще чаще подобные древние аналогии использовали крайние националисты, такие как Менахем

Бегин, видевшие в истории евреев непрерывную борьбу с силами Амалека. Как понимал Бегин, арабы унаследовали право носить это ненавистное имя от нацистов. В то же время влиятельные раввины разработали богословские представления, которые поддерживали подобную риторику. В процессе подготовки к войне 1967 года эту теорию развивал Иосеф бер Соловейчик, отпрыск почтенной династии раввинов. Обсуждая перспективу новой войны против арабских государств, Соловейчик заявил: «Когда народ водружает на свои знамена девиз: «Пойдем и уничтожим этот народ, чтобы имя Израиля не вспоминалось более», — он тем самым делает себя Амалеком». В то же время члены Гуш Эмуним говорили о том, что «в каждом поколении существует Амалек»²⁵⁸.

Эти мысли привычно повторяли члены движения поселенцев после 1967 года. Экстремисты называли арабов ханаанеями и амалекитянами, которые могут жить в государстве Израиль только как покорные данники или подчиненные народы. Это походит на особый статус *дхиммис*, защищенных народов, который, как считают радикальные исламисты, должны иметь все немусульмане, проживающие в мусульманских странах. Один из лидеров движения еврейских поселенцев сделал такое заявление: «Палестинцы — это Амалек. Мы их уничтожим. Мы не хотим всех их убивать. Но мы лишим их способности думать о себе как о народе». Когда в 2004 году умер лидер палестинцев Ясир Арафат, федерация крайне правых еврейских

религиозных лидеров отпраздновала смерть «Амалека и Гитлера наших времен»²⁵⁹.

Эти библейские аналогии используют отнюдь не только безумцы и маргиналы. Так, например, консервативный раввин Джек Реймер, — это весьма уважаемый в США деятель, отнюдь не из крайних, который в 1990-х много общался с Биллом Клинтоном, о чем трубили СМИ. Тем не менее в 2006 году он обратился к образу Амалека, чтобы с его помощью объяснить насущный расклад политических сил. Хотя Джек Реймер не делал своей мишенью всех мусульман или арабов в целом, он сказал следующее:

Исламский фундаментализм, или, как некоторые предпочитают его называть, «исламофашизм» — это самая опасная сила из всех, с которыми нам приходилось сталкиваться, и мы вправе назвать ее Амалеком. Мы должны понять, кто есть Амалек для нашего поколения, и приготовиться сражаться с ним любыми доступными нам способами. И да поможет нам Бог выполнить эту задачу²⁶⁰.

Когда кому-то дают оскорбительные клички, это имеет последствия. Некоторые активисты пошли дальше Реймера и стали называть амелекитянами всех палестинцев в целом, а из этого по логике вещей следовало, что с такими врагами следует сражаться и их нужно устранять. Подобная риторика стала совершенно привычной в Израиле среди крайне правых, хотя одни активисты при этом говорят о массовых убийствах, а

другие — о поголовной высылке. В 1980 году в студенческом журнале Университета Бар-Илана была опубликована взрывоопасная статья одного раввина под заголовком «Геноцид: заповедь Торы». Автор статьи предсказывал, что «недалек тот день, когда все мы будем призваны участвовать в этой священной войне во исполнение заповеди об истреблении Амалека» — под которым он понимал палестинцев. Другой раввин, выступавший с поддержкой подпольных группировок поселенцев, привел ту же аналогию, а затем обратился к отрывку из главы 33 Книги Чисел, в котором Бог повелевает изгнать «всех обитателей этой земли»²⁶¹.

Хотя здесь мы обсуждаем только идеологический и религиозный аспекты вопроса, есть и еще одна крайне противоречивая тема: не являются ли палестинцы ханаанеями в научном или этническом смысле? (Насколько мне известно, ни один народ не заявляет, что в его жилах течет кровь амалекитян.) С генетической точки зрения многие арабы, живущие в Палестине, обитали здесь с доисторических времен, и потому мы вправе предположить, что в их жилах течет кровь ханаанеев, занимавших эти земли до прихода Иисуса Навина, а также кровь древних евреев. Некоторые палестинцы сами настаивают на происхождении от ханаанеев, поскольку это оправдывает их претензии на территорию, которой их предки в глубокой древности владели раньше евреев. Другие же арабские мыслители считают, что на такое родство ссылаться опасно, потому что оно

неизбежно вызовет столкновение с идеей евреев о расовой борьбе за Святую землю много веков назад. Что бы мы ни думали об этническом происхождении палестинцев, сионизм повлек за собой одно парадоксальное последствие: арабы начали причислять себя к ханаанеям, вспомнив о народах, которые сошли с исторической сцены тысячелетия назад²⁶².

Священное насилие

Активисты в Израиле упоминают Амалека на порядок чаще в периоды кризисов и вооруженных конфликтов. Так об этом библейском персонаже все заговорили в 2000 году во время второй интифады, восстания палестинцев. В 2001 году профессор права Еврейского университета Элиав Шохетман опубликовал вызвавшую споры статью под названием «Чему сегодня учит нас один древний мидраш?». Профессор обсуждает повествование о том, как Саул ставит под сомнение приказ Бога об искоренении народа и слышит в ответ упрек: «Не будь чересчур праведным». Шохетман призывает сегодняшний Израиль отказать от проявлений сострадания, поскольку в долгосрочной перспективе они приведут к разрушительным последствиям: «Надлежит соблюдать заповедь об уничтожении Амалека, даже когда чувства говорят, что это жестоко». Хотя Шохетман отвергал расовые кампании против арабов как таковых, он призывал к «войне про-

тив Амалека» с организациями, которые враждебны Израилю²⁶³.

Подобные призывы к беспощадности снова стали слышнее в 2008 году после теракта, когда один палестинец убил несколько юных учащихся основанной Куком иешивы Мерказ ха-Рав. Вскоре после этого некоторые религиозные вожди стали проповедовать откровенный расизм. Раввин крайних взглядов Мордехай Элияху заявил: «Жизнь одного юноши из иешивы дороже, чем жизни тысячи арабов». Моис Навон, выпускник иешивы Мерказ ха-Рав, говорил, что учащиеся были «безжалостно расстреляны неистовым зверем по имени Амалек». Израэль Розен, пользующийся большим уважением среди ортодоксов, писал, что простым смертным не удастся «убежать от этой божественной заповеди [сражаться с Амалеком], даже если мы прячемся под крылом «семьи народов» и даже если эта заповедь трудна для исполнения и мы отчаиваемся». В таком сражении есть только один настоящий грех — излишек сострадания:

Тот, кто убивает юношей, склонившихся над Торой, кто запускает ракеты «Кассам», не заботясь тем, кого они поразят: мужчин, женщин, старых или молодых, детей или младенцев, — кто радуется разрушению Израиля и танцует на крови, тот есть Амалек нашего поколения... Только наша вражда, преодолевая все гуманные чувства, которые ей противятся, позволит нам добиться победы²⁶⁴.

Когда в 2009 году израильские войска вступили на палестинскую территорию в секторе Газа, бойцов сопровождали раввины с памфлетами и пропагандистскими брошюрками, где эта война объяснялась религиозными и расовыми понятиями и где использовался библейский язык завоевания и покорения. Раввин Элияху, оправдывая действия, которые могут повлечь гибель арабского мирного населения, ссылаясь на безжалостные стихи Псалма 17: «Я настигну моих врагов, не вернусь, пока не истреблю их. Разобью их — им больше не встать, у меня под ногами будут»²⁶⁵.

Такая экстремистская субкультура порождает теракты по религиозным мотивам, совершаемые отдельными людьми или малыми группами. Ученый Эллиотт Хоровиц исследовал ряд актов насилия, совершенных евреями на религиозной почве против арабов и мусульман, а также против христиан, независимо от их этнических корней. Подобные вещи обычно происходят на праздник Пурим или около него. Это не только воспоминание о победе над амалекитянами Амана, но и время, когда можно избавиться от всяких запретов и ограничений. Некоторые ультраортодоксы, особенно учащиеся экстремистских иешив, в эти дни наносят оскорбления христианским клирикам на улицах, плюют на священников или на кресты, которые те носят, говоря, что это «мерзость»²⁶⁶.

Один из самых ужасающих случаев этнического насилия произошел на праздник Пурим, 14 ада-

ра, в 1994 году, когда родившийся в США доктор Барух Гольдштейн вошел в мечеть в Хевроне и открыл огонь по молящимся мусульманам из автомата, в результате чего погибло двадцать девять арабов. Этот случай долго продолжал оказывать влияние на дела в этом регионе. Среди прочего он привел к тому, что палестинцы с большим энтузиазмом начали поддерживать наиболее радикальных активистов движения «Хамас», и вдохновил некоторых организаторов на кампанию взрывов, осуществленных террористами-смертниками. Хотя израильские власти решительно осудили его поступок, Гольдштейн стал героем для еврейских экстремистов, которые воздвигли неподалеку от его могилы табличку в память о «святом Барухе Гольдштейне»²⁶⁷.

Евреи как амалекитяне

Еврейские экстремисты видят врагов не только в арабах и мусульманах. Как отметил рабби Ламм, пытаясь продемонстрировать нравственные и интеллектуальные опасности доктрины Амалека, эта концепция крайне растяжимая. Ламм намеренно доводит аргументацию до «странного и абсурдного вывода». Во-первых, евреям было заповедано уничтожить реальный народ Амалека, но затем они должны поражать все те народы, которые ведут себя подобно Амалеку, — то есть любой народ под солнцем, который когда-либо проявил склонность к антисемитизму. Но и после этой победы,

когда опустеет половина земного шара, истинные ревнители только начнут наконец выполнять свою главную задачу: борьбу с неверующими евреями. Затем наступит черед тех религиозных евреев, чья вера выходит за узкие рамки ортодоксии. Если речь здесь идет не о физическом насилии, но об осуждении, то это верное описание того, как некоторые экстремисты расширенно толкуют библейские заповеди²⁶⁸.

С усилением влияния ультраортодоксов в обществе они стали все суровее обличать умеренных (которых остается большинство) или нерелигиозных евреев, которые, по их мнению, не следуют тем теократическим стандартам, которым должен следовать новый Израиль. Особенно щекотливыми вопросами здесь были нарушение субботы и такое обращение в иудаизм, которое не соответствовало строгим требованиям ортодоксии. Кроме того, любые разговоры о передаче власти кому-либо еще над какой-либо ничтожной частью Палестины воспринимается как непростительная измена. Хотя в основном споры о таких вещах проходят мирно (хотя и шумно), можно опасаться того, что они могут породить реальные столкновения между евреями. Самым крайним примером такого рода развития событий на сегодняшний день было убийство премьер-министра Израиля Ицхака Рабина ультраортодоксом в 1995 году. Убийца не мог простить премьеру того, что он вел переговоры о мире с арабскими государствами. Когда в 2005 году Израиль рассматривал вопрос о ликвидации части своих поселений, Мордехай

Элияху выступил с предостережением, сказав: «Любой премьер-министр в Израиле, который осмелится причинить вред Земле Израиля либо отделить какие-либо ее части, будет отделен от этого мира»²⁶⁹.

Оправдывая свои действия, экстремисты обычно ссылаются на Библию. *Харедим* участвуют в актах запугивания, иногда со стороны агрессивной толпы, против нерелигиозных евреев, они бросают камни в машины, которые ездят по субботам, и избивают их водителей. Эти радикалы ссылаются на пример Финееса, который также, увидев кощунственные действия, несущие угрозу всему народу, здесь же ответил на это действием. Такие ссылки на пример Финееса повторяют рассуждения рава Кука. Один из его современных

« ... п р о я в л е н и я ревности

ПОЗВОЛИТЕЛЬНЫ ЛИШЬ

тогда, когда **ИСПОЛНЯЮТСЯ**

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО РАДИ

Небес». Эта оговорка развязывает руки

современным активистам, которые

могут утверждать, что в любом данном

случае они защищают Бога

поклонников сказал: «Рав Кук объяснял, что Тора обычно не одобряет подобные проявления ревности. Они позволительны лишь тогда, когда исполняются исключительно ради Небес». Разумеется, эта оговорка развязывает руки современным активистам, которые могут утверждать, что в любом данном случае они защищают Бога²⁷⁰.

На пример Финееса снова начали ссылаться все чаще в 1996 году, когда главный сефардский раввин Израиля обвинил реформистских иудеев в том, что они отклонились от ортодоксии. Он вспоминал о Зимрии, жертве праведного гнева Финееса: «Зимрий был первым реформистским иудеем, который считал, что народ Израиля может поглощать неевреев путем их обращения». Хотя главный раввин уверял, что он не сторонник насилия, действие Финееса получило его полное одобрение: «В результате поступка Зимрия поветрие напало на весь Израиль. Как написано, Финеес понял, что остановить бедствие поможет лишь сильнодействующее средство»²⁷¹.

Как мы видим, евреи тоже могли стать амалекитянами или мидьянитянами. По меньшей мере уже в начале XX века некоторые ортодоксальные раввины называли амалекитянами нерелигиозных евреев, а современные *харедим* продолжают эту практику. Когда израильское правительство заявило, что намерено призывать студентов иешивы на службу в армию, газеты *харедим* стали называть режим Амалеком. Когда израильские активисты попытались организовать гей-парад, *харедим* призвали верных к войне против

Амалека, которая на практике приняла форму вандализма и уличных стычек²⁷². В 2004 году, когда американский журналист Джефффри Голдберг посещал радикально настроенных поселенцев, он услышал, что Амалеком называли даже тогдашнего премьер-министра Ариэля Шарона, которого многие воспринимали как убежденного сиониста. Одна женщина из числа поселенцев объяснила это так: «Дух Амалека есть везде. Дело не только в арабах... Шарон не Амалек, но он работает на Амалека... Шарон утрачивает свое право на жизнь»²⁷³.

Как и упоминание Финееса, сравнения с Амалеком могут нести в себе смертельную угрозу. В 2000 году возник типичный спор между *хасидим* и правительством, причем мишенью для гнева ультраортодоксов сделался министр образования Йосси Сарид. Его гневными словами критиковал раввин Овадья Йосеф, один из самых почтенных религиозных деятелей Израиля и духовный советник могущественной крайне правой религиозной партии ШАС, другими словами, вовсе не какой-то маргинальный чудак. В своей речи незадолго до Пурима он сравнил Сариду с сатаной и спросил:

Доколе мы должны терпеть нечестивца? Бог искоренит его, как он искоренил Амалека. Будь проклят, Аман; будь проклят, Йосси Сарид. Будет он отторгнут от семени Израилева. Как отмщение пало на Амана, так падет оно и на этого человека.

Секулярные израильтяне вместе с иудейскими лидерами неортодоксальных направлений осудили это выступление как подстрекательское²⁷⁴.

Не забывай об Амалеке

Из-за того, что экстремисты постоянно используют библейские образы зла, израильскому правительству крайне трудно мирным путем искать компромиссное решение о передаче автономии какой-либо части Палестины. Крайне правые видят в подобных уступках не просто попытку договориться с Амалеком, но активное сотрудничество с ним. Не менее опасно стремление ультраортодоксов стереть следы пребывания этого врага на земле евреев, включая мусульманские святыне места на территории (как ее называют евреи) Храмовой горы в Иерусалиме. Еврейские экстремисты не раз строили планы разрушения этих окруженных почитанием мест, включая Купол Скалы и мечеть Аль-Акса. Если бы такие замыслы осуществились, это вызвало бы недовольство Израилем во многих странах, волну возмущения, которая могла бы вывести из равновесия умеренные мусульманские государства и сделать их более радикальными. В результате возникла бы такая ситуация, которую лучше всего было бы описывать языком пророчеств о конце времен. Говоря об Иране, Биньямин Нетаньяху справедливо заметил, что «религия, проникнутая мессианизмом и

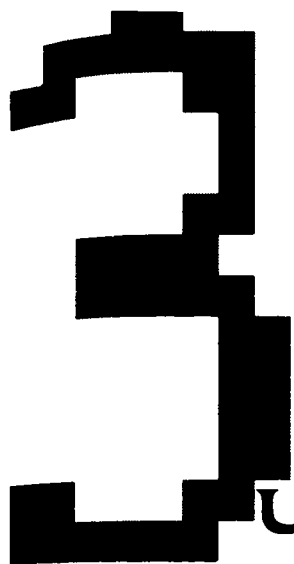
апокалиптикой», никогда не должна располагать ядерным оружием, однако это выражение можно отнести и к некоторым еврейским экстремистам из крайне правых²⁷⁵.

Представление об Амалеке, которое включает в себя и картину апокалиптической битвы, может, таким образом, привести к глобальным конфликтам с самыми серьезными последствиями. Поскольку государство Израиль по военной мощи абсолютно превосходит все другие государства Ближнего Востока, как евреи, так и их враги понимают, что это положение может изменить лишь оружие массового поражения, а это порождает в уме картину апокалиптической битвы. Как только страна решила, что определенный ее противник действует, не опираясь на разум или выгоды, но как агент космического зла, для мирного исхода конфликта остается намного меньше шансов, при этом неважно, назовут ли такое зло Амалеком или антихристом. Если, скажем, Израиль начнет видеть в Иране Амалека, тогда этот противник станет символом всего человеческого зла, а это значит, что его следует победить в схватке, какую бы цену ни пришлось здесь платить.



Для евреев — точно так же, как и для христиан и мусульман, — важен не сам факт наличия кровожадных священных текстов, но то, как они используются по мере развития традиции данной

религии. Тексты, которые вдохновляют кого-то на акты насилия, могут быть хорошо знакомы другим читателям, которые понимают их совершенно по-другому. Тот факт, что малочисленная группа активистов находит жестокость и насилие в священных текстах иудаизма или какой-либо еще веры, не дает нам, однако, права делать решительные выводы об этой религии или об ее священных текстах.



Что делать
с жестокими
библейскими текстами
нам

Чем сильнее мы почитаем Писание, тем решительнее осуждаем то, что учит нас осуждать сама истина Писания.

Блаженный Августин

На протяжении двух тысяч лет страшные повеления убивать, которые Бог неоднократно давал людям во времена Моисея и Иисуса Навина, так сильно смущали верующих, что некоторые из них даже отказались верить в авторитет Писания. Подобные реакции были крайне сильными и встречались повсеместно, так что нам хочется задать очевидный вопрос: почему не все верующие так себя чувствуют? Или, с другой стороны, почему существует множество верующих, чей покой эти тексты ничуть не нарушают? Как они справились с этими мучительными нравственными и богословскими вопросами?

7

Суд над Богом

Среди всех самых отъявленных негодяев, которые когда-либо в истории порочили имя человека, трудно найти кого-то ужаснее Моисея, если, конечно, рассказанное о нем не выдумка. Он отдает приказание за приказанием: перережьте мальчиков, перебейте матерей, лишите чести девушек!

Томас Пейн



По меньшей мере со времен Просвещения ужасы покорения Ханаана израильтянами стали использоваться как важнейшее доказательство вины иудео-христианского Бога, который теперь предстал перед судом. А. А. Милн, которого мы лучше знаем как автора «Винни-Пуха», однажды высказал следующее не лишённое богословской мудрости мнение:

Ветхий Завет в большей мере способствовал появлению атеизма, агностицизма, неверия — назовите это как хотите, — чем любая другая книга любой эпохи; он опустошил больше церквей, чем какие-либо другие соблазны вроде кинофильмов, мотоциклов и площадок для игры в гольф²⁷⁶.

Не так давно авторы из числа так называемых новых атеистов насмешливо описывали абсурдный (как им казалось) аспект религии. Говоря о Ветхом Завете, Ричард Докинз, Кристофер Хитченс и Сэм Харрис единогласно утверждали: это вовсе не источник вдохновения и не образец поведения, но тексты, порождающие ужас и замешательство. Как, спрашивают они, человек со здравым умом может примирить все эти жестокости с верой в справедливого или любящего Бога?

Это отнюдь не новый вопрос. Хотя нынешние секуляристы говорят, что лишь недавно просвещенные люди, пользуясь орудиями исторической критики, стали замечать, что Библия ставит перед человеком нравственные проблемы, — это представление неверно. На протяжении двух тысячелетий читатели Библии не раз испытывали такое возмущение, что отвергали непонятные повеления Бога и порой при этом выходили за рамки ортодоксальной веры. На вопрос о том, как можно примирить столь разные образы Бога, которые мы находим в разных частях Библии, многие верующие в истории отвечали: быть может, никак.

Иудейский философ Мартин Бубер вспоминал, как он встретился с одним благочестивым евреем и признался ему в том, что не может принять историю Саула и Агага. «Ничто на свете, — писал Бубер, — не заставит меня поверить в Бога, который наказал Саула за то, что тот не убил его врага». Философ с удивлением обнаружил, что его куда более традиционный собеседник не только не осудил его за скептицизм, но и разделяет эти

сомнения. «В итоге, — продолжал Бубер, — нет ровным счетом ничего удивительного в том, что этот благочестивый иудей, когда ему приходится выбирать между Богом и Библией, выбирает Бога: того Бога, в которого он верит, того, в которого он может верить»²⁷⁷. Как среди иудеев, так и среди христиан подобное стремление предпочесть священному тексту определенную концепцию Бога долгое время было той могущественной силой, которая искала альтернативные формы веры и в итоге повлияла на понимание религии большинством верующих.

Перед верующими любой эпохи, которые отвергали Бога Моисея и Иисуса Навина, лежало несколько открытых возможностей. Можно было отказаться ото всей Библии целиком и вместе с ней от любой религии, которая видит свои корни в подобных кровавых историях. Но в рамках христианской традиции некоторые сомневающиеся находили более утонченный подход: они отделяли отталкивающие и жуткие тексты Ветхого Завета от более приемлемых его книг. Таким образом — и это предвосхищало нынешние споры вокруг Корана, — по крайней мере, некоторые христиане хотели вырвать из своих священных книг кровавые страницы и воссоздать религию на основе того, что от них осталось.

Радикалы даже утверждали, что поскольку разные библейские тексты так сильно противоречат друг другу, они относятся к двум разным писаниям, каждое из которых возвещает своего Бога. Жестокости в Библии обожают атеисты, секуля-

ристы и противники религии западного человека, но они также питали представления гностиков, дуалистов и других влиятельных направлений, которые стремились остаться в рамках христианства. Кроме того, попытка примирить разные тексты подтолкнула некоторых к поиску иных решений, кроме создания еретических движений. Веками христиане, которые не желали изобретать новых богов, сталкиваясь с темными отрывками, задумывались о рамках авторитета Библии и о том, в чем здесь божественное откровение. Эти тексты вынуждали богословов отвечать на сложные вопросы своего времени, а потому были катализаторами глубоких изменений христианства.

Дарт Вейдер

Многие люди, которые отвергли Бога Иисуса Навина, продолжали называть себя христианами и пытались оставаться учениками Иисуса, и этот их подвиг удивлял как неверующих, так и ортодоксальных христиан. Но в истории такая позиция была достаточно широко распространена, так что мы здесь вправе говорить об альтернативной форме христианства. Эти нетипичные верующие считали, что Бог есть Доброта и Свет, но этого никак нельзя сказать о том божестве, которое истребляло народы Ханаана и Мадииана²⁷⁸.

Этих альтернативных христиан называли по-разному, и мы можем потеряться в перечне ересей, движений и доктрин, которые встречаются

в книгах по истории церкви, — во всех разновидностях гностиков, каинитов, сифитов, дуалистов и прочих. По мере развития мейнстримной христианской церкви приверженцы ортодоксии, которая только что получила свое определение, видели в этих других верующих своих опаснейших конкурентов. В последние годы гностики начали привлекать немало внимания, и появилось много теорий, объясняющих их популярность, однако сила этих альтернативных видов христианства во многом лежала в их стремлении справиться с ужасающими противоречиями в Библии²⁷⁹.

Многие христиане первых веков, открыв для себя Новый Завет, приходили к убеждению, что он радикальным образом отличается от значительной части Ветхого Завета. Достаточно рано в истории движения Иисуса появились люди, которые решительно отделяли благого Бога Нового Завета, явленного во Христе, от низшего капризного божества Ветхого Завета, называвшего себя YHWH. Разные секты давали этому старому Богу разные имена: одни называли его Иалдаваофом, другие Демииургом (Мастером, Ремесленником). Конечно, в древности его никто не называл Дартом Бейдером, но этот образ из «Звездных войн» хорошо раскрывает его характер²⁸⁰.

Гностические секты создали сложные мифологические системы, чтобы объяснить происхождение этих разных богов. Подчеркивалось значение иллюзии или обмана, благодаря которым низшее божество перехитрило человечество, выдав себя за самого настоящего Единого Истинного Бога, так

что его стали почитать таковым многие народы. Гностики — буквально: «знающие» — освободились от этого заблуждения. Обычно такая точка зрения была связана с глубоко пессимистичным отношением к материальному миру, который был творением низшего Бога.

Как считали гностики, Христос открыл мир Духа, он пришел освободить своих последователей от уз материального творения и его Бога. Представление о конфликте между богами Ветхого Завета и Нового Завета автоматически влекло за собой полное отвержение иудаизма и иудейского закона. Во II веке сирийский гностик Сатурнин учил: «Бог евреев был одним из ангелов... Христос пришел низложить Бога евреев и спасти тех, кто верит в него, то есть тех, кто обладает искрой его жизни». Гностики особенно подчеркивали, что

Г н о с т и к и видели в Ветхом

Завете раковую опухоль, которую

лечить можно только удалением

учение Иисуса обладало радикальной новизной, а одновременно очерняли старый закон иудеев²⁸¹.

Подобные критики видели в Ветхом Завете раковую опухоль, которую лечить можно только удалением. Как это честно признают сами его последователи, старый Бог был убийцей: он умертвил египтян в Чермном море, повелел истреблять всех ханаанеев и другие народы. Некоторые группы настолько решительно отвергли это божество, что стали прославлять библейских героев, которые против него бунтовали, включая Каина. Они видели в Иисусе одного из таких бунтовщиков, восставших против старого Бога, господина *этого* мира. Как утверждал около 130 года сирийский учитель Кердон, Христос пришел «упразднить власть и гнет Демиурга, создавшего этот мир»²⁸². Пятикнижие Моисея и Книга Иисуса Навина жестоки и ужасны, их Бог во всем, кроме своего имени, больше похож на дьявола.

Две Библии и два бога

Среди первых сторонников теории двух богов самым известным был Маркион, уроженец Понта (север современной Турции). Даже самые злые его критики признают, что Маркион занимал важное положение среди христиан: около 140 года он чуть не стал епископом Рима²⁸³.

Его взгляды действительно были весьма радикальными. Маркион считал, что Бог Ветхого Завета — это «автор всех зол», который «ра-

дуются войне, сознательно непоследователен и даже сам себе противоречит». Маркион указал на логические противоречия и неправдоподобные события в Ветхом Завете, прилагая рациональный анализ к текстам, которые он находил абсурдными. Сначала Бог запрещает поклонение идолам и изображения, а затем он велит Моисею сделать медную фигуру змеи ради безопасности израильтян в пустыне — и тому подобные вещи²⁸⁴.

Преимущественно же Маркион в своей критике подчеркивал нравственную сторону вопроса; он показывал, что Бог ведет себя подобно капризному тирану. Маркиона возмущали те библейские отрывки, в которых Бог ожесточал сердца своих жертв, так что они совершали злодеяния, за которые он мог потом их наказать. Маркион явно стоял на стороне тех героев Ветхого Завета, которых повествования описывало как злодеев, ставших жертвами. По его словам, смерть Христа принесла спасение «Каину и тем, кто ему подобен, жителям Содомы и египтянам, тогда как ветхозаветные праведники не получили спасения: ни Авель, ни Ной, ни кто-либо из патриархов или пророков, поскольку они слепо следовали за худшим Богом»²⁸⁵.

Будучи не в состоянии примирить Ветхий Завет с Новым Заветом, Маркион вспомнил про два речения, приписываемых Иисусу: «Не может доброе дерево приносить злой плод» и «И никто не приставляет заплат из новой ткани к старой одежде». Этими словами, думал Маркион, Христос

сказал, что его благую весть невозможно примирить с Ветхим Заветом. Христианство должно освободиться от этого порочного текста, претендующего называться Писанием, чтобы стать чистым новым творением. Чтобы заложить основание для такого нового религиозного порядка, Маркион приготовил новую Библию — из нее были исключены весь Ветхий Завет и большая часть того, что мы называем Новым Заветом.

Маркион пользовался большим влиянием, и его деятельность вызвала немедленную реакцию. В частности, вероятнее всего, именно его версия Нового Завета заставила церковь точно определить, какие книги входят в канон. Кроме того, количество трактатов с критикой Маркиона и его школы, созданных в разных частях христианского мира, указывает на то, что его последователи жили в разных странах и его влияние было широким.

Секты гностиков и маркионитов столетиями сохранялись на Ближнем Востоке, а затем оставшиеся из них с легкостью отождествили себя с манихеями. В III веке жил пророк Мани, радикальный дуалист, учивший о том, что между Светом и Тьмой нет ничего общего. Он считал Христа предводителем сил света, которые вели постоянную борьбу с тьмой и материей. Мани вслед за Маркионом критически относился к Ветхому Завету, причем оба они ссылались на один и тот же ряд библейских отрывков. Подобно Маркиону, Мани смеялся над идеей о гармоничном единстве Библии:

Благой Бог Закона! Он нанес ущерб египтянам, изгнал амореев, гиргашеев и другие народы, а их землю отдал детям Израиля. Если Он заповедал «Не пожелай чужого добра», то почему Он дал им землю других народов?²⁸⁶

После самого Мани самым знаменитым манихеем был Фавст из Северной Африки, который нападал на мейнстрим христианства, в ответ на что Августину пришлось писать труд *Contra Faustum*²⁸⁷.

На протяжении тысячелетия с лишним манихейство держало статус самостоятельной мировой религии. В Средние века секты и церкви гностиков и дуалистов существовали по всей Евразии, в буквальном смысле слова от Франции до Китая, и там звучала проповедь об Иисусе, который пришел освободить мир от власти кровожадного Бога Творца Пятикнижия²⁸⁸.

Если говорить о влиянии представлений Маркиона, Мани и Фавста на позднейшие поколения христиан, то мы увидим неоднозначную картину. Сегодня мы встретим немного откровенных последователей Маркиона. Некоторые другие типы альтернативного христианства сегодня привлекают внимание мыслителей, которые стремятся найти новое и более глубокое понимание иудео-христианства. Но маркионизм не был возрожден. Маркион отвергал материальный мир, а это отпугивает современных людей, которые хотят найти учение, утверждающее сексуальность, а не проклинаящее ее. Проклятия Маркиона в адрес Бога

евреев чреватых антисемитизмом и разжиганием расовой ненависти²⁸⁹.

Однако Маркион продолжает оказывать влияние на умы миллионов верующих, которые никогда даже не слышали его имени²⁹⁰. Когда рядовые христиане представляют себе Бога Ветхого Завета как свирепого и мстительного Судию, который громит амалекитян и издает постановления о том, чего нельзя делать, тогда как в Новом Завете мы видим добродушного Отца Иисуса, произносящего Нагорную проповедь, — это настоящий маркионизм. Такой взгляд позволяет решить проблему жестоких библейских отрывков, сказав, что это просто часть еврейского Ветхого Завета, отражающая мрачное и кровавое прошлое, о котором теперь, когда у нас есть свет христианства, можно забыть. Маркионизм обладает мощью, а искушение противопоставить Ветхий Завет Новому Завету и отделить один от другого так велико, что каждое новое поколение христиан снова должно сражаться с призраком Маркиона.

Торжество разума

Одни люди отвергли Бога Ветхого Завета, а другие задались вопросом, почему его деяния, описанные в Библии, иногда нас смущают или вызывают наше отвращение. Сам тот факт, что на протяжении христианской истории многие верующие испытывали мучения, читая иные ветхозаветные отрывки, имеет большое богословское

значение. Что дает нам, смертным, право судить о поступках Бога, источника всякой справедливости и истины? На что опираются наши нравственные суждения? Если Библия действительно передает слова Творца и Судии всех, ни одно из творений не может относиться к ним как-либо еще, кроме как со смиренной благодарностью и почтением, и тогда сам тот факт, что человека возмущают библейские истории, указывает на тяжелый интеллектуальный грех. Горшки не критикуют горшечника. Тем не менее многие люди, которые стремились следовать за Иисусом, возмущались этими библейскими текстами, как будто они опирались на какое-то более важное откровение, чем эти слова.

Как мы уже видели, идея о том, что владычество Бога следует принимать без лишних вопросов, стала важной основой всего здания мысли Реформации. В конце XVII века, когда католики и протестанты устали от десятилетий религиозных войн и фанатизма, интеллектуальный климат для обсуждения этих вопросов изменился. Отношение к жестокости описанных в Библии событий не изменилось — и Августин, и Кальвин понимали, что эти вещи вызывают отвращение у их современников, — скорее появилось ощущение того, что человечество вправе судить о словах и деяниях, приписываемых Богу. Христиане ссылались на нравственные законы, которые позволяли им критиковать Библию: они судили Писание неким высшим стандартом. Это стало основанием для

развития всех нынешних форм либерального или прогрессивного христианства²⁹¹.

Представление о существовании подобных универсальных стандартов опиралось на новую концепцию «естественного закона», возрождавшую античные представления о том, что ключевые принципы справедливости сохраняют ценность во все времена и в любых местах. Теория естественного закона вернулась к жизни в XVII веке, отчасти благодаря трудам голландского энциклопедиста Гуго Гроция. Основоположник современного международного права, Гроций первым сформулировал некоторые идеи, ставшие основой для современных представлений о войне и мире. Он утверждал, что такие универсальные принципы оставались бы справедливыми, даже если бы Бога не было или если бы он существовал, но не вмешивался в человеческие дела. Естественный закон, говорил Гроций, обладает такой силой, что «даже воля всемогущего существа не может его изменить или аннулировать»²⁹².

Представление об универсальном законе достаточно революционно даже для наших времен. Оно стоит за любой попыткой применять принципы прав человека независимо от границ отдельных государств, так что можно, например, требовать суда над генералами или главами государств за преступления против человечности, даже если эти деятели не нарушали официальные законы своих стран. Кроме того, в эпоху Просвещения представления о естественном законе изменили отношение людей к авторитету Библии. Вера в естест-

венный закон, укорененный в разуме и природе, дает человеку абсолютное мерило, которое позволяет судить библейский текст. И часто можно увидеть, что библейские повествования серьезно нарушают законы природы.

Кроме идеи естественного закона, во второй половине XVII века стали появляться представления об естественной религии, вера в то, что разум и опыт ведут нас к божественной истине не хуже, чем это делает Писание. Если нас пугает мысль о том, что какие-то жестокости происходили по повелению Бога, мы вправе верить этим спонтанным человеческим чувствам не меньше, чем словам Писания. По этим представлениям, Бог обращается к своим верным по разным каналам, откровение (Писание) — один из них, но не единственный. Помимо текста и выше слов стоит закон, записанный Богом в сердцах человеческих, и он дает людям право и обязанность оценивать Писание и в итоге выбирать приемлемые отрывки, опираясь на разум²⁹³.

Бог против закона

Представления о приоритете разума сначала возникли в Великобритании и Нидерландах. В Британии это привело к появлению деизма, движения, получившего свое имя от Бога (от латинского *Deus*), который создал этот мир и установил в нем свои законы и принципы, но не вмешивается в повседневную жизнь людей. Люди

могут познавать законы Бога, которые одновременно есть и естественные законы, и лишь суеверия и корыстолюбие священников скрывают от них этот факт за дымовой завесой слов о тайне, откровении и чуде. На эту идею указывает название вышедшей в 1696 году книги Джона Толанда, ставшей ключевым текстом Просвещения «Христианство без тайн, или Трактат, показывающий, что Евангелие ничем не противоречит разуму и не стоит выше оногo». Если бы Писание содержало противоречия или если бы его учение решительно расходилось с разумом, тогда защита подобных текстов сама была бы преступлением и против разума, и против религии. «Верить в божественное происхождение Писания, — рассуждал Толанд, — или в глубокий смысл любого его отрывка, отказавшись от рациональных доказательств и поиска цельной логики, было бы достойным осуждения легковерием». Опираясь на этот принцип, мыслители постоянно ссылались на смущающие читателя отрывки Библии, чтобы показать неадекватность Писания²⁹⁴.

В 1730 году Мэтью Тиндаль опубликовал наиболее систематический труд с критикой представлений об авторитетности Библии «Христианство старо как мир», который некоторые прозвали Библией деиста. По профессии Тиндаль был судьей, и его особенно волновало международное право и конфликты между странами, в том числе такие явления, как пиратство и нерегулярные военные действия. Он действительно понимал вопросы, связанные с завоеванием и оккупацией, лучше

многих библеистов, бывших до него или появившихся после. Он также глубоко верил в теорию естественного закона Гроция²⁹⁵.

Мы уже упоминали о том, как Тиндаль критиковал тексты о завоевании Ханаана с их потенциальной возможностью служить оправданием для милитаризма и империализма позднейшего времени, но его мысль глубже: он находит в Библии преступления против разума. Сначала Тиндаль вводит простой принцип: «Даже когда буквальный смысл Писания совершенно очевиден, он не должен противоречить тому, что Разум говорит нам о природе и существовании Бога». Если принять этот принцип, при чтении Ветхого Завета нужно непрерывно заниматься удалением сорняков. Фактически, отмечал он, в Библии многое перевернуто с ног на голову: «Чем более святого мужа представляет Ветхий Завет, тем более дико его поведение». Разум требует иного. Тиндаль считал, что эти противоречия порождены помрачением ума или чьим-то коварным корыстным интересом: «Без сомнения, порочным священникам было выгодно представить Бога в искаженном виде и привести в одном Завете такие правила, которые противоречат содержанию другого, который они тоже, дай им волю, могли бы использовать для своих целей»²⁹⁶.

Тиндаль постоянно возвращался к теме покорения Ханаана. Он видел не только то, что акты насилия, сопровождавшие завоевания, были ненужным зверством, но и то, что любая попытка оправдать их порождала все более глубокий

абсурд. Быть может, рассуждали апологеты, Бог использовал ханаанеев для устрашения других, чтобы прочие народы не повторяли их преступлений. В таком случае, говорил Тиндаль, Богу нужно было действовать чудесным образом, чтобы всем ясно показать, что истребление народов производил он сам. Он бы не использовал для этого израильтян, у которых здесь были свои корыстные интересы — захватить землю. Кроме того, Бог должен был бы дать ханаанеям понять, что это наказание свыше, и тогда они не стали бы сопротивляться евреям, выступавшим в роли служителей Божьих. «Иначе разве не сложилась бы там ситуация, когда действуют два противоположных права: право евреев, укрепленное откровением, лишить ханаанеев жизни и право ханаанеев, опирающееся на естественный закон, защищать свою жизнь?»²⁹⁷

Как бы там ни было, продолжал Тиндаль, наказывая ханаанеев, израильтяне сами совершали преступления против человечности:

Если Бог наказывал ханаанеев за то, что они нарушили естественный закон, как мог он потребовать от израильтян действовать вопреки тому же закону, велел им убивать мужчин, женщин и детей, которые не причинили им ни малейшего зла?.. Как мог Бог в этом случае выбрать людей, столько же склонных к идолопоклонству, как и сами ханаанеи?²⁹⁸

Вместе с другими деистами Тиндаль оказал глубокое влияние на либеральных христиан.

Среди прочего, знаменитая фраза Джефферсона о «стремлении к счастью» как фундаментальном праве человека, вероятно, объясняется влиянием Тиндаля. Его труды также заметно поспособствовали тому, что библейская критика обрела право на существование. Одним из его известных учеников был Герман Самуэль Реймарус, основоположник немецкой школы высшей критики. Подобно Толанду, Реймарус насмехался над ортодоксальными апологетами, оправдывавшими убийство ханаанян. Кто, спрашивал он, всерьез поверит, что израильтяне осуществляли Божью справедливость, когда убийцам это преступление приносило такую великую выгоду? Допустим, продолжал он, ханааней были грешнее всех на свете, но свидетельство об их грехах оставили только те люди, которые их уничтожили, а потому в их интересах было дать подобное объяснение трагедии. Очевидно, не только сегодняшние многоопытные критики отмечают в Библии такие места, которые звучат как военная пропаганда²⁹⁹.

Отказ от Бога

Во времена Толанда западный мир уже мучительно искал новые подходы к Писанию, и к началу XVIII века широкое распространение получили некоторые радикальные подходы. Деисты утверждали: хотя Бог и сотворил наш мир, священные книги и традиции были порождением культуры человека и несут на себе печать ограни-

чений иных эпох. Появились ученые, критически исследовавшие Библию, которые сделали вывод о том, что Библия создавалась на протяжении долгого времени, а ее самые ранние слои относятся к периоду крайне жестоких нравов. И поэтому, говорили критики, современным верующим не следует думать, что жестокие повествования о покорении Ханаана обладают духовным авторитетом для позднейших поколений. Услышав такие рассуждения, ортодоксальный верующий должен был бы спросить: «Вы что, считаете, что в нравственном отношении стоите выше Бога?» А скептик мог бы сказать в ответ: «Если Библия верно приводит слова Бога, то я действительно выше, а если нет, почему я должен относиться к ней с таким почтением?»

Подобная критика потенциально могла разрушить до основания идею авторитета Библии. Как только мы согласились, что человеческий разум и нынешние нравственные стандарты позволяют нам судить повествования о покорении Ханаана, что мешает нам приложить этот же подход к любому другому библейскому отрывку — и не только историческому, но и когда речь идет о нравственности или религии? Если Моисей действительно был организатором массовых убийств, почему современный человек должен прислушиваться к его моральным наставлениям? Если отдельные книги Библии можно списать со счетов, почему не избавиться от Писания целиком?

К концу XVIII века критики организованной религии перешли к прямому нападению на саму идею

**Если Моисей действительно
был организатором массовых убийств,
почему современный
человек должен прислушиваться к ЕГО
моральным наставлениям? Если
отдельные книги Библии можно списать
со счетов, почему не избавиться
от Писания целиком?**

религии откровения или, в некоторых случаях, религии вообще. Эти вольнодумцы гордо заявляли, что они неверующие и даже враги веры. Примером таких людей в англоязычном мире был Томас Пейн, автор вызвавшего шумные споры трактата «Век разума». Некоторые самые сильные аргументы Пейна строятся на нравственном возмущении современного человека, когда тот сталкивается с кровавыми историями Библии. Читая подобные истории, которых слишком много в Ветхом Завете, «было бы логичнее признать, что ты имеешь дело со словом беса, а не словом Божиим. Это история порока, который портит человечество и ведет к его одичанию»³⁰⁰.

Тот факт, что христиане продолжают почитать Библию, значит, как

считал Пейн, одно из двух: либо они не читали Писание серьезно, либо, если они его читали, христиане страдают нравственной слепотой. Представьте себе, предлагал он читателю, будто кто-то сказал вам, что ваш друг отдавал «жестокые приказы убивать, вроде тех, что вы найдете в Библии, так что в результате этих приказов множество мужчин, женщин и детей погибло мучительной смертью». Разумеется, «вам изо всех сил захочется доказать, что это ложное обвинение, и защитить доброе имя друга». Однако христиане не пытаются защитить имя Бога от приписываемых ему преступлений: либо они молчаливо признают, что это верно, либо даже оправдывают такие преступления. «Из-за того, что вы погрязли в суевериях или равнодушны к чести вашего Творца, вы слушаете ужасные басни Библии — охотно или с глубоким равнодушием»³⁰¹.

Аргументация Пейна долго продолжала оказывать влияние на атеистов и секуляристов, его мысли были также восприняты появлявшимися социалистами и коммунистами. Скептики XIX века обращались к Пейну в то время, как империи Европы стремились расширить свое влияние и когда завоеватели часто ссылались на Библию, чтобы оправдать свои действия. В 1841 году американский атеистический мыслитель Ч. Дж. Олмстед написал такие слова о библейском повествовании о резне в Ханаане:

Там нет никакого другого объяснения, кроме того, какое давали кровавые святые Кортес и Писарро, оправдывая истребление невинных и до-

бродетельных индейцев. Просто у них была иная вера, их бог носил другое имя, они приносили не такие жертвы³⁰².

Противники религии обращались к новым открытиям империй, чтобы критиковать то общество, которое породило «непогрешимую» Библию: они сравнивали ветхозаветный мир с жизнью примитивных племен Африки и Америки. Если древний Израиль был примитивным и жестоким народом, неудивительно, если что-то подобное можно будет найти у современных дикарей. Вольтер сравнивал древних евреев с гу-ронами и ирокезами, которые в те дни славились тем, что жестоко пытали и калечили своих пленников. Однако по сравнению с людьми Иисуса Навина те индейцы казались гуманными философами. Читая библейский рассказ о завоевании Ханаана, Вольтер размышлял: «Если бы автор этой истории захотел сделать евреев париями [*execrables*] среди всех прочих народов, разве мог бы он придумать тактику лучше?»³⁰³ Марк Твен сравнивал покорение Ханаана с жестокостями — изнасилованиями, убийствами и членовредительством, — которые совершали американские индейцы во время кровавых войн 1860-х. Рассказав об убийстве одной белой семьи, он продолжает: «Кампания в Миннесоте была просто повторением операции против индьян. Все, что происходило тогда, повторяется и сейчас». Если же попытаться найти нравственные отличия одной кампании от другой, то

можно увидеть, что индейцы добрее и милосерднее, чем Моисей или Иисус Навин³⁰⁴.

Ни Пейн, ни Марк Твен не испытывали потребности разбираться во внутренних противоречиях Библии — в том, как любящий Бог может отдавать приказ о геноциде. Им казалось, что все это примитивные сказки. На самом же деле, думали они, не существует ни Бога, ни высшего закона. Люди творят жестокости и убивают, а потом обращаются к придуманным ими самими высшим авторитетам, чтобы оправдать свои преступления. Писание просто отражает человеческие мнения тех обществ, которые его на разных этапах создавали, и ничего более.



Разные критики — Маркион, Вольтер и Пейн, ныне живущие Сэм Харрис и Ричард Докинз, — каждый по-своему, задавали глубокие вопросы о природе Библии и об авторитете Писания. Многие вещи в Библии действительно нас шокируют. Тем не менее эти вопросы не разрушили основанные на Библии религии и даже не повлияли на них значимым образом. Хотя радикальные критики религии есть и сегодня, они остаются ничтожным меньшинством. Несмотря на многовековую критику Библии, христианство не просто сохранилось, но и остается одной из самых распространенных мировых религий. Атеистами себя числят немногие, а последователей Маркиона сегодня, быть может, и вообще не существует. В США ве-

рующие преобладают, а в Европе, несмотря на десятилетия секуляризации, миллионы людей продолжают читать Библию.



Некоторые наблюдатели удивляются тому, что вера процветает в мире, основанном исключительно на секулярных положениях науки и технологий. Не менее поразительно и то, что основанные на Библии религии продолжают жить, хотя люди повсеместно приняли идеи универсальных прав и естественного закона. Даже если они не могут сформулировать эти теории так умело, как то делали Толанд и Гроций, большинство западных людей разделяет общие представления о правах человека, об условиях ведения войны и о недопустимости беспричинной агрессии, этнических чисток и геноцида. И тем не менее большинство христиан и иудеев не видит проблемы в том, чтобы совмещать эти представления с верой в священные тексты. Каким-то образом они научились не обращать внимания на кровавые отрывки Библии.

8

Попытки приручить *Писание*

Вперед, христианские солдаты, вы идете как бы на войну!

Сабина Баринг-Гоулд



о времен Реформации миллионы рядовых христиан читали Библию внимательно, и многие из них читали истории о священных войнах древности. Однако подавляющее большинство читателей никогда не возмущалось описанным здесь насилием, а также не замечало, что эти истории призывают к бесконечной войне против соседей. Как правило, читатель видит в историях Моисея или Иисуса Навина примеры священной воинской доблести и не задумывается о судьбе жертв. В большинстве номеров в отелях Северной Америки можно найти Библии, которые распространяет христианская группа, носящая имя Гидеона, то есть одного из еврейских военачальников периода завоевания Ханаана.

Верующий может нейтрализовать действие невыносимых текстов с по-

мощью нескольких разных стратегий. Наиболее распространен следующий подход: читатель видит в отрывке не то, что там открыто говорится, но нечто иное, иными словами, он неосознанно редактирует или переписывает текст. У этого подхода существует и такой вариант, когда слова понимаются в аллегорическом или мистическом смысле, а это позволяет устранить из них буквальные насилие и кровопролитие. Если эти стратегии не работают, верующий может удалить смущающий текст целиком, отрицая, что он это сделал. Он представляет, что такого текста нет, не обращая на него внимания или изымая его из круга публичных чтений. Каким бы подходом он ни пользовался, верующий способен избежать столкновения с неприятным текстом. Так люди учатся забывать.

Как бы ни старались
верующие забыть о неудобных
текстах, ужасающие

библейские пассажи вернутся к ЖИЗНИ

и будут влиять на их поведение

в периоды кризисов

И здесь мы можем спросить: а в чем же тогда проблема? Если текст никак не действует на читателя, разве он не обезврежен? Сложность заключается, конечно же, в том, что он продолжает существовать, причем в составе канонизированных книг. Хотя в настоящий момент большинство верующих его игнорирует, он продолжает влиять на поведение членов некоторых маргинальных движений и наверняка наложит отпечаток на некоторые новые формы религии. Как бы ни старались верующие о них забыть, ужасающие тексты вернутся к жизни и будут влиять на их поведение в периоды кризисов. Мы пытаемся их нейтрализовать, переписать, не замечать, но они возвращаются. Дремлющий зверь не то же самое, что зверь мертвый.

Если ничто другое не помогает, остается признать наличие этих мест в Писании и научиться с ними жить.

Оправдание зла

Мы запрограммированы на то, чтобы редактировать реальность. Память и опыт учат нас тому, чего нужно ожидать от мира, но иногда нам встречается факт или ситуация, которые не соответствуют ожиданиям. И в этот момент начинает работать часть мозга, которую можно назвать клавишей Delete на клавиатуре нашего ума (у нее есть свое техническое название: дорсолатеральная префронтальная кора). Мы подавляем

расстраивающие нас аномалии так умело, что иногда искренне их не усваиваем или не запоминаем. В мозге каждого человека сидит его личный цензор. Это не значит, что развитие нравственного сознания рабски следует какому-то паттерну, predetermined биологией, тем не менее нам всем свойственно игнорировать или недооценивать те вещи, которые не вписываются в нашу схему реальности.

Независимо от своей религиозной или этнической традиции любой человек умело объясняет неправильные поступки, которые совершают «люди вроде нас», осуждая точно такие же вещи, когда их делают другие. В середине 1960-х годов психолог Георгий Тамарин исследовал группы израильских детей от восьми до четырнадцати лет, которым он предложил дать оценку некоторым отрывкам из Книги Иисуса Навина, где речь шла о геноциде. Что они думают о подобных мерах? Как ни поразительно, 66 процентов детей их одобрили полностью, а 8 процентов одобрили частично. Затем Тамарин собрал другую группу детей и предложил им те же истории, только на этот раз речь шла не о Ханаане или Палестине, но о выдуманном генерале Лине, жившем в Китае три тысячи лет назад. В этот раз лишь 7 процентов детей одобрили такие действия, тогда как уровень решительного неодобрения повысился с 26 до 75 процентов³⁰⁵.

Когда эти убийства совершаются в абстрактной обстановке — когда их, скажем, совершает безликий китайский генерал или угандийский

военачальник, — мы не задумываясь называем их преступлениями против человечности. Мы даже можем добавить, что ожидали от «них» — диких африканцев или жестоких людей Востока — именно такого варварства. Но когда обвиняемыми оказываются такие достойные мужи, как Моисей или Иисус Навин, деяния которых прославляет Священное Писание, нравственная оценка становится куда более сложным делом. Верующие начинают делать все возможное, чтобы только избежать попытки разрешать противоречия. Они учатся обходить стороной неприемлемые факты. Контекст эксперимента не позволяет говорить, что израильские дети более или менее циничны, чем дети из любой другой страны.

Как люди справляются с ситуацией, когда делают поступки (или кто-то совершает поступки от их имени), которые они же сами считают неправильными? Этот вопрос исследовали ученые, причем с нескольких разных точек зрения. В 1950-х годах специалисты по социальной психологии пытались объяснить, как люди ищут равновесие между противоречиями — исследователи называли эту ситуацию когнитивным диссонансом³⁰⁶. Затем, используя их теории, другие исследователи попытались понять, каким образом люди убегают от столкновения с мучительными нравственными или этическими вопросами. Существует ключевое слово, которое описывает такой процесс бегства, — это термин *нейтрализация*.

Стоит описать ход мысли ученых по порядку. Криминологи давно пытались понять, как у

нарушителя закона формируются отклоняющиеся и контркультурные ценности, которые приводят к устойчивым преступным действиям и насилию. В 1960-х исследователи, к своему удивлению, поняли, что преступники не так уж сильно отличаются от всех прочих людей. На самом деле, у них были нормальные ценности и стремления, и они понимали, что делают дурные вещи. Чтобы следовать своей карьере преступников, им приходилось использовать разные тактики самообмана и отрицания, которые вместе строили стратегию нейтрализации. Когда нарушителям закона предлагали рассказать о своих преступлениях, они здесь же обращались к одной или нескольким психологическим защитам. Исследователи выявили пять главных типов таких защит:

Отрицание ответственности («Это не моя вина»)

Отрицание причиненного ущерба («Они могут себе это позволить»)

Отрицание наличия жертвы («С ними это случается»)

Осуждение осуждающих («В полиции работают куда худшие мерзавцы, чем я»)

Ссылка на более важную лояльность («Наша банда — это вся моя жизнь»)³⁰⁷.

Некоторые исследователи добавляют сюда и другие техники, включая *дегуманизацию жертвы* и систематическое *искажение представлений о последствиях* (когда выпячиваются позитивные стороны поступка и игнорируется причиняемый им вред).

В различных формах стратегии отрицания, распространенные среди преступников, применяют И верующие, когда читают библейские повествования о массовых убийствах

В различных формах подобные стратегии отрицания применяют и верующие, когда читают библейские повествования о массовых убийствах. Самый дикий вариант здесь — ссылка на более важную лояльность, правда, в данном случае не на банду, а на Творца вселенной, с которым не поспоришь. Но этот аргумент сегодня многих не удовлетворяет. Более того, даже те читатели и толкователи, которые на него ссылаются, на самом деле регулярно используют иные тактики защиты. Обычно они незаметно и без комментариев меняют какие-то элементы библейского повествования, чтобы сделать его приемлемей для современного человека. Они все смягчают и облагораживают. Жестокость можно сделать более человеческой разными способами, например, можно добавить

к оригинальной истории какие-то особые причины и мотивы или можно не обращать внимания на жертв³⁰⁸.

Смягчение и облагораживание

В текстах о завоевании Ханаана все довольно однозначно: надо уничтожить все живое, никто не должен уцелеть, при этом (по крайней мере, в некоторых историях) жертвы ничем не провинились, чтобы их убивать. С древних времен это беспокоило все новые и новые поколения читателей, которые, как все люди, видели в книге не то, что написано, но то, что, как они считали, должны были видеть. Даже в самом Ветхом Завете мы видим примеры селективного понимания: например, позднейшие тексты оправдывают массовые убийства тем, что ханаанеи были крайне испорченными, так что они перестали быть невинными жертвами. И какие бы прочие проблемы ни ставила перед читателем эта история, решение Бога, по крайней мере, здесь становилось более логичным³⁰⁹.

Примером такого облагораживания служит то, что чрезвычайно важное место начинает занимать история Раав, единственной рядовой ханаанейки в истории завоевания Ханаана, которая названа по имени и обрела лицо. Это странный сюжет, поскольку он противоречит правилам священной войны, которые в других случаях никто не вправе

нарушать. Хотя воины Иисуса Навина обязаны уничтожить все население Иерихона без исключения, готовность Раав помочь израильтянам позволила ее семье избежать этой участи и присоединиться к победителям. Хотя автор упрямо верит в то, что чужие народы безоговорочно подлежат уничтожению, этот текст показывает, что ради доброго ханаанея эти правила могут сделаться гибкими³¹⁰.

В первые века нашей эры иудейские учителя еще сильнее смягчили жестокости истории завоевания Ханаана, связав ее с позднейшими представлениями евреев о собственности и правилах поведения и с возникающей концепцией справедливой войны. В одном пересказе, который приписывают автору III века Самуэлю бен Нахману, Иисус Навин прежде завоевания Ханаана издает три *prostagma*, то есть декларации, которые предоставляют местным народам выбор одной из трех возможностей: они могут покинуть землю, могут заключить мирный договор или могут сражаться. Согласно этой версии, ханаанеи, жившие в Иерихоне и других местах, были в основном настолько упрямыми, что не желали прислушиваться к разумным доводам — хотя разумное предложение им было сделано³¹¹.

В этом пересказе истории говорится о том, что некоторые ханаанеи выбрали мир, а другие покинули землю, причем последних ждал сурприз. «Что стало с гиргашеями? — спрашивает рабби. — Они повернулись и ушли от Израиля. И Бог даровал им иную землю, не менее прекра-

сную, чем прежде, а именно — Африку». Финикийцы, дружелюбно принявшие ханаанеев, основали мощную колонию под названием Карфаген в Северной Африке, которая процветала до 146 года до н. э., когда она была разрушена римлянами. Так ханаанеи действительно пережили геноцид от рук безжалостных завоевателей, но не евреев, а кровожадных римлян. Эта версия истории ханаанеев напоминает загадочные версии истории амалекитян в Талмуде, где даже потомки Амана покоряются Торе. В обоих случаях благородные мудрецы пересмотрели божественные заповеди в соответствии с тем, что, по их мнению, Бог должен был приказать, а не с тем, что об этом говорит Писание³¹².

История Финееса служит другим наглядным примером новой интерпретации, которая сглаживает острые углы неприятного отрывка. В оригинальной версии Библии ревнитель Финеес действует в одиночку, когда в порыве ярости убивает мужчину и женщину, нарушивших запрет. Позднейшие тексты, библейские и раввинистические, без оговорок прославляют Финееса, хотя некоторые звучат сдержаннее. В одном псалме вспоминается ревность героя, но ничего не говорится о насилии: «[Финеес] совершил свой суд — и мор прекратился. Это стало его заслугой навеки, из рода в род». Как понимали некоторые позднейшие учителя, это значило, что заслуга Финееса заключалась в молитве, а не в акте насилия³¹³.

Другие авторы не знали, что делать с Финеесом, прекрасно понимая, что случится, если каж-

дый разгневанный человек возомнит, что он действует по Божьей воле. Иудейские мудрецы подчеркивали, что Финеес «встал посреди собрания», то есть действовал по поручению общины. По-видимому, говорили они, старейшины обсуждали, следует ли наказывать виновных смертью, так что Финеес не был одиночкой, производящим самосуд. Такие писатели, как Филон и Флавий, желая смягчить жестокость деяния Финееса, добавляли к повествованию некоторые детали: вероятно, кроме прочих преступлений, жертвы Финееса оскорбили Моисея. Некоторые тексты в Талмуде подчеркивали, что Финеес сделал нечто неприемлемое: там говорится о гневе Моисея и других на убийство и о том, что оно причинило сильную боль самому Финеесу³¹⁴.

Понимание в духовном смысле

В истории очень часто повествования о покорении Ханаана понимали в духовном смысле, что позволяло забыть о реальном насилии, жертвами которого стали реальные люди. Это пример одновременно как отрицания ущерба, так и отрицания жертвы — в буквальном смысле, поскольку реальные люди якобы не пострадали. На вкус современного читателя — христианина или иудея — такие аллегорические или духовные толкования кажутся загадочными или притянутыми за уши, поскольку они видят в историческом повество-

вании исключительно символы и мифы. Однако, как я покажу, такое понимание, возможно, стоит не так далеко от изначального намерения автора историй о завоевании Ханаана, для которого ханаанеи хотя бы отчасти были символами ненавистного язычества.

Иудеи, например, признавали авторитетность повеления истреблять амалекитян, но лишь ничтожно малая часть из них думала, что речь здесь идет об одном народе, носящем этот титул. Начиная со дней создания Талмуда и далее ведущие иудейские мыслители видели в Амалеке не расу, но ряд грязных желаний или греховных импульсов, отделяющих нас от Бога, которые следует безжалостно искоренить³¹⁵. Согласно такому толкованию Бог заповедал вести войну не с определенной расой, но с *делами* Амалека, которые подобны тому, что христиане понимают под грехом против Святого Духа. Как христиане, так и иудеи понимают, что бороться с внутренними искушениями нужно действительно постоянно: Амалек всегда стоит рядом с нами. Один из величайших учителей иудаизма Бааль Шем Тов, живший в XVIII веке основатель хасидизма, говорил своим ученикам:

Каждый раз как вас одолевает забота или сомнение насчет того, как Бог правит миром — это Амалек атакует вашу душу. Надо стирать имя Амалека из нашего сердца, где бы и когда бы он ни нападал на нас, чтобы мы могли служить Богу в совершенной радости.

Учитель XX века Менахем Шнеерсон, которого некоторые считали мессией, говорил о том же: «Амалек порождает сомнения и колебания, которые охлаждают горячее желание служить Богу. Победить в нашей внутренней войне Амалека означает посвятить себя служению Богу без остатка»³¹⁶.

Современные ортодоксальные иудеи понимают под Амалеким искушителя, то есть существо, подобное христианскому дьяволу. В статье на одном веб-сайте рассказано о психологических тонкостях искушений словами, которые напоминают «Письма Баламута» К.-С. Льюиса. Разумеется, пишет один нынешний ортодоксальный иудей, Амалек не вылезет на сцену, чтобы открыто поставить под сомнение существование Бога: в таком случае его быстро бы разоблачили. Он будет вести себя иначе: «Сначала Амалек скажет человеку, чтобы тот не слишком ревностно исполнял *мицвот* [заповеди] или не слишком полагался на Бога в целом, но это не будет абсолютным сомнением... Подобные мысли — одна из самых страшных опасностей среди всех тех, которые подстерегают соблюдающего Закон еврея»³¹⁷. Так Амалек проделал огромный путь, оставив далеко позади свое историческое прошлое, когда он был крохотным племенем в пустыне около 1200 года до н. э.

В истории мусульмане делали примерно то же самое со своими жестокими текстами, понимая их духовно и используя знакомые нам техники аллегорического толкования. Один спорный текст

в Хадисе рассказывает о том, как Мухаммед после битвы заявил: «Мы закончили с меньшим джихадом, а теперь нам пора приступить к великому джихаду». Как он объяснил, битва со внешним физическим противником есть одна из форм джихада, но она имеет не самое главное значение. Настоящая битва — великий джихад, *аль-джихад аль-акбар*, — это сражение со злыми желаниями и силами, которые не дают человеку владеть своим умом и своей душой³¹⁸.

Комментаторы из числа строгих исламистов уже давно ставили под сомнение аутентичность этого речения, однако сама эта идея оказывала большое влияние на ислам на протяжении его истории. Такова ключевая доктрина суфизма, вокруг которой происходило интеллектуальное и культурное разви-

П о д л и н н у ю войну **надлежит**
вести против своего **Я, — против**
того, что читатель Библии
мог бы **назвать внутренним**
амалекитянином или скрытым ханаанеем
в человеке

тие религии. Подлинную войну надлежит вести против нафс, против своего Я, — против того, что читатель Библии мог бы назвать внутренним амалекитянином или скрытым ханаанеем в человеке. По словам африканского суфия Шейха Ахмаду Бамбы, «воин на пути Бога не лишает жизни врагов, но борется с *нафс*, чтобы достичь духовного совершенства»³¹⁹.

Внутреннее завоевание

Христиане также с первых веков своего существования понимали ветхозаветные истории с помощью типологии, так что древние события для них были прообразом или предвозвещением событий жизни Иисуса и истории церкви. Некоторые первые отцы церкви так сильно увлекались поиском «типов» в Ветхом Завете, что каждое упоминание дерева было для них прообразом креста, а каждое упоминание о воде говорило о крещении³²⁰.

Этот подход избавлял читателя от необходимости мучительно размышлять над актами насилия и кровопролитием в Писании, что должно было особенно заботить первых христиан, которые ненавидели войну и вооруженные конфликты. Реальные исторические дерево и вода становились богословскими символами, то же самое происходило с завоеваниями и резней, с мечами и копьями. Когда апостол Павел призывал своих последователей «облечься во всеоружие Божие», он имел

в виду отнюдь не земное вооружение. Как говорилось в одном популярном христианском гимне, христианские солдаты шли не *на* войну, но *как бы на* войну. Как только история о завоевании Ханаана обрела духовный смысл, все враги и злодеи, участвовавшие в ней, также превратились в символы. Амалекитяне, мидьянитяне, ханаанеи и другие народы с легкостью стали демоническими силами, символами грехов и искушений, которые подстерегают христиан на пути в Землю обетованную. При этом не пострадал ни один реальный житель Ханаана³²¹.

В таком контексте христиане могли даже размышлять о войне по правилам *херема*. Апостол Павел пользуется соответствующими образами, хотя относит их только лишь к космической битве. То же самое мы находим в книге Откровение, написанной около 95 года н. э. Эту книгу невозможно понять вне контекста традиции библейской войны YHWH, которая стоит за всем, начиная от трубного звука, собирающего святое воинство, и кончая уничтожением демонических сил, которые правили испорченным миром. Такая война, понимаемая в мистическом смысле, вполне хорошо сочеталась с религией мира и непротивления. Кто будет спорить с тем, что этих демонов следует уничтожить?³²²

Христианская типология достигла новых высот в первой половине II века, когда один христианин, имени которого мы не знаем, написал так называемое Послание Варнавы. Этот «Варнава» (возможно, живший в Египте) находит образ креста во

многих ветхозаветных повествованиях, особенно в истории о войне Израиля с Амалеком. Моисей предсказал *Iesous*-Иисусу Навину, что в будущем совершит *Iesous*-Иисус из Назарета. Раннехристианские авторы часто использовали иные варианты библейских текстов, чем те, что нам знакомы, и толковали их весьма своеобразно. Так, Варнава видит в тексте Книги Исхода обетование о том, что «в последние дни Сын Божий разрушит весь дом Амалека вплоть до его корней». Так истребление Амалека становится событием конца времен, духовным и апокалиптическим знамением³²³.

Нераскрытая тайна

В первые столетия существования христианства и в Средние века многие толкователи Писания искали в нем аллегории, причем такие, которые современному человеку кажутся неправдоподобными или даже нелепыми. Но если мы не сможем понять эти образы, мы закроем для себя возможность понять мировоззрение древних христиан, не говоря уже о культурных достижениях христианства, поскольку именно эти образы стимулировали развитие христианского визуального искусства. Лишь когда мы поймем такую любовь к аллегориям и типологии, мы можем понять и то, как христиане нейтрализовали жестокость повествования о покорении Ханаана³²⁴.

Одним из выдающихся толкователей Библии был Ориген, египетский мыслитель III века, кото-

рый видел в буквальном историческом понимании Ветхого Завета реальное испытание веры. Он сражался против маркионитов и гностиков, которые обвиняли Библию в жестокости, говоря, что описанные в ней войны и убийства невозможно примирить с любящим Богом, открытым через Христа. Ориген всерьез прислушивался к подобным обвинениям и даже готов был признать, что, если аргументы противников справедливы, они угрожают существованию христианской веры. Но такая проблема возникает только при буквальном понимании данных историй, говорил он, однако ни один мудрый или образованный человек не будет понимать их буквально. По мнению Оригена, в Писании можно найти три смысла, где каждый последующий важнее прежних. Самое низшее место занимает буквальный смысл текста, и простые души могут на этом остановиться. Но более опытные верующие перейдут от этого к нравственному толкованию, а затем, наконец, к духовному смыслу³²⁵.

Если вы принимаете такой подход, Книга Иисуса Навина перестает быть соблазном для веры и даже может стать глубоким источником вдохновения. «Таким образом, этот труд глубоко проникнут милосердием, хотя еретики называют его жестоким». В серии проповедей, посвященных толкованию Книги Иисуса Навина, Ориген разворачивает перед слушателем буквально сотни аллегорий, аналогий и числовых значений, которые никогда бы не пришли в голову современному читателю — что доказывает, как считал Ориген,

что такой читатель крайне далек от духовности. Так, мы читаем в этой библейской книге о пяти неприятельских царях, спрятавшихся в пещере, которых израильтяне нашли и казнили. Ориген с легкостью идентифицирует противников: это зрение, обоняние, слух, вкус и осязание, ощущения, которые могут склонить человека на грех. В прошлом эти цари господствовали в пещере человеческого ума, но Иисус Навин (прообраз другого Иисуса) победил их и воздвиг над ними свое духовное знамя³²⁶.

Все битвы в Книге Иисуса Навина, как их понимал Ориген, были борьбой с грехом: «Внутри нас есть ханаanei, внутри нас гиргашеи, внутри нас евусеи». Взять, к примеру, уничтожение Гая. Да, соглашался Ориген, иудеи, читая о резне, устроенной воинами Иисуса Навина, могут стать жестокими и кровожадными, но христиане лучше понимают, в чем здесь дело. Подлинный смысл истории о городе Гае лежит внутри:

За этими словами сокрыты тайны... Мы не должны оставлять внутри ни одного из демонов, которые живут в хаосе и правят бездной, мы должны их всех уничтожить... Потому все святые убивают жителей Гая: они уничтожают их и никого не щадят... Пусть город Гай обшарят наши острые мечи, мы уничтожим всех обитателей хаоса, все вражеские силы... Иисус пришел и поразил всех царей, владевших в нас царствами греха, и он повелел нам уничтожить всех этих царей, никого не оставляя в живых³²⁷.

В сражении с демонами пленных брать не полагается.

Хотя в Средние века западные читатели редко могли изучать греческие тексты, они обращались к аллегорическим толкованиям, следуя за Августином. Подобно своему предшественнику Оригену, Августин не видел проблем в повествованиях Библии об убийствах, поскольку не считал их прямолинейными историческими отчетами. Каждую часть Священного Писания следует понимать в контексте большой истории, которая достигает кульминации во Христе, и только в таком контексте каждая часть текста обретает свой смысл. Такой подход, разумеется, вполне работал в случае «войны с Амалеком, имеющей пророческий и символический характер»³²⁸.

Августин обычно не говорил, что такое-то толкование данного текста вернее всех прочих: читатель может выбрать то или иное понимание. Для него было важно то, что любой отрывок читается в контексте целого, как часть всей Библии, а не как отдельная запись о событии прошлого. «Какое бы толкование мы ни считали истинным, благочестивый ученик Писания должен понимать, что в любой заповеди, любом поступке, любой истории можно найти их цель и символическое значение»³²⁹. Похоже, Августин понимал, что не надо ставить рамок аллегорическим значениям, которые «благочестивый ученик» может найти в тексте. Фактически все что угодно предпочтительнее буквального смысла.

Резня в благочестивых гимнах

Подобные аллегорические толкования приобрели особую популярность в Средние века и эпоху Реформации, к ним прибегали и гораздо позже. Такое духовное понимание имело то великое преимущество, что ограничивало приложение текста к актуальным ситуациям и конфликтам в реальном мире. В 1637 году колонисты Новой Англии вступили в кровопролитную схватку с индейцами пэко, которых белые, что неудивительно, идентифицировали с Амалеком. Радикальный пуританин Роджер Уильямс написал письмо к Джону Винтропу, протестуя против пролития «невинной крови» во имя священной войны. Уильямс не сомневался в том, что колонисты были новым Израилем, однако он предупреждал, что практическую политику не стоит строить по модели Амалека: «Можно доказать многими аргументами, что постоянная война Господа с Амалеком имеет сверхъестественный и мистический характер». Другие библейские отрывки противоречили этой истории, и их следует признать более важными, потому что они носят скорее исторический, нежели мистический характер³³⁰.

Великая традиция аллегорического толкования распространялась через гимны и литургические тексты. Исход и завоевание Ханаана как духовные события обрели новую популярность с распространением гимнов в XVIII и XIX веках.

Верующие пели: «Я иду в страну Ханаанскую, где душа уже не умирает». Последним препятствием на пути к этому месту предназначения была река Иордан, символизовавшая смерть:

На опасном берегу Иордана стою
И жадно гляжу
На прекрасную землю Ханаана,
Где находится мое владение.

Местные жители Ханаана, которые мешали Израилю двигаться к его владению, разумеется, были олицетворением сил мрака. Чарльз Уэсли точно повторял рассуждения раввинов, когда говорил, что Амалек есть сила греха, а не явление внешнего мира. Вот что говорит об этом один из его гимнов:

Иисусе, мы дерзаем уповать на Тебя
Вопреки внутреннему Амалеку,
Он скоро будет искоренен
С самым его именем, источником греха.

Не менее решительно последователи Уэсли клялись уничтожить ханаанеев³³¹.

Позднейшие поколения христиан также понимали завоевание и сопровождавшие его убийства в духовном смысле. Это значило, что побежденные племена были просто яркими и порой гротескными символами нравственного зла. Проповедник XIX века Джонатан Бейли говорил: «Амореи — это похоти сердца; хетты — это более хитрые и осторожные враги интеллектуального самообма-

на; ханаанеи представляют зло в целом». Поэтому христиане «должны духовно искоренять ханаанев, хеттов и амореев» ³³².

В викторианскую эпоху христиане также превратили историю об уничтожении мидьянитян в аллегорию внутренней борьбы со злыми импульсами. Дж. М. Нил написал на эту тему странный гимн, который в те времена часто пели и любили:

Христианин,
ты их видишь
на Святой земле?
Воины Мициана
тихо крадутся.
Христианин,
встань и порази их.
Подсчитав выгоды и потери,
порази их силой
святого креста³³³.

Если бы Гитлеру удалось до конца осуществить план холокоста, возможно, христиане через несколько веков описывали бы крадущихся евреев как символ порока. Этот образ никого бы не оскорбил, поскольку не был бы связан с живущими в тот момент людьми. Тех, кто мог бы здесь оскорбиться, не осталось бы в живых.

При таком аллегорическом подходе кровавые события прошлого невозможно связать с параллельными ужасами из современной жизни, это происходит уже на уровне языка. Авторы гимнов и толкователи Библии старательно избегают таких слов, которые могли бы указать на параллели

в настоящем. Они сознательно ставят архаичные слова, которые помещают события в отдаленное воображаемое время и в мир мифов. Израиль должен *поразить* или *сразить* мидьянитян, он их не *режет* и не устраивает *бойни*. Мы не можем себе представить, чтобы в современном гимне на библейские темы звучали такие слова, как «этническая чистка» или «геноцид»; слова мешают увидеть в этих событиях прошлого нравственную проблему.

Цензура

Хотя все еще издаются книги, содержащие аллегорическое толкование Писания, большинство современных читателей ждет от комментариев чего-то иного, чего-то большего. Несмотря на то что аллегорические толкования и сегодня могут использоваться для благочестивого чтения, читатель ожидает, что комментатор поделится критическим и историческим пониманием текста, которое позволит лучше понять его «реальный» смысл. Хотя они по-разному относятся к библейской критике, тем не менее сегодня как либералам, так и фундаменталистам подход Оригена к Писанию кажется чем-то чужим и непонятным. Вопрос «Это происходило на самом деле или нет?» для нас слишком важен. Однако, если мы хотим читать Ветхий Завет как историческую книгу, нам придется столкнуться с нравственным вопросом о насилии. Многие читатели прибегают

в этом случае к такому решению: они игнорируют неприятные тексты, подвергая их своего рода неформальной цензуре.

Любой текст, пользующийся популярностью несколько столетий, будет чем-то оскорблять вкус современного читателя. Современные критики смеются над тем, что сегодня создаются адаптированные издания классиков, соответствующие сегодняшним реалиям, таким, как необходимость учитывать класс, расу и пол, но это древняя и почтенная практика. Знаменитые сказки, которые нам знакомы, в оригинале были куда уродливее, и мы бы не захотели, чтобы дети читали начальные версии с их отвратительными подробностями. В XVII веке история Красной Шапочки кончалась тем, что волк пожирал главную героиню. Или, если взять сказку о Ганселе и Гретель, в оригинальной версии детей из дома изгнала не злая мачеха, а собственная суровая мать. Только в XIX веке братья Гримм сделали из этих историй нечто приемлемое и не такое кошмарное. Подобным операциям подвергались и произведения Шекспира. Так, в 1818 году Томас Боудлер издал свой труд «Шекспир для семейного чтения», откуда «удалены такие слова и выражения, которые не следует читать вслух, когда вся семья в сборе». Появился даже английский глагол *bowdlerize* от фамилии автора *Bowdler*, по иронии судьбы, это слово само смягчает более древний термин: раньше в таких случаях говорили о «кастрации» книги.

Мысль о «кастрации» Библии может нас удивить, тем не менее самые ортодоксальные верую-

шие знакомы с радикальными методами отбора и редактирования. Если ты живешь в США, ты неизбежно иногда натыкаешься на Новый Завет в издании Гедеоновых братьев: эту книгу, изданную огромным тиражом, часто раздают бесплатно. Мы так привыкли к существованию подобных изданий, что забываем об одной вещи: с богословской точки зрения это странное явление, поскольку оно предполагает, что Новый Завет сам по себе, в отрыве от Ветхого Завета, дает работоспособную модель христианской веры. Маркион бы этому порадовался. В данном случае, разумеется, решение распространять только Новый Завет не связано с богословскими убеждениями их издателя, это просто вопрос стоимости и практичности. Тем не менее это позволяет нам избирательно относиться к Библии и

Мысль о «кастрации»

Библии может нас удивить, **тем**

не менее **самые** ортодоксальные верующие

знакомы с радикальными методами

отбора и редактирования

опускать те отрывки, которые нас слишком волнуют или смущают.

Цензурирование Библии имеет долгую историю, хотя тексты, которые смущали или шокировали людей, были разными в зависимости от эпохи. Нередко также селекция происходила на основе «бесстрастного изучения», хотя ответственные за это философы и богословы выражали тем самым определенные тенденции, очевидные для внешнего наблюдателя. Так, Мартин Лютер хотел исключить несколько книг из канона Библии. Он был готов «швырнуть в Эльбу» агрессивную еврейскую Книгу Эсфири, он также считал, что книга Откровение, которую так часто использовали экстремисты, не должна обладать всей полнотой канонического статуса³³⁴. Когда Америка только что стала самостоятельной страной, Томас Джефферсон пытался отредактировать Библию так, чтобы она соответствовала его версии либерального христианства. Пытаясь восстановить Евангелия в их изначальной форме (разумеется, как он это понимал), Джефферсон удалил из текстов все ссылки на сверхъестественное, так что в его версии не было никаких чудес и не было воскресения³³⁵.

Возникали и другие версии Библии, создатели которых стремились к тому, чтобы определенная аудитория не сталкивалась с некоторыми текстами. В IV веке Ульфила перевел Библию на готский язык, на язык варваров, но намеренно решил не включать в эту версию все четыре Книги Царств, поскольку его потенциальные читатели были и без

В IV веке Ульфила перевел
Библию на готский язык,
на язык варваров, но намеренно
решил **не включать в эту версию**
все четыре Книги Царств, поскольку его
потенциальные читатели были **и без**
того слишком хорошо **знакомы**
с войнами и политическими убийствами

того слишком хорошо знакомы с войнами и политическими убийствами. Готам «нужнее было обуздывать свою страсть к войне, чем ее возбуждать». Этот переводчик без угрызений совести опустил книги, которые «просто рассказывали о военных подвигах». Хотя его подход может показаться нам странным, Ульфила оставил нам важный пример: он с самого начала задумался о последствиях свободного доступа к текстам Писания. Среди прочего, читатели этой версии Библии из числа готов не сталкивались с рассказами о Сауле и амалекитянах, которые могли бы повлечь за собой кровопролитные войны на протяжении столетий³³⁶.

Позднейшие поколения христиан испытывали больше беспокойства по

поводу сексуальных текстов Писания. Поскольку Библия, переведенная на разные языки, стала доступной многим, подростки с жадностью искали в священном тексте все места, где упоминались груди или проститутки, тогда как их наставники не желали признать, что в Писании есть непристойности. Хотя пасторы и проповедники не могли открыто отрицать того, что в Библии встречаются нескромные слова и выражения, они вели себя так, как будто их не было. Песнь Песней нередко порождала большие сложности такого рода, несмотря на все усилия духовных лиц, призывавших видеть здесь невинную аллегория взаимоотношений Христа с его церковью.

Когда в XIX веке возросло влияние пуританства с его щепетильным отношением к сексуальности, наличие «грязных» текстов в Библии стало серьезно смущать христиан, тогда как атеисты насмехались над Писанием с его непристойностями, которые надо скрывать от молодежи. Апологет Рубен Торри, отвечая на подобные обвинения, говорил, что на самом деле проповедник всегда подвергает текст цензуре. Так, отмечал он, «в первой главе Послания к Римлянам есть вещи, которые не принято обсуждать публично, так что, как правило, при чтении данной главы вслух из ее текста исключают пару стихов». Он из скромности даже не указывает, о каких стихах идет речь, но это, несомненно, стихи 26 и 27, где Павел осуждает «постыдные страсти» — а именно, и мужской гомосексуализм, и (о чем во дни Торри совсем не говорили) лесбиянство³³⁷. Эти стихи никогда не

подвергались цензуре в том смысле, что никакие протестантские аналоги Ватикана официально не запрещали их перепечатывать или упоминать, тем не менее прихожане никогда о них не слышали. Это во многом похоже на то, как сегодня христиане обращаются с библейскими текстами о массовых убийствах и завоеваниях.

Лекарство для дурных текстов

Маркион хотел, чтобы христиане вообще отказались от Ветхого Завета, однако сегодня большинство христиан понимает, что они не могут обойтись без Еврейской Библии. Тем не менее готовность принять Ветхий Завет не означает, что христиане должны в равной мере оценивать все части этого огромного сборника текстов, и на протяжении нескольких последних десятилетий во многих церквях значительное количество их было на практике спрятано. Это было сделано с помощью создания круга богослужебных чтений, откуда было исключено большинство неприемлемых текстов.

Иногда это делается неформально с помощью молчаливого редактирования. Так, часто при чтении молча опускают последний стих Псалма 136, где говорится об убийстве вавилонских младенцев. Этот стих находится в самом конце широко известного и вдохновляющего псалма, но на практике его часто опускают. Это происходит не

только в большинстве церквей и синагог: когда в 1978 году группа Boney M создала свой всемирно известный хит на слова этого псалма («*By the Rivers of Babylon*»), последний стих там также не звучал. Подобным образом сегодня христиане при чтении в церквах постоянно опускают слова евангелиста, объясняющего, почему ученики Иисуса скрывались после распятия: «из страха перед Иудеями»³³⁸.

В нынешние времена церкви отбирают тексты для публичного чтения более систематичным образом, так что прихожане все реже слышат смущающие отрывки. Библейские отрывки всегда были важной частью христианского богослужения, и потому в церквах есть лекционарии, указатели чтений на определенные дни литургического года. Сюда входят тексты как Ветхого Завета, так и Нового Завета, которые говорят об одной и той же теме или как-то перекликаются между собой и обычно перекликаются также и с темой праздника данного дня или периода. Обычно в эти дни произносятся проповеди именно на эти тексты. Чтобы познакомить конгрегацию с широким кругом отрывков Писания, эти чтения распределяются по циклам в два или три года³³⁹.

В течение этого периода верующие могут разобратся с Новым Заветом, но Ветхий Завет намного обширнее и куда труднее для понимания. Один подход состоит в чтении подряд, даже если отдельные отрывки слишком длинны и если они усыпляют современного читателя («Реаия, сын Шовала, родил Иахафа; Иахаф родил Ахума...»).

Есть и другой подход: выбрать ключевые отрывки из всей Библии; именно так и поступают многие церкви, уделяя особое внимание тем текстам, которые легко вписываются в христианский контекст. Яркий пример такого подхода — чтение Исаии в старых переводах, где говорится: «се, Дева во чреве примет»³⁴⁰.

С 1960-х годов в разных деноминациях появился общий интерес к литургическим реформам. Так, вместе христиане создали Пересмотренный общий лекционарий (*Revised Common Lectionary* — сокращенно *RCL*). Он появился в конце 1960-х, а затем обрел свою окончательную форму в 1994 году. Это был большой шаг в сторону экуменизма: данным лекционарием пользуются не только основные протестантские деноминации (лютеране, методисты, члены епископальных церквей, пресвитериане), но и католики, а также многие не столь многочисленные группы христиан. Более того, лекционарий *RCL* используется не только в Северной Америке, но и во всем англоязычном мире³⁴¹. Но, несмотря на то, что этот лекционарий широко используют, его чтения из Ветхого Завета продолжают вызывать споры. Этот лекционарий основан на католической традиции воскресных чтений: здесь за ветхозаветным отрывком следует псалом, далее идет новозаветное послание и все завершается евангельским чтением. Ветхий Завет не читается здесь подряд, но частями, и потому лекционарий может опустить какие-то тексты. Таким образом лекционарий *RCL* стал мирным и гладким каноном канона, включающим в себя

менее половины текста Писания. Таким образом, за богослужением звучит лишь меньшая часть всего Писания.

Допустим, какой-то верующий посещает церковь, где используется лекционный *RCL*, и этот прихожанин не пропустил ни одной воскресной или особой праздничной службы. Если даже на протяжении трех лет он внимательно вслушивался во все чтения, он мог услышать лишь малую и не самую характерную часть наиболее противоречивых книг. (См. Таблицу 3: «Ветхозаветные чтения в лекционной *Revised Common Lectionary*».)

Таблица 3
ВЕТХОЗАВЕТНЫЕ ЧТЕНИЯ В ЛЕКЦИОНАРИИ
REVISED COMMON LECTONARY

Данная таблица суммирует чтения за три года литургического цикла. Тексты я описываю своими словами.

Исход

- 1:8–2:10* Израиль в египетском рабстве
- 3:1–15* Бог является Моисею
- 12* Пасха и исход из Египта
- 14* Переход через Чермное море
- 15:1b — 13, 17–18, 20–21* Песнь Моисея и Мириам
- 16:2–15* Бог дает манну в пустыне
- 17:1–7* Моисей извлекает воду из скалы
- 19:2–8a* Бог предлагает Израилю свой Завет
- 20:1–20* Десять заповедей
- 24:12–18* Моисей получает Закон на горе
- 32:1–14* Израиль отвернулся от Бога и начал поклоняться золотому тельцу
- 33:12–23* Моисей видит славу Божию (хотя не во всей полноте)

34:29–35 После встречи с Богом лицо Моисея сияет

Числа

6:22–27 Аарон благословляет Израиль

11:4–6, 10–16, 24–30 Израиль требует себе пищи в пустыне

21:4–9 Моисей подымает медное изображение змея в пустыне

Левит

19:1–2, 9–18 Бог дает Израилю нравственные законы

Второзаконие

4:1–2, 6–9 Бог требует послушания его закону

5:12–15 Десять заповедей

6:1–9 Законы, которые Израиль должен хранить, чтобы он мог владеть землей

8:7–18 Обетование Бога о земле

11:18–21, 26–28 Наставления Бога, касающиеся заповедей

18:15–20 Бог обещает воздвигнуть пророка для народа

26:1–11 Как израильтяне должны праздновать момент появления первых плодов земли и как они должны благословлять Бога

30:9–20 Повеление слушаться Бога, чтобы получить долгую жизнь и достаток

34:1–12 Смерть Моисея

Иисус Навин

3:7–17 Переход через Иордан и вступление в Землю обетованную

5:9–12 Пища Земли обетованной

24:1–3а, 14–25 Пересказ истории Израиля и призыв верно служить Богу

Судьи

4:1–7 История Деворы

Ездра

Нет чтений

Неемия

8:1–3, 5–6, 8–10 Ездра читает закон народу

Эсфирь

7:1–6, 9–10; 9:20–22 Поражение и смерть Амана

Источник: Consultation on Common Texts, *Revised Common Lectionary* (Nashville: Abingdon Press, 1992).

На самом же деле такой процесс отбора самых увлекательных отрывков не полностью отражен данной таблицей, поскольку некоторые из чтений не обязательны, то есть они могут и не прозвучать в церкви. Так, за год прихожане могут не услышать ни одного стиха, скажем, из Книги Иисуса Навина или за два года ни разу не услышать чтений из Книги Чисел или Левит.

Составители лекционария *RCL* подвергли жесткому отбору даже самые популярные библейские книги. Они выбирали такие тексты, которые, по их мнению, соответствовали общим представлениям о христианстве. Книга Исхода там звучит как история избавления и искупления, прообраз истории христианского спасения. Когда Моисей на горе беседует с Богом, это готовит читателя к рассказу о преображении Христа, и потому данный отрывок Исхода должен был войти в лекционарий. Таким христологическим подходом объясняется и то, что в круг чтений вошла история о медном змее, которого Моисей поднял для того, чтобы, глядя на него, израильтяне получали исцеление. Христианские комментаторы давно видели здесь прообраз креста, и именно так понимается этот отрывок в Евангелии от Иоанна. Не прихо-

дится удивляться тому, что этот отрывок вошел в лекционарий, как будто только этот текст оправдывает существование Книги Чисел³⁴².

Мы, однако, не найдем в лекционарии других ярких историй из Книги Чисел, в том числе историй о Финеесе, о поражении царя Сигона и убийстве мидьянитян Моисеем. В избранные тексты из Книги Исхода не попали некоторые проблематичные отрывки, такие как пророчество об изгнании местных народов из Ханаана и повеление уничтожить следы их религии. Хотя в лекционарий вошла история того, как Моисей добыл воду из скалы, следующий прямо за нею эпизод о борьбе с Амалеком не попал в круг чтений³⁴³. Верующие не услышат чтения о битвах из Книги Чисел и Второзакония или отрывков о сегрегации из Книги Ездры и Книги Неемии. Проповедникам не придется объяснять пастве, что такое *херем*, или объяснять, почему Моисей сохранил в живых лишь тех мидьянтянок, которые не знали сексуальных отношений.

Таким же образом лекционарий тщательно отсеивает проблематичные отрывки из других книг. В нем хорошо представлены Первая и Вторая книги Царств, поскольку Давид считается прообразом Христа. Однако в круг чтений не вошли такие истории, как битва Саула с амалекитянами или убийство Агага. И это смотрится еще более странно на фоне того факта, что в лекционарий был включен эпизод, следующий непосредственно за данным событием, когда Самуил покидает Саула и ставит Давида новым царем. Однако без

инцидента с амалекитянами вся эта история лишается контекста и становится непонятной.

Книгу Иисуса Навина особенно часто читают Великим постом, в том числе в это время звучит отрывок о манне, служившей пищей израильтянам до того момента, как они впервые вкусили плодов Ханаана, после чего Бог перестал давать манну. Нет ничего удивительного в том, что в христианской традиции этот отрывок связывают с евхаристией. Кроме этого, из Книги Иисуса Навина читаются только лишь еще два отрывка: текст о переходе через Иордан и значительная часть главы 24, содержащей краткий пересказ истории покорения Ханаана. Предполагается, что христиане, слушая эти чтения, увидят во вступлении израильтян в Землю обетованную прообраз церкви, которая пересекает реку спасения и получает избавление от греха и смерти.

Какую же картину оставшиеся отрывки передают? Хотя все они прямо связаны с покорением Ханаана, в них начисто отсутствуют какие-либо упоминания об истреблении местных народов. Правда, в чтении из главы 3 звучит обещание изгнать ханаанеев — однако именно изгнать, а не искоренить. Но в лекционарий не вошло ни стиха из самых проблематичных текстов глав с 6 по 11, где описываются массовые убийства. Хотя вслед за рассказом о манне сразу следует история разрушения Иерихона, нынешние верующие ничего не услышат о последнем событии. Как мы видим, лекционарий *RCL* включил в круг чтений вводные слова из последней главы, но затем от стиха 14

перескакивает к стиху 25, не давая читателю понять, что здесь произошел скачок. В опущенных стихах речь идет о покорении и истреблении амореев и царя моавитян, о падении Иерихона и об изгнании семи народов Ханаана. Если слушатель не знаком с этими пропущенными стихами, у него создается впечатление, что враждебные народы, упомянутые в данной главе, были вооруженными воинами, разбитыми в битвах, а не гражданским населением, против которого совершались акты геноцида.

Самая крупная религиозная организация США — Римско-католическая церковь — указывает чтения не только для воскресных дней, но и для всех будничных служб, а также для особых праздников и церемоний. Но даже если бы какой-то католик ходил буквально на все эти службы, он все равно услышал бы только избранные места из Ветхого Завета. Те книги, которые интересны христианам и вызывают у них воодушевление (католики, например, очень любят Книгу пророка Исайи), представлены в достаточной полноте, но Книга Иисуса Навина остается предметом строгого отбора.

Нынешние проповедники нередко говорят о том, что Ветхий Завет смело бросает вызов миру, имея в виду социальный радикализм Амоса или безжалостную критику войны и несправедливости со стороны таких пророков, как Исайя и Иеремия. Но вряд ли часто можно услышать проповедь, в которой объяснялось бы повеление не оставлять никого в живых или то, по-

чему отказ убить свою жертву вызывает гнев Бога. В некоторых церквях проповедники, несомненно, говорят о завоевании Ханаана, о Финеесе и Иисусе Навине, об Ездre и Неемии, но такие церкви принадлежат к меньшинству; кроме того, даже и здесь не услышишь проповеди о самых кровавых отрывках. В церквях могут звучать суровые слова, но эти слова прошли тщательный отбор.

Разумеется, никто не запрещает христианам читать смущающие тексты самостоятельно, индивидуально или в небольшой группе, изучающей Библию, — хотя многие подобные группы пользуются тем же лекционным, отбирая тексты Писания, либо изучают отрывок, который прозвучит в ближайшее воскресенье, либо изучение Библии для них связано с проповедью.

Рядовые христиане **МОГУТ**
самостоятельно изучать Книгу
Иисуса **Навина**, **Книгу** Ездры
и Второзаконие, но **МНОГИЕ** ли
из них это делают?

Рядовые христиане могут самостоятельно изучать Книгу Иисуса Навина, Книгу Ездры и Второзаконие, но многие ли из них это делают?



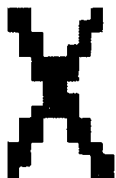
Стратегии отрицания и отбора текстов для чтения, несомненно, выполняют свою функцию. Рядовые христиане и иудеи просто ничего не знают о существовании отрывков о геноциде, и кто-то может сказать: прекрасно, что религия избавилась от подобных идей. Но это порождает свои трудности, особенно для христиан, которые обманывают себя относительно основ своей веры и Писания, которому они обязаны хранить верность. Бескровная Библия дает лишь дешевую благодать.

9

Историки и пророки

У всех народов Мой Храм называться будет Домом молитвы!

Ис 56:7



Хотя некоторые христиане готовы отрицать ценность тех или иных разделов Библии, в этом нет необходимости. Несмотря на то что нам кажется, что с иными ужасными текстами примириться невозможно, на самом деле данная задача выполнима и приводит к самым ценным результатам. В идеале такой подход позволит не просто читать жуткие тексты или произносить о них проповеди, но и поможет нам понять многие другие части Писания, которые со временем стали трудными или противоречивыми.

История и вера

Первый наиважнейший шаг к такому примирению состоит в понимании того, с какой целью были написаны

разные библейские книги и какую главную мысль стремились передать читателям их авторы. И прежде всего, нам надо понимать, в какую форму облечена любая история. Смушающие отрывки Библии надлежит читать как повествования, как рассказанные кем-то истории, а не просто как заметки нейтрального наблюдателя.

Повествование о покорении и заселении Ханаана во Второзаконии и Книге Иисуса Навина представляет собой *историю* — а это слово нуждается в объяснении. Обычные люди часто думают так: если перед нами книга об истории, она описывает подлинные события, описывает нечто реальное. Однако ученые используют это слово для описания литературной формы повествования, которое отличается от простых анналов, или хроник (в древнем мире встречались оба этих литературных жанра). Мы понимали бы события покорения Ханаана иначе, если бы перед нами были анналы, описывающие последовательность событий примерно так:

В таком-то году Иисус Навин взял город Гай, и ему досталось много добычи.

В таком-то году Иисус Навин направил свое войско на запад.

В таком-то году Иисус Навин лишил жизни пятерых царей.

И так далее, без комментариев или истолкований.

Но повествования Второзакония и Книги Иисуса Навина — это не хроники, не просто анналы, но история. Это означает не то, что дан-

ные повествования в буквальном смысле верны и отражают реальные события, но то, что перед нами нарратив, созданный его авторами и редакторами, которые использовали определенную историю, придав ей нужную форму. У этой истории есть своя задача или своя тема, и она обращена к определенной аудитории. На протяжении веков развивалось повествование, то же самое происходило с его темами, которые стремились подчеркнуть разные сменявшие один другого редакторы. Иногда потребность донести мысль до разного рода аудиторий приводила к тому, что текст терял связность или даже становился внутренне противоречивым.

Как утверждал Барух Гальперн, авторы Ветхого Завета были не просто историками, но *первыми* историками. Они первыми стали создавать то, что мы сегодня называем историей, и этот факт имеет как светлую, так и темную стороны. К светлой стороне относится то, что мы имеем глубоко продуманные исторические нарративы, а значит, перед нами удивительные памятники древней литературы, которые содержат яркие и художественные повествования о людях и местах. Эти истории обладают такой силой, что наша культура черпает из них вдохновение и сегодня. (Один из примеров: песня Леонарда Коэна «Аллилуйя», построенная на истории царя Давида, которая стала одним из самых популярных и заметных музыкальных произведений последних тридцати лет.) Однако эти истории настолько сильны и убедительны, что последующие поко-

ления были склонны понимать каждое их слово буквально, как отчет о реальных событиях. Если читатели неверно понимают намерения авторов, они вырывают библейские стихи и истории из контекста, который чрезвычайно важен для их понимания³⁴⁴.

Когда мы помещаем мрачные отрывки в контекст большой повествовательной и исторической традиции, мы начинаем замечать удивительные вещи. Эти тексты перестают казаться пережитками варварского прошлого, которые каким-то образом сохранились в книгах, отражающих глубокую богословскую традицию; скорее мы видим, что они отражают эту сложную традицию в момент ее расцвета. С виду эти ужасные тексты резко противоречат тому, чему учили великие еврейские пророки, а на самом деле

Если мы себя спросим, о чем
«на **самом деле**» говорят Книга
Иисуса Навина и Второзаконие,
то поймем, что их ключевой темой
является нечто иное, нежели геноцид
или война

они прямо связаны с учением этих духовных великанов.

Как пророки, так и исторические повествования изначально стремились передать одну и ту же мысль примерно тем же самым людям. Если мы себя спросим, о чем «на самом деле» говорят Книга Иисуса Навина и Второзаконие, то поймем, что их ключевой темой является нечто иное, нежели геноцид или война. Скорее эти книги со всей ясностью подчеркивают два наиважнейших принципа Библии и иудеохристианской традиции: монотеизм и принцип избранности. Они также отражают веру в то, что Бог непосредственно вмешивается в ход исторических событий и формирует или искореняет земные государства и общества — эта идея занимает центральное место и в иудаизме, и в христианстве, и в исламе. Эти книги отличаются от других более известных разделов Библии не по своим главным идеям, но лишь по тому, какие средства здесь используются для передачи этих идей³⁴⁵.

Прогресс веры

Если бы мы читали Библию как роман, начав с первой книги и продвигаясь вперед, мы ожидали бы увидеть, как нравственность и культура развиваются с течением времени. Тогда мы могли бы себе сказать, что Книга Иисуса Навина и подобные ей тексты отражают дикарское состояние общества, которое затем постепенно прони-

кается более мудрыми взглядами Исайи и других пророков. Все начинается с примитивного кровопролития, но затем развивается нравственное сознание, так что акты насилия начинают смущать позднейшие поколения, которые пытаются как-то объяснить подобные вещи или решительно от них отказаться.

Идея о том, что Бог открывал себя человечеству постепенно, достаточно привлекательна. Да, Бог вчера, сегодня и всегда один и тот же, но его восприятие человеком менялось на протяжении тысячелетий. На каком-то этапе истории Бог велел делать такие вещи, которые казались тогдашним людям нормальными, но потом, поскольку человечество развивается и движется вперед, таковыми уже не кажутся. Многие евангелические христиане считают, что в разные исторические эпохи Бог давал разные повеления, в зависимости от типа завета, который действовал на тот момент, с его народом. Так, некогда Бог заключил завет с Ноем, затем был завет Моисея, а потом воплощение и смерть Христа ввели в действие последний завет, верность которому мы должны хранить. Согласно такой точке зрения верующие, живущие по новым заповедям, свободны от правил и принципов, которые действовали в предшествовавшие эпохи. Либеральные и прогрессивные христиане (хотя они исходят из совершенно иных предпосылок) могут с этим согласиться: эволюция и рост нравственного сознания, скажут они, в итоге позволяют верующим перерасти легалистические ограничения Библии,

которые действовали в более примитивных обществах³⁴⁶.

Быть может, и сам Бог учится и развивается. В 1936 году вышел фильм «Зеленые пастбища» (The Green Pastures), через который популярная культура странным образом внесла свой вклад в богословие. Данный фильм основан на популярной пьесе Марка Коннели, в нем задействованы великолепные актеры, исключительно чернокожие. Он содержит пересказ ветхозаветных историй так, как их себе представляют дети из сельской воскресной школы Юга. Некоторые герои с их бородами из сахарной ваты здесь подчеркнута абсурдны, а стереотипы преувеличены. Бог — это Хозяин. Одна тема данного фильма заслуживает нашего внимания. Взаимодействуя все с новыми и новыми поколениями людей, Хозяин все сильнее огорчается их злодеяниями и пороками и наконец в один момент полностью отказывается от контакта со своим творением. Однако через какое-то время Бог потрясен новостями из мира людей: он узнает, что кто-то из них мужественно сражается за правду и справедливость (мимоходом в фильме возникают умелые и хорошо вооруженные солдаты из афроамериканцев, что поразительно для того периода истории Голливуда). Еще поразительнее то, что эти доблестные воины сражаются во имя Бога, каким они себе его представляют, который явно нравственно выше, чем слишком пылкий и несдержанный Хозяин, изображенный в предыдущих кадрах. Бог не велел людям делать что-либо подобное и даже с трудом

их понимает. Но эти настоящие евреи уже давно оставили позади сурового старого Бога мести и гнева. Они продолжают с уважением относиться к Моисею, но теперь следуют великим пророкам, таким как Осия, и, несмотря на свои страдания, верят в Бога безграничного милосердия. Человечество сделало шаг вперед в нравственном смысле, но то же самое происходит и с Богом, который прямо признает, что «отстал от жизни». Он чему-то научился у своего творения и потому пожелал принять участие в страданиях людей через добровольную жертву Иисуса. Люди учатся у Бога, Бог учится у людей³⁴⁷.

Некоторые мыслители всерьез размышляли о возможности такого развития. В книге «Эволюция Бога» Роберт Райт утверждает, что все основные религии постепенно улучшаются, стремясь к большей терпимости и становясь более нравственно чуткими. Я не могу целиком и полностью согласиться с этим заявлением: такую тенденцию трудно увидеть во всех религиях, кроме того, позднейшие толкователи священных текстов часто в нравственном отношении стоят ниже тех слов, которые они обсуждают. Тем не менее картина такой эволюции, кажется, позволяет нам объяснить загадки библейских повествований. Мы находим здесь на одном полюсе капризного и кровожадного племенного Бога историй о завоевании Ханаана, которое происходило в XII веке до н. э., тогда как в VI веке он обрел иные черты и стал величественным всеобщим Богом милосердия, справедливости и любви, о котором говорил Иса-

йя и другие великие пророки. Христиане скажут, что еще один шаг вперед произошел тогда, когда Иисус явил образ радикального Бога. Если упростить картину почти до уровня пародии, дело будет выглядеть так: около 1200 года до н. э. Бог был опрометчивым подростком, но к 700 году заметно повзрослел, а к 500 приобрел подлинную мудрость и постоянство. К I веку н. э. он стал Богом, достойным искреннего восхищения. Бог становился все лучше с течением времени — либо, по крайней мере, люди учились понимать его лучше³⁴⁸.

Если бы мы действительно могли ясно наблюдать проявления подобной закономерности, это во многом позволило бы нам разрешить загадку самых кровожадных текстов. Райт предполагает, что эта модель отражает не просто рост чуткости людей, но, возможно, действие руководящего сознания, которое зовет человечество к новым нравственным высотам. «...В той степени, в которой «бог» развивается, этот процесс является свидетельством — пусть и не значительным, но хоть *каким-то* свидетельством высшей цели»³⁴⁹.

Вера пророков

Эволюционная гипотеза наталкивается на одну простую проблему: эта хронология здесь просто не работает. Хотя наиболее проблематичные тексты, Книги Иисуса Навина и Второзаконие, описывают события начала железного века, созданы они были значительно позже — фактически в то

самое время, когда пророки заговорили о великой универсальной религии. Другими словами, отрывки о покорении Ханаана, все эти ужасы войны по правилам *херема*, относятся не к далеким временам до начала создания Библии, но к тем временам, когда работа над ней шла полным ходом. Эти отрывки не есть отдаленные предшественники эпохи пророков, скорее они представляют собой неотъемлемую часть религиозного и литературного процесса. Повествования о геноциде нельзя отделить от всей истории в целом. Вот почему любая попытка очистить Писание от этих текстов или постараться о них забыть неизбежно искажает веру, которая, как утверждают ее приверженцы, основана на Библии.

Критический период создания этих повествований тянется от VIII к VI веку до н. э., а это самая середина той трансконтинентальной эпохи культурных инноваций, которую философ Карл Ясперс назвал «осевое время». В эту эпоху еврейская религия стала глубокой и сложной и достигла своей кульминации в те моменты, когда действовали великие пророки, примерно между 780 и 500 годами до н. э. (см. Таблицу 4: «Еврейские пророки»). К ним относятся такие знаменитые герои, как Иеремия, Иезекииль, Амос и два (а возможно, три) пророка, чьи труды собраны вместе и надписаны именем Исаяи. Точная датировка здесь невозможна: в тексте Книги пророка Исаяи и других пророков ученые находят несколько слов, создававшихся, возможно, на протяжении столетий³⁵⁰.

ТАБЛИЦА 4 ЕВРЕЙСКИЕ ПРОРОКИ

Все даты имеют приблизительный характер

Годы (до н. э.)	деятельности пророков
775	Амос
750	Осия, Иоиль
725	Первый Исайя, Михей
700	—
675	—
650	Наум
625	Аввакум
600	Иеремия
575	Иезекииль
550	—
525	Второй Исайя, Первый Захария
500	Малахия

Пророческое движение появилось в то время, когда еврейский народ переживал смертельную опасность, в момент того кризиса, о котором уже говорилось выше. В 721 году до н. э. северное царство, Израиль, исчезло с лица земли. Эта политическая катастрофа стала ужасным шоком для сохранившегося народа Иуды, тем более что в то же время шла и культурная трансформация. Из-за роста Ассирийской империи такие страны, как Израиль, жившие в относительной изоляции, начали сталкиваться с иными культурами и религиями. Влияние космополитизма неизбежно должно было заставить еврейских мыслителей задуматься об идентичности своего народа, местным культурам грозило исчезновение. Израиль, находившийся на перекрестке путей Африки и Азии, и получал выгоды от своего географического поло-

жения, и страдал из-за него. Как это было раньше и случалось позже, еврейский народ оказался перед выбором: либо он должен сдаться и усвоить крайне привлекательную культуру иных народов, либо ему надо бороться за сохранение своей уникальности и своей особой веры.

Кризис VIII века вынудил еврейских царей и священническую элиту задуматься о роли своего народа в мировой истории. Одни правители были рады обратиться к иноземным религиям и обычаям, другие приняли радикально новую версию монотеизма, в которой наиважнейшее место занимал уникальный завет Бога со своим народом. Пророки могли оказывать влияние на таких царей, как Езекия, в свою очередь, примеры подобных царей были для них источником нового вдохновения. Сражение за эту версию монотеизма стало крайне жарким в VII веке, особенно в период, предшествовавший падению Иерусалима в 586 году до н. э. Все речи пророков, все рассказы древних историков следует понимать на фоне этого кризиса и ужасающей опасности. Если народ совершит неверный шаг, может оказаться, что исчезнут не десять, а все двенадцать колен³⁵¹.

Бремя избранников

Хотя у каждого пророка был свой неповторимый голос, они подняли некоторые общие великие темы, которые наложили глубокий отпечаток

как на иудаизм всех последующих лет, так и на христианство. Чрезвычайно важен их универсализм: они считали Бога верховным Господом всего мира и всех живущих в нем народов, а не одного племени или одной расы. Если вспомнить о культурном кризисе той эпохи, мы можем понять, что это был естественный ответ на усилившееся влияние космополитизма и на беспрецедентное столкновение с окружающим миром. Верность этому Богу предполагала решительную приверженность справедливости и этическим нормам, что теоретически могли практиковать любые народы земли. Евреев выделяло то, что на их плечи была возложена крайне тяжелая ответственность за выполнение этих заповедей. Принадлежность к избранному народу могла выглядеть как ужасающее бремя.

Чрезвычайно важен

универсализм пророков:

они считали Бога **верховным**

Господом всего мира и всех

живущих в нем народов, а не одного

племени или одной расы

Вероятно, уже в 770-х годах пророк Амос произнес серию беспощадных слов в адрес соседних языческих народов, которых ожидали ужасы Божьего суда, с чего начинается его книга. Еврейским слушателям это могло понравиться: слова пророка звучали как откровенная пропаганда национализма с обличением всех противников. Но затем Амос произнес подобные обличения и угрозы, обращаясь уже к Иуде и Израилю. Если евреи втаптывают в грязь бедных и несправедливы к угнетенным, они ничем не лучше соседних народов и будут гореть в том же огне гнева. Бог говорит своему народу через Амоса:

Изо всех племен земли
только вас Я избрал,
потому и взыщу с вас
за все ваши грехи!

«Потому», а не «несмотря на это». Когда пророки вспоминали о завоевании Ханаана в древности, они никогда не хотели сказать: «И вскоре наши непобедимые легионы таким же образом поступят с покоренными соседями». Скорее они всегда хотели сказать другое: «И если мы вскоре не подчинимся Божьей воле, нас также ждет уничтожение». О связи между владением землей и законом прямо говорит Псалом 104:

[Бог] дал им земли других народов,
они наследовали труды этих народов.
Так пусть теперь соблюдают законы Его
и хранят заповеди Его!³⁵²

Как это понимали пророки, такой этический императив по важности перевешивал культовые предписания; ритуалы имели смысл только в сочетании со страстным стремлением к справедливости и милосердию, особенно по отношению к бедным. Михей утверждал, что Бога не порадуют тысячи принесенных в жертву баранов или быков — или даже принесение в жертву своего сына-первенца³⁵³. Бог у Амоса яростно говорит своему народу: «Ненавижу, гнушаюсь праздниками вашими, не хочу вдыхать дым ваших праздничных жертв! Приносите Мне всесожжения — а Я ваших жертв не приемлю». Этот отрывок кончается знаменитой фразой, которую часто используют в американской политической риторике и которую цитировал Мартин Лютер Кинг. Вместо фальшивого благочестия, говорит Амос, «пусть лучше рекой потечет правосудие, справедливость — потоком несохнувшим». Религия без справедливости, лишенная совести, не просто бесполезна, но кошмарна³⁵⁴.

Неверность закону Бога имеет катастрофические последствия. Как считали пророки, Бог часто говорил языком войн и насилия, но именно Бог, а не люди, производит разрушительные действия. Около 720 года Исайя провозгласил, что Бог применит *херем* ко всем прочим народам и отдаст их на закление. В эпоху ассирийской экспансии это предупреждение звучало слишком правдоподобно как предсказание о грядущих политических событиях. Позже в главе 63 Книги пророка Исайи появляется один из самых шоки-

Один из самых шокирующих
образов Библии — Бог в одеяниях,
пропитанных кровью убитых врагов,
как будто он топтал красный
виноград в точиле (Ис 63:1–4)

рующих образов Библии — Бог в одеяниях, пропитанных кровью убитых врагов, как будто он топтал красный виноград в точиле. Но если Бог и в самом деле воин, то он больше сражается с Израилем, отвергшим его заповеди, чем со внешними врагами из язычников³⁵⁵.

Предупреждения о грядущей катастрофе стали еще чаще звучать около 600 года на фоне появления нового агрессивного соседа: Ассирия сошла со сцены, но Вавилон был не менее опасен. Пророк Иеремия предупреждал жителей Иерусалима, чтобы они не полагались на Храм в слепой вере в то, что он каким-то образом защитит их и город. Силом, прежнее святилище Израиля, некогда также было особым святым местом для народа, отмечает Иеремия, но ассирийцы мгновенно

его разрушили. По словам Иеремии, Бог в своем гневе объявит войну по правилам *херема* Израилю. Бог произносит здесь ужасные и величественные слова: «Я... обреку их на ужас и унижение, на вечное опустошение». У Второго Исайи Бог говорит, что он «отдал Иакова на уничтоженье [*херем*], Израиля на поношение отдал». Пророки предвидели последний день гнева и суда, который верующим следует держать перед своими глазами. Этот образ крайне важен для христиан первых веков и для появившейся позднее религии Мухаммеда³⁵⁶.

Пророки задавали крайне смелые вопросы. Некоторые из них даже были близки к радикально новому представлению о личной ответственности, что совершенно поразительно для эпохи, когда вина и грех считались коллективными категориями, относящимися к семейству или клану. Нет, говорит пророк, каждый отдельный человек несет всю полноту ответственности за исполнение условий завета с Богом. В Книге пророка Иезекииля Бог смеется над традиционным представлением о том, что ребенок должен страдать за грехи своих предков. Почему, спрашивает Бог, вы повторяете пословицу: «Отцы ели кислый виноград, а зубы разболелись у сыновей»? Все не так. «Все живущие — в Моей власти! И жизнь отца, и жизнь сына — в Моей власти! Кто согрешил — тот и умрет!» Стоит в свете этого отрывка подумать о текстах о завоевании Ханаана, и получается поразительная картина — в частности, здесь уже нет места вечной вражде с амалеки-

тянами. Как это понимает Иезекииль, каждого отдельного амалекитянина следует судить по его делам, а не на основании пороков его древних предков³⁵⁷.

Девтерономист(ы): попытка датировки

Легко сделать вывод о том, что эти озарения пророков, эти представления об очистившемся Израиле отражают намеренный отказ от племенного прошлого с его варварством, которое ярче всего представлено в повествованиях Девтерономиста (автора Второзаконнической истории) о завоевании Ханаана. В таком случае Книга Иисуса Навина представляет древний шовинистический милитаризм, который вызывал насмешки Амоса и подобных ему радикалов. У такой точки зрения с ее четкой исторической схемой есть один существенный недостаток: мы не вправе утверждать, что самые кровавые отрывки Писания были созданы гораздо раньше прочих и что последующие поколения переросли отраженные там примитивные склонности людей.

Вернемся к хронологии, о которой мы уже некогда говорили. Если мы вспомним о датах создания разных частей Библии, то можем уверенно датировать Второзаконие VIII–VII веками до н. э., а пространную девтерономистскую историю VI веком. Иными словами, самые кровавые отрывки Библии появились в те же вре-

С а м ы е кровавые **Отрывки**
Библии появились в те же
времена, когда великие пророки
говорили об универсализме
И социальной справедливости

мена, когда великие пророки говорили об универсализме и социальной справедливости. В те же годы была записана вошедшая в Книгу Иисуса Навина история о покорении Ханаана, где особое внимание уделялось уничтожению людей и геноциду. Ее авторы пытались не просто описать захват земли, но хотели рассказать эту историю таким образом, что она удивляет нас своим злом и садизмом. Но к тому времени, как эта книга обрела свою каноническую форму, величайшие пророки все еще действовали или умерли только недавно. Тексты о покорении Ханаана были плодом «осевого времени»³⁵⁸.

Если мы примем такую хронологию, мы можем сразу понять, что пророческие тексты не так уж радикально отличаются от исторических и что ценности пророков не столь уж уникальны,

но присущи и другим книгам. И фактически в еврейской традиции нет жесткой границы между историей и пророчеством. Книги с историческими повествованиями от Иисуса Навина до Царств называются здесь Ранними Пророками (*Nevi'im Rishonim*), а книги явно пророческого жанра — Поздними Пророками (*Nevi'im Aharonim*). Пророк Самуил — важнейший деятель истории Девтереномиста, и мы помним, что именно Самуил убил царя Агага. Это показывает, что подлинным исполнителем правила *херема* является не царь Саул, а пророк Самуил. Пророкам Илии и Елисею уделено немало места в двух последующих исторических книгах, которые обычно называют Третьей и Четвертой книгами Царств. Удивительные слова Иезекииля о личной ответственности и о том, что потомки не несут вины за дела отцов, перекликаются с идеями Второзакония и Четвертой книги Царств³⁵⁹.

Некоторые библеисты полагают, что общие черты пророков и историков объясняются не только сходством их идеологий, но и пересечениями на личном уровне. Отмечая тесные параллели между Девтереномической историей и учением пророка Иеремии, некоторые полагают, что *самим* Девтереномистом, то есть последним наиважнейшим редактором текстов, мог быть либо Иеремия, либо кто-то из его близких последователей, например, писец Варух³⁶⁰.

Два этих жанра, пророческий и исторический, вовсе не конфликтуют между собой, но взаимно друг друга дополняют. Это два разных аспек-

та одного и того же движения. Девтереномисты отличаются от пророков не по пункту конечного назначения, но по пути, которым они идут, не по целям, но по жанру.

Единый Бог

Девтереномисты настаивали на том, что народ израильский должен полностью отделиться от соседних народов — потому что Бог Израеля радикально иной, чем все его соперники. Они постоянно помнили о том, что народ нуждается в абсолютном монотеизме, что ему нужно жить в чистоте веры и культа, хотя такая модель вступала в конфликт с более древними аутентичными традициями. Подобно пророкам, слова которых нас восхищают сегодня, девтереномисты также указывали на Бога, который правит всем миром и который один достоин поклонения. Таким образом, горькие слова Книги Иисуса Навина и Второзакония отражают важный этап роста и развития религии евреев³⁶¹.

Согласно их представлениям — независимо от исторической точности их повествований, — Израиль, обосновавшийся в Ханаане, был новым творением, призванным создать и поддерживать сообщество, абсолютно преданное Богу. Радикально новый народ, поселившийся на Земле обетованной, должен был уничтожить память о прежних народах, их обычаях и религии. Мы нередко используем слово «радикальный», не задумываясь

о его смысле, но он здесь идеально подходит к тому, о чем идет речь: это значит, что надо все изменить начиная от самых корней. Чтобы посадить новое растение, нужно было искоренить, полностью устранить все, что существовало здесь ранее. Чем реальнее была опасность того, что народ потеряет свою землю и свою идентичность, тем сильнее было отчаянное желание защитить эти ценности любой ценой³⁶².

Девтерономисты отличались от пророков лишь тем, что раскрывали свои представления не через поэтические образы и видения, но через историческое повествование, где народы Ханаана в какой-то мере олицетворяли собой бесов, которых надо было изгнать. Именно поэтому, рассказывая свою историю, авторы на каждом шагу стремились противопоставить Израиль этим народам с их культурой, отделить народ Божий ото всех прочих. Описывая участь ханаанеев, авторы использовали самые мрачные краски из всех возможных, потому что это служило грозным и неотложным предостережением еврейскому народу: вернитесь к Богу, иначе вас ждет уничтожение. Израиль должен убить своих внутренних ханаанеев. Быть может, позднейшие комментаторы — как иудейские, так и христианские, — не так уж сильно ошибались, когда толковали эти массовые убийства аллегорически.

Чтобы лучше понять идею, какую эти тексты должны были передать израильтянам, давайте обратимся к выдуманной исторической ситуации. Представьте себе альтернативную Америку с со-

вершенно иной историей, где знания о реальном прошлом достаточно скудны. В такой Америке используется один яркий национальный миф. Ранее страну заселяла раса угнетателей, *никак не* связанных с нынешними обитателями земли. Их звали «англичане», и мы даже не знаем, на каком языке говорили между собой эти злодеи. Их побеждали в битвах пришедшие сюда американцы, которых вели в бои Джордж Вашингтон и Томас Джефферсон, пытавшиеся истребить всех англичан: мужчин, женщин и детей. Тем не менее каким-то англичанам удалось сохраниться, и они несли в себе опасность для нового народа. И когда позднее американцы страдали от тирании или угнетения, от экономической или религиозной эксплуатации, они всегда считали, что это были последствия неполного искоренения злодеев при захвате земли в древности. Чтобы страна хранила верность тем принципам, на которых основана ее жизнь, американцы должны постоянно бороться с пережитками английского прошлого. Создатели этого мифа понимали его слабые места: они знали, что взбунтовавшиеся в 1776 году американцы опирались на общее английское наследие с его политическим и расовым, культурным и лингвистическим аспектами. Но эти недостатки мало их волновали, поскольку данный миф обладал силой и стал фундаментальной частью программы реформистов, стремившихся к радикальным преобразованиям.

Нечто подобное происходило при создании этой библейской истории. Девтерономисты стре-

мились к религиозной реформе — утверждали веру в единого Бога, обладавшего абсолютной властью, — а для этого им приходилось настаивать на полном отделении от других народов. Они думали, что только верность строгому монотеизму позволит Израилю выполнить свое историческое предназначение — создать справедливое общество³⁶³.

Для всего мира

Дав всему надлежащее историческое обоснование, пророки и библейские историки могли полнее объяснить, что будет значить полный разрыв с политеизмом. С одной стороны, это должно было породить общество, решительным образом отличающееся от обществ соседних народов с их жесткой иерархией и богами-царями, которые могут вещать от имени Осириса или Ашшура. Второзаконие изображает общество без царей, а идущие за ним книги содержат двойственное отношение к монархии. На какое место «один народ, хранящий верность Богу» должен поставить этот иноземный институт? (А этот вопрос продолжал оказывать влияние на умы. Некоторые исследователи, такие как Эрик Нельсон, считают, что именно Второзаконие породило критический манифест европейского Просвещения, который стоит за права всех людей, а не только монарха или традиционных элит.)³⁶⁴ Израиль размышлял о том, какую роль он призван играть в мире соревнующихся между

собой империй; в ответ пророки говорили о том, что на практике означает провозглашать веру в единого Бога, правящего всем миром, Израилем и другими народами. Так Девтерономист помогал маленькому народу понять, что его судьба связана со всем миром.

Эти новые представления стали играть особенно важную роль в VI веке до н. э. Вера Израиля, его понимание своей роли и миссии подверглись суровому испытанию, когда народ на протяжении долгих шести десятков лет жил в изгнании в Вавилоне. Именно в VI веке такие пророки, как Иеремия и Иезекииль, снова заговорили о смысле Земли обетованной и о том, как израильтяне могут вступить во владение своим наследием. В 538 году новый царь персов Кир позволил евреям вернуться на их землю. Неизвестный пророк, которого принято называть Вторым Исайей, чьи речи составляют вторую половину библейской книги, радостно приветствовал это событие и говорил о роли Бога в истории новыми удивительными словами. Пророк считал, что Израиль имеет особую миссию, но Бог, верховный правитель всего, исполняет свои замыслы с помощью тех людей, которых пожелает избрать, независимо от того, понимают они это или нет. Он прославляет царя Кира — явно не иудея, — и эти слова пророка повлияли на позднейшие представления об ожидаемом мессии. Христиане первых веков и Средневековья так ценили Книгу пророка Исаии и так часто на нее ссылались, что она стала для них практически пятым Евангелием³⁶⁵.

Б о г , верховный **Правитель**
Всего, исполняет свои **замыслы**
с помощью **тех людей,** которых
пожелает **избрать,** независимо
от того, понимают они это или **нет**

Возможно, в этот момент и другие пророки говорили о всемирном воцарении Бога и о том, как другие народы отправятся в Иерусалим в Храм, чтобы им здесь указали путь. Среди обетований пророка Михея содержатся слова о том, что «с Сиона придет Закон, слово Господа — из Иерусалима» (хотя в книге эти слова произносит пророк VIII века, данный отрывок мог быть создан значительно позже, скажем, в VI веке)³⁶⁶. Это потрясающая картина, но ее никто не мог бы создать без исторических рамок строгого монотеизма, созданных Девтерономистом.

Христиане, которые игнорируют Второзаконие или относятся к нему с пренебрежением, отбрасывают ту книгу, которая была особенно ценна для Иисуса и апостола Павла. Что же ценного они здесь находили? Если мы зададим себе этот вопрос, нам придется

думать о важнейших идеях Второзакония, а не о том жестоком и пугающем языке, который иногда использует эта книга. Образы войны против соседних народов и их обычаев призывают отвергать все те вещи, которые отвлекают или отделяют людей либо отдельного человека от Бога.



Здесь мы можем задать один вопрос, способный породить споры: если тексты о завоевании настолько вредоносны и настолько жестоки, почему бы не исключить их из Библии совсем? Имеется в виду не отбор текстов для лекционных, но официальный отказ от этих отрывков. В конце концов, того же самого некоторые критики требуют от мусульман относительно некоторых призывов к войне в Коране. Разве вера иудеев и христиан потерпит какой-либо ущерб от подобного отказа? Однако без этих текстов остальные части Библии просто утрачивают свой смысл. Если не было завоевания Ханаана, если не было завета о земле, не было бы ни книг Ветхого Завета, ни иудаизма. А без Ветхого Завета — всего, включая каждую главу Книги Иисуса Навина и Второзакония, — Новый Завет оказался бы чем-то вроде дерева без ствола.

10

Проповедь на основе **самых** невыносимых *текстов*

Н

Надлежит чисто обращаться с Писанием.

Мартин Лютер

асмешливо раскритиковав жестокие места Книги Чисел и Второзакония, Марк Твен обратился к христианским проповедникам с таким предложением: пусть они говорят со своей паствой не только о Заповедях Блаженства, но и об этих отрывках, чтобы дать верующим «всестороннее представление об Отце нашем небесном»³⁶⁷. Разумеется, Марк Твен тем самым хотел подорвать доверие к религии, но его подход можно применить для иных целей. Почему бы, в конце концов, верующим не услышать — быть может, впервые — самые суровые слова Библии? Что еще важнее, они могут научиться ценить те различные страте-

гии, которые веками применяли христиане, чтобы как-то примириться с данными отрывками. Чем честнее верующий подходит к пониманию своей веры, включая самые неприятные вопросы, тем лучше он будет взаимодействовать с последователями иных религий или с врагами всех религий.

В связи с этим вообразим себе такую контркультурную религиозную акцию. В течение определенного периода — скажем, нескольких месяцев — церкви используют для изучения и проповедей только самые суровые и кошмарные отрывки, самые трудные места Библии из числа трудных. Они должны читать эти устрашающие тексты вслух и произносить о них проповеди, должны стремиться понять эти отрывки и их место в контексте всего Писания и веры в целом. Я использую христианский контекст, хотя те же самые богословские вопросы стоят перед иудаизмом, и некоторые еврейские мыслители оставили нам яркие примеры того, что здесь можно делать: здесь я в первую очередь думаю о раввине Лэмме, пытавшемся примириться с текстом об амалекитянах³⁶⁸.

Было бы несложно составить указатель всех подобных текстов. Фактически главным препятствием для подобного эксперимента было бы однообразие текстов. Однако после мучительного сражения с одним отрывком, в котором Бог велит своим людям не оставлять в живых ничего дышащего, можно было бы найти немало подобных повелений для обсуждения. Здесь пригодился бы

«**П**редайте их **з**а**к**ля**т**ию —
уни**ч**то**ж**ьте! Не заключайте с
ними **д**о**г**о**в**о**р**о**в** и не да**в**айте
им пощады». Представьте себе,
что **с**о**в**ре**м**е**н**ный *служитель церкви*
должен произнести **п**ро**п**о**в**е**д**ь **и**мен**н**о на
этот **в**з**р**ыво**о**п**а**с**н**ый текст. **Ч**то он
станет делать?

любой из текстов о завоевании Хана-
ана из таблицы 1 (см. первую главу),
а также немало других, например: рас-
сказ о том, как Бог умертвил первен-
цев Египта, повеление не оставлять в
живых ворожею (Исход) или история
Иеффая, принесшего в жертву собст-
венную дочь³⁶⁹.

Каждый такой отрывок ставит пе-
ред читателями свои проблемы, но в
каждом случае мы можем подойти к
нему реалистически. Возьмем, напри-
мер, начало главы 7 Второзакония, ко-
торое в первой главе данной книги я
назвал ужаснейшим «стихом жизни»
изо всей Библии. «Предайте их за**к**ля-
тию — уни**ч**то**ж**ьте! Не заключайте с
ними **д**о**г**о**в**о**р**о**в** и не да**в**айте им поща-

ды». Представьте себе, что современный служитель церкви должен произнести проповедь именно на этот взрывоопасный текст. Что он станет делать?

Запрещенные приемы

Тема Бога, который стоит за насилие и несправедливость, всплывает на поверхность в сериале «Симпсоны», который ярчайшим образом отражает в себе популярную культуру Америки. В эпизоде 2010 года под названием «Величайшая история из всех самых провальных историй мира» Нед Фландерс сокрушается о том, что ему не удалось привести Гомера Симпсона к спасению. Однако пастор Лавджой напоминает Неду, что Бог никогда не оставляет свои намерения. Нед спрашивает о Содоме и Гоморре, на что пастор отвечает: Бог вовсе не отвернулся от этих городов, но «с любовью уничтожил их». Хотя эта фраза кажется полной нелепостью, она стоит не так уж далеко от мыслей некоторых христиан, пытавшихся примириться с этими мрачными отрывками.

Если мы пытаемся понять библейский текст вроде главы 7 Второзакония, мы можем выбрать самые разные подходы, и какие-то из них можно считать незаконными или следует их применять с великой осторожностью. Каждый подход при надлежащем применении может содержать какие-то ценные вещи, но многие из них в реальности на-

поминают рассуждение об «уничтожении с любовью». Христианам никогда не следует отрицать или преуменьшать значение Ветхого Завета или говорить о том, что смущающие тексты относятся к более примитивным слоям Библии: «Это же всего-навсего Ветхий Завет!» И хотя сегодня такой аргумент звучит достаточно редко, никогда не следует здесь ссылаться на загробную жизнь, говоря, что Бог в итоге исправит ту несправедливость, которую претерпели жертвы массовых убийств³⁷⁰.

Есть еще три типа подходов, которыми надо пользоваться крайне осторожно или не пользоваться вообще:

Не стоит легкомысленно ссылаться на непостижимую наивысшую мудрость

Одна из тактик состоит в следующем: проповедник точно передает содержание текста, а затем говорит, что, какими бы кошмарными или несправедливыми ни казались нам подобные вещи, Бог все понимает лучше нас. Древние израильтяне просто выполняли приказы, а мы должны следовать их примеру. И тогда данный текст учит нас абсолютно доверять воле Бога, не задавая никаких вопросов, признавая, что его пути много выше путей наших и что мы не в силах понять его логику. Кто-то может сказать так: «Бог делает то, чего он желает. Ему принадлежит наивысшая власть, и простым смертным не следует ставить его решения под вопрос. То,

чего хочет Бог, — это по определению благая и справедливая вещь, и только испорченность человеческого сознания мешает нам это понять». Жан Кальвин говорил: «Поскольку Сам Тот, в чьих руках находятся жизнь и смерть, по справедливости проклял эти народы и обрек их на уничтожение, это кладет конец любым спорам на данную тему»³⁷¹.

Но это неправда — споры на этом не кончаются. Да, во многих религиях существует мощная богословская традиция, согласно которой пути Божьи непостижимы для простых смертных, которым трудно понять его волю. Но те же самые традиции с решительным неодобрением относятся к массовым убийствам всего населения без разбора. Подобное действие ставит под вопрос не просто какую-то частную доктрину или отдельное повеление Бога, но огромную часть того — буквально все, — чем живет верующий.

Сегодня мы нередко называем иудаизм, христианство и ислам общим термином «авраамические религии», и это название связано с патриархом, который в первую очередь прославился своей безусловной верой. Но вера, о которой не задают вопросов, проблематична. История Авраама также ярко показывает нам, что религиозные требования могут вступать в конфликт с нашими привычными этическими стандартами. Эта дилемма знакома современному богословию, и здесь во многом мы обязаны трудам Серена Кьеркегора. В своем знаменитом труде «Страх и трепет» Кьеркегор размышлял о по-

ступке, который оскорбляет наши нравственные чувства, — о готовности Авраама убить своего сына по велению Бога. Кьеркегор видел в поступке Авраама великий момент полного подчинения Божьей воле, хотя одновременно это было нарушением законов человеческой этики; этот символ полной верности Богу сделал Авраама «рыцарем веры». «Вера начинается именно там, — писал Кьеркегор, — где кончаются размышления»³⁷².

Кьеркегор понимал, что из его рассуждений можно сделать опасные выводы, и он бы еще острее это почувствовал, если бы применил такой же подход к подобному отрывку — к тексту о битве Саула с амалекитянами. Авраам послушно выполнял безнравственное повеление, но чудесным образом был избавлен от его кровавого завершения. Саул же, напротив, не выполнил повеления убить безоружную жертву. Жертва, в отличие от Исаака, все-таки была убита, и Бог не стал ее спасать, а Саул из-за своего непослушания перестал быть царем. Поскольку Саул не смог довести до конца акт геноцида, он никогда не сможет заслужить звания рыцаря среди героев веры. Осмелился бы Кьеркегор или какой-либо еще мыслитель, находящийся в здравом уме, дойти до такого логического вывода, который противоречит разуму и представлениям о нравственности?

Никогда не следует говорить, что эти люди заслуживали уничтожения

Когда верующий приводит секулярные или политические доводы в пользу уничтожения ханаанцев (или других групп), он просто приводит те оправдания геноцида, которые уже давно отвергнуты секулярным миром. Мало кто из мыслителей сегодня мог бы повторить некогда популярный аргумент, который можно кратко сформулировать следующим образом: «Хотя при обычных условиях уничтожение целого народа было бы злодеянием, крайняя испорченность и греховность народов Ханаана оправдывает такую меру в тех конкретных обстоятельствах. Жертвы в полной мере заслуживали своего уничтожения. Нам следует удивляться тому, как долго Бог сдерживал здесь свой праведный гнев». Неубедительно звучит и ссылка на долговременное историческое благо, на то, что для осуществления своего масштабного замысла об истории Богу было необходимо уничтожить местное население Ханаана. Как считают сторонники такого подхода, в долговременной перспективе истребление ханаанцев (а также мидьянитян и амалекитян) повлекло за собой различные благие последствия для Бога и его избранного народа. Если рассматривать это событие в рамках широкой исторической перспективы, продолжают они свою аргументацию, можно видеть, что это действие принесло пользу³⁷³.

Вряд ли подобные рассуждения покажутся кому-либо привлекательными сегодня, и отчасти это объясняется тем, что нынешние историки и археологи куда больше знают о социальной жиз-

ни обитателей Ханаана и об их предполагаемых злодействах. Любая религия, приверженцы которой практикуют человеческие жертвоприношения, ужасна, но ханаанеи в этом отношении были не хуже тысяч других народов, которые Бог *не* пытался истребить. С точки зрения этики и морали западное ответвление ханаанской цивилизации, ставшее Карфагеном, было не хуже, чем подобный им Рим, которому удалось на протяжении тысячелетия сохранить трансконтинентальную империю.

Наше недавнее прошлое показывает, как легко люди начинают применять подобные рассуждения о необходимости геноцида в современном мире. Любой угнетатель считает, что его враги крайне порочны или опасны. Каждый тиран знает, что история на его стороне и что ты не можешь сделать омлет, не разбивая яиц. Любой угнетатель также найдет доводы в пользу убийства детей ненавистной расы: сегодня эти младенцы выглядят безобидными, но они вырастут и пропитаются злодейством своих родителей, яблоко от яблони недалеко падает. Как триста лет назад говорил Мэтью Тиндаль, оправдание истребления врагов Израиля опасным образом напоминает о том, как завоеватели позднейших времен оправдывали массовые убийства. Если одна из рас оказывается избранной, значит ли это, что прочие избраны для истребления или переселения? Или такова их судьба, которая не зависит от божественного замысла?

Не стоит говорить, что это просто пережитки древней жестокости

Нам не стоит также видеть в проблематичном тексте чистую археологию, сохранившийся курьезный обломок жестокого примитивного мира, в котором создавались библейские книги. Поскольку общество продвинулось далеко вперед, скажет кто-нибудь, современному слушателю не стоит обращать внимание на библейские стихи о геноциде — разве что можно подивиться этой окаменелости, отражающей конфликты древнего мира. Понимание исторических обстоятельств создания текста — продолжит этот человек — устраняет необходимость с почтением относиться к нему в другом позднейшем контексте. А какой-нибудь циник может сказать примерно следующее: утверждения Писания имеют вечную ценность до тех пор, пока верующие в них эту ценность находят.

Если это справедливо, тогда непонятно, почему любой другой отрывок Библии обладает хоть каким-то авторитетом — если его авторитет не объясняется тем, что он соответствует консенсусу нынешнего просвещенного мира. Эта идея может привлекать нынешних либеральных верующих, когда те сталкиваются с неприятными библейскими текстами, по-видимому, отражающими отрицательное отношение к власти женщин в церкви или к гомосексуализму. Однако нам не следует необдуманно соглашаться с тем, что нынешнее просвещенное сознание обязательно сто-

ит выше древнего и что история состоит из длительной борьбы между устаревшими священными текстами и гуманной секулярной современностью. Некоторые идеи, которые представлялись крайне прогрессивными, современными, на поверку оказывались глубоко порочными, в то же время иные традиционные религиозные представления, казавшиеся устарелыми, снова завоевывали большое доверие. Совсем недавно «прогрессивные» люди единодушно поддерживали такие идеи, которые сегодня вызовут отвращение у либералов, в частности идеи евгеники и расового превосходства. Если мы вправе ставить под вопрос или отказываться признавать отдельные тексты и истории, это еще не означает, что Писание не содержит важнейших истин.

Тот факт, что какой-то библейский отрывок возмущает современного прогрессивного читателя, сам по себе не означает, что этот текст утратил значение. Современные идеалисты и участники протестных движений с удовольствием говорят о радикальных социальных идеях Иисуса или ветхозаветных пророков именно потому, что эти тексты бросают решительный вызов современным ценностям. Но, как мы видели, тексты о завоевании Ханаана не более древние или примитивные, чем пользующиеся таким уважением тексты пророков. Если мы заявим, что одни части Библии авторитетнее других, нам придется сформулировать критерии, на основе которых мы проводим соответствующую сортировку.

Чистое истолкование

Помня о подобных тупиковых ходах, давайте возьмем текст Второзакония 7:1–2 и представим себе, что этот текст нам попался во время индивидуального чтения Библии или что мы его услышали в церкви или даже читаем его, готовясь построить на нем проповедь. Какой подход в данном случае мы изберем? Разумеется, то, что я предлагаю ниже, ни в коем случае не следует воспринимать как руководство к толкованию, это просто некоторые личные заметки.

Прежде всего следует честно признать, что эти библейские слова нас шокируют: они уродливы, они неприемлемы. Нам придется встретиться в этом отрывке с идеей *херема* и понять ее со всеми ее последствиями, помня, что *херем* не был типичным проявлением жестокости древних людей, ведущих войну. Мы вправе попытаться рассмотреть исторический фон данного отрывка: когда, например, он был создан, при каких обстоятельствах и имеет ли он какое-то отношение к реальным войнам или кампаниям. Но когда мы сделаем эту работу, библейские слова останутся такими же, как были, и они причинят нам те же мучения.

Столкнувшись с таким текстом, наш гипотетический проповедник может последовать совету Мартина Лютера, который обращался к своим европейским современникам, отравленным текстами Писания — того самого Писания, которое они

только что открыли и к которому относились с трепетом и энтузиазмом. Эти христиане ранней Современности походили на появившихся в недавние времена христиан в первом и втором поколениях в народах Африки и Азии, которые все еще влюблены в Библию. Некоторые радикальные современники Лютера, черпавшие вдохновение в Писании, пытались внедрить его, все целиком, в современный мир, используя своды законов Ветхого Завета для управления христианским обществом.

Пытаясь утихомирить таких людей, Лютер призывал верующих серьезно задуматься о том, как они читают Писание и особенно, как они его прилагают к своему времени. Они должны читать Библию «чисто»:

С самого начала Слово приходило к нам различными путями. Недостаточно просто ответить себе на вопрос, Божие это слово или нет, произносил ли его Бог; скорее нам следует посмотреть, к кому это слово обращено, соответствует ли оно нам. Это как разница между ночью и днем... Можно найти в Писании два рода слов: одни не имеют отношения ко мне, так что их нельзя приложить к жизни, а другие имеют³⁷⁴.

Не все слова Библии имеют прямое отношение ко всем читателям. Там есть, например, слова, обращенные к Давиду: возможно, они имеют отношение и к другим царям, но не ко всем

остальным из нас, и было бы глупостью говорить, что это для нас. В целом же, как считал Лютер, большие разделы Библии — особенно ветхозаветные своды законов и правила ритуальной чистоты — в буквальном смысле не приложимы к христианам, которые живут при других условиях после явления Христа. Это не означает, что Ветхий Завет был упразднен или устарел, однако христиане должны искать в нем то, что имеет к ним отношение. Средневековые схоласты разработали такое ценное правило: *Quidquid recipitur ad modum recipientis recipitur*, что можно перевести примерно так: «Что люди воспринимают, то зависит от воспринимающего». Мы видим (и слышим) вещи не такими, какие *они* есть, но такими, какие *мы* есть.

Замечание Лютера неизбежно подводит нас к такому вопросу: как мы можем понять, к кому здесь обращается Бог? Размышляя об отрывке из Второзакония, мы можем сначала спросить себя, как люди различают Божию волю (во всяком случае, в их понимании) в своей жизни и в событиях истории. Нам следует помнить об искушении назвать человеческие желания или человеческую политику Божьей волей, оправдывая тем самым такие поступки, которые иначе показались бы неприемлемыми. Сам текст обладает богатством смыслов и содержит в себе потенциальные опасности: на нем можно строить религиозную политику, его можно использовать для создания врагов, которые при участии воображения могут стать настолько порочными, что возникнет

потребность их уничтожить. Окружают ли такие проекции этот текст или нет, в любом случае важно помнить об опасности неверного понимания Божьего замысла.

Целостное истолкование

Нам надо осторожнее обращаться с отдельными библейскими словами: следует рассматривать их в контексте всего Писания — и не только, скажем, книги Второзаконие, но всей Библии. Как и в любом другом произведении, отдельные библейские стихи и отрывки что-то значат не столько сами по себе, сколько по той роли, которую они играют в композиции всей книги. В последние годы ученые заговорили о «нарративном богословии»: этот термин подчеркивает тот факт, что мы находим истину именно в историях Писания, а не в абстрактных понятиях. Нам следует также рассматривать любой отрывок в контексте *религии* в целом, включая ее позднейшее понимание. То, как этот отрывок употребляли и как им злоупотребляли, действительно важно; интересно, что злоупотреблению часто подвергались такие истории, которые на первый взгляд были совершенно безобидными, в отличие от текстов о завоевании Ханаана.

Вообразите себе, например, что кто-то проповедует на один из самых известных отрывков из Иисуса Навина, в котором военачальник разрушает все законы природы, установленные нау-

кой. В десятой главе книги Иисус Навин яростно сражается у Гаваона с амореями, которые могут убежать от израильтян при наступлении темноты. В ответ на горячую молитву Иисуса Навина Бог увеличивает продолжительность светлого времени суток, чтобы тем самым обеспечить победу своему народу. «Солнце остановилось посреди неба, целый день не спешило зайти!»³⁷⁵ Эта история имеет смысл лишь в контексте астрономии до Коперника, когда люди верили, что солнце вращается вокруг Земли.

Эта научная дилемма в достаточной мере параллельна дилемме моральной, которую ставит перед нами повеление совершать геноцид. Такое явление полностью противоречит законам природы, и на протяжении многих лет данный отрывок использовали для того, чтобы поставить под вопрос основные положения Писания. Кларенс Дарроу упоминал историю об остановке Солнца в споре с Уильямом Дженнингсом Брайеном на знаменитом процессе по делу Скоупса 1925 года. В данном случае библейский текст явно противоречит научной картине мира. Значит ли это, что данный отрывок настолько испорчен, что современному читателю совершенно нечего из него почерпнуть? Что его не следует читать и не стоит произносить о нем проповеди? Вернемся к критериям Лютера: что в данном отрывке можно приложить ко мне, к нам? История о битве при Гаваоне была написана не как (неудачный) урок астрономии, но чтобы напомнить о нескольких важнейших темах, которые звучат в Книге Иисуса

Навина и во всей Библии: что Бог избрал себе народ и оказывает заботу о нем и что Бог вмешивается в историю, чтобы осуществить свои замыслы, хотя наши слова слишком ограничены и мы не можем объяснить, почему и каким образом это происходит. Если астрономия может вынудить нас отвергнуть весь отрывок о битве при Гаваоне, это будет все равно что отвергнуть слова Иисуса о полевых лилиях на том основании, что язык здесь не соответствует критериям точности в ботанике.

Так и глава 7 Второзакония подчеркивает важность чистого монотеизма, изображая Бога грозным верховным правителем, чтобы напомнить евреям о том, как важно для них было стать избранными и хранить состояние избранничества. Сначала мы должны, следуя совету Лютера, спросить, кому адресованы эти ужасающие тексты, к кому они имеют отношение. Ответ очевиден: они обращены к евреям, которые первыми их слышали и читали, и им следовало понять, что с ними станет, если они откажутся от верности завету. Первая аудитория Второзакония слышала в текстах главы 7 не призыв сражаться с амореями или ханаанеями, но грозное предостережение в свой адрес и адрес своих ближних — людей, давших обеты Богу. В этом случае и современный верующий также может услышать в этих текстах не призыв ненавидеть чужих — и уж тем более не оправдание насилия или дискриминации, — но призыв к полной преданности.

Книгу Иисуса Навина и Второзаконие пронизывает наиважнейшая тема святости, *кедуша*, — абсолютной святости, которая присуща исключительно Богу и которая отделяет его от всего остального. Когда около 700 года до н. э. пророк Исайя в удивительном видении созерцает божественный двор, он видит ангелов, окружающих престол Бога и воспевающих песнь: «Свят [*кадош*], свят, свят, Господь воинств, вся земля полна славы его». Все позднейшие формы религии, основанные на Библии, так или иначе пытались постичь эту святость, эту отделенность и жить по ее суровым законам.

И Девтерономист, и пророки понимали, что это свойство Бога требует, чтобы евреи жили как святой и отделенный от прочих народ на святой земле и что им надо удалить от себя все следы иных систем отношений, которые отвлекают их от этой цели: вы должны отделиться! Чтобы передать эту мысль, Девтерономист описывает опустошительную военную кампанию — а если этого не понять, можно найти здесь оправдание идеи расового превосходства и сегрегации. Но если, читая данный текст, мы не забываем о пророках и историческом фоне его создания, эти кровавые строки говорят нам о чем-то совершенно ином: святой народ судят не по его войнам или победам, но по природе его жизни и взаимоотношений в обществе и, прежде всего, по тому, какую роль он играет и будет играть в жизни других. Этот отрывок учит праведности, *цедек*, это важнейшая библейская концепция, которая

радикально отличается от насмешливого термина «самооправдание», хотя две эти вещи сегодня нередко путают.

Глава 7 Второзакония заставляет читателя задуматься о концепции «святого» — в современном мире это понятие слишком часто ассоциируется с духовной гордостью и лицемерием. Но то, что сначала выглядит как проявление исключительной приверженности своему маленькому племени, на самом деле становится основой для великой всеобъемлющей картины.

Истолкование «снизу»

Большинство текстов Библии пронизаны двумя концепциями: идеей избранности и представлением о том, что Бог напрямую вмешивается в человеческую историю. И в обоих случаях отрывок из Второзакония описывает, если можно так сказать, темную сторону этих концепций. Хотя во многих местах Библия подчеркивает, что быть избранником значит, в первую очередь, нести ответственность, это также дает преимущества перед прочими — в том числе перед забытыми народами, у которых отняли землю. А если Бог вмешивается в дела народов и стран, это означает, что иногда происходят войны и столкновения, где есть побежденные и победители.

Если один народ завоевывает и покоряет, значит, другие народы терпят унижение и несут потери. Размышляя с точки зрения палестинцев,

Эдвард Саид отмечает: «Не существует Израиля без покорения Ханаана и изгнания или дискриминации ханаанеев — так тогда, так и теперь». Иногда побежденный отступает, чтобы, собрав силы, возобновить борьбу, но иногда, как говорит Библия, он просто перестает существовать. Если верить Книге Иисуса Навина и Второзаконию, были убиты тысячи, если не сотни тысяч, врагов. Любой читатель позднейшего времени должен взглянуть на эту ситуацию глазами побежденных, отвергнутых, *неизбранных*. Мы обязаны читать Библию «снизу» — то есть с позиции аутсайдеров³⁷⁶.

Такой подход во многом задает тон работам современных секулярных историков, особенно тех, что описывают события, произошедшие в контексте экспансии империй. Сегодня было бы трудно рассказать историю распространения влияния Европы в XIX веке или историю США, игнорируя другую сторону, то есть те народы, которые утратили свои земли или свою независимость. Если побежденные народы или их потомки остались в живых, трудно забыть о том, что историю надо рассказывать с обеих сторон: возмущение побежденных и их потомков помогает историкам оставаться честными. Но когда исторические неудачники исчезают, не оставив даже своего имени, когда мы не слышим их рассказов о событиях, нужно изо всех сил напрячь историческое воображение, чтобы реконструировать их голоса — или хотя бы не забывать о том, что их точка зрения для нас также важна. Поэт У. Х. Оден писал:

История может сказать побежденным
Увы, но не в силах ни помочь, ни простить³⁷⁷.

В случае исчезнувших народов, таких как ханаанеи, история редко произнесет хотя бы мимо-летное «Увы».

Если секулярные историки понимают, что им необходимо думать не только о победителях, но и об их жертвах, религиозный мыслитель в равной (если не в большей) мере обязан рассматривать библейские повествования с обеих точек зрения. Нельзя сказать, что это нечто радикально новое для библеистики, на которую в течение нескольких последних десятилетий влияли труды феминистских интерпретаторов. Последние перерыли все библейские тексты, чтобы найти там женщин, которые были жертвами или безмянными третьестепенными персонажами, и попытаться понять их переживания³⁷⁸.

Почему бы нам подобным образом не задуматься об опыте побежденных и подчиненных народов? К счастью, сегодня в нашем мире большая часть христиан живет на землях, которые только лишь одно-два поколения отделяет от эпохи колониального или имперского правления, так что им несложно прочесть эту историю глазами угнетенных людей, лишенных права говорить. Мы уже не вправе видеть в побежденных только аллегория, только символ коварных бесовских сил. Это были реальные люди, и с помощью воображения мы можем попытаться представить себе

их переживания. Ханаанеи когда-то тоже могли говорить вслух.

При контекстуальном чтении мы рассматриваем библейский отрывок в свете позднейших текстов и развития религии. Именно так поступали еврейские учителя, заново пересказавшие истории о войнах Иисуса Навина таким образом, чтобы они соответствовали гуманным законам позднейшего иудаизма. Нам неважно, казались ли слова «не давайте им пощады» приемлемыми людям во времена создания Второзакония, важно то, что они неприемлемы для иудеев последующих эпох или для христиан. Это заставляет нас задуматься о ключевых ценностях этих религий, о том, как они возникли и как их можно использовать для новой интерпретации текстов. Мы думаем о том, что здесь людям не оказали милости, и о том, как и почему милость стала таким важным элементом религий позднее. Почему, в конце концов, нас так шокируют подобные отрывки? Чему научили нас прошедшие тысячелетия и каким образом мы это усвоили?

Без этих историй о резне и этнических чистках позднейшие поколения не обрели бы такого религиозного сознания, которое порождало в них ужас, когда они вспоминали о кровопролитии прошлого, кто бы ни оказывался там жертвой. Нравственные дилеммы, с которыми сталкиваются верующие позднейших времен, когда они читают жестокие тексты Писания, свидетельствуют о том, что эти самые тексты выполнили свое культурное и религиозное предназначение.

Примирение под столом

Отдельные библейские отрывки часто следует интерпретировать в свете других текстов. Это особенно важно в том случае, когда мы сталкиваемся с жесткими и суровыми словами вроде тех, что звучат в главе 7 Второзакония. В этом месте Библии говорится о том, что народы Ханаана подлежат уничтожению, однако в других местах Писания — на позднейших стадиях развития религии — это, похоже, не так.

В одном из самых странных и трудных для читателя евангельском отрывке говорится о женщине-язычнице, которая приходит к Иисусу и просит его исцелить ее дочь. Иисус отвечает отказом, говоря, что послан служить дому Израилеву: он не может взять хлеб у детей и кинуть его собакам. Женщина соглашается с этим, добавив, что даже собаки могут есть объедки, которые на пире бросают под стол. Удивленный ее находчивым ответом, Иисус совершает чудо по ее просьбе, хотя это уступка в виде исключения. Некоторые комментаторы данного отрывка говорят, что он содержит воспоминание о самом раннем этапе движения Иисуса, когда его миссия действительно ограничивалась домом Израилевым, а язычников в него не принимали³⁷⁹.

Но здесь возможна и другая интерпретация. Эта женщина родом с территории современного Ливана, Марк называет ее сиро-финикиянкой, а Матфей — и это поразительно! — ханаанеян-

кой, *Chananaia*. Эти отличия удивительны, но их можно объяснить тем, что Матфей хотел указать на связь жизни Иисуса с другими библейскими повествованиями. Иисус у Матфея считает себя законным потомком царя Давида и своей более древней прародительницы Раав, которая была ханаанейкой. В этой истории о чуде Иисус протягивает руку потомкам тех людей, которых другой Иисус, Навин, стремился истребить. Так, пройдя полный круг, история находит свое завершение, а повеление искоренять отменяется.



Этот евангельский отрывок так тесно связан с ветхозаветными текстами о ханаанеях, что они будут идеальными соседями в библейских чтениях на богослужении, порядок которых записан в христианских лекционариях. На самом деле, чем внимательнее мы исследуем самые мрачные части Библии, тем лучше понимаем, что их бы следовало сопоставить с более масштабной историей, включив в круг публичных или богослужебных чтений. Их не надо представлять в изолированном виде как опасные объекты, но их следует поместить рядом с другими отрывками, которые объясняют их смысл, особенно рядом с отрывками из пророков. Мрачные библейские тексты читать не только можно, но и нужно.

ТОЛЬКО Писание?

Буква убивает, а Дух животворит.

2 Коринфянам 3:6



начале этой книги я говорил о ситуации, которая, на первый взгляд, позволяет напрямую связать Писание с насилием в реальном мире. Террористы, захватившие самолеты 11 сентября, несомненно, изучали тексты Корана, призывавшие воевать с неверными, и для них эти тексты служили оправданием того, что они совершили. Террористические группы исламистов, такие как Аль-Каида, постоянно используют Коран для формулировки своей программы и для пропаганды. Вправе ли мы в этом случае сказать, что Коран порождает насилие и ненависть в современном мире? Однако, как я показал, за самим таким вопросом кроются сомнительные идеи об авторитете в религии и особенно о роли священных текстов.

Сами по себе священные тексты не порождают ни доброго, ни злого среди

тех, кто их почитает. Бывали случаи, когда и христиане, и иудеи обращались к Моисею и Иисусу Навину, чтобы оправдать насилие, но в целом на протяжении большинства эпох и в большинстве сообществ подавляющее большинство верующих этого не делало. Мы, члены общества, основывающегося на иудеохристианской традиции, не считаем, что геноцид и массовые убийства отражают волю Божию. Большинство верующих в состоянии пользоваться жестокими священными текстами, не исполняя их предписаний, даже если эти тексты содержат самые кровожадные повеления.

В своей известной книге Джон Коллинз задает вопрос: «Оправдывает ли Библия насилие?» Ответ здесь простой: если обстоятельства жизни вынуждают тебя искать подобные оправдания, ты их найдешь. Если же они тебе не нужны, ты их не найдешь. То же самое можно сказать и о Коране³⁸⁰.

Писания и опыт

Представление о том, что священный текст содержит в себе гены, однозначно определяющие формирование всей религии, не очевидно и не все его разделяют. Многие религии, тем не менее, наделяют некоторые тексты уникальным священным статусом, а христиане протестантской традиции считают, что их каноническое Писание есть наиважнейший источник их веры и практики.

Как всем известно, Мартин Лютер провозгласил, что только Писание, *sola scriptura*, есть мерило веры — хотя в то же время, как мы видели, он сам не считал, что каждое слово Библии обладает равной ценностью для современных верующих.

Протестантская традиция приучила позднейших авторов думать, что священные писания других религий также представляют наивысший авторитет для верующих. По мере того как Запад сталкивался с другими верами в эпоху империализма, ученые публиковали антологии священных текстов разных народов, что позволило сравнить между собой разные писания великих религий. За этим стояла следующая негласная предпосылка: если ты знаешь священные тексты религии, ты понимаешь эту религию — хотя часто издатели спорили о том, какой же именно текст играет для данной религии такую же роль, какую Библия играет для христианства или иудаизма. Лишь после встречи с христианами индуисты решили, что их веру кратко и достаточно верно излагает Бхагавад-гита, некий аналог Нового Завета, который нередко раздавали миссионеры. Когда в 1944 году Роберт Баллу опубликовал свой сборник священных текстов, он утверждал, что его книга позволит читателю «постичь суть восьми самых значимых мировых религий, представленных их основными священными текстами»³⁸¹.

Но в самом ли деле священные тексты разных вер содержат суть, самое ядро данной религии? Составители антологий подобных текстов считали

именно так. Однако их представления о том, в чем заключалась эта суть и что «открывали» писания, страдали крайним субъективизмом. Большинство издателей тщательно отбирало и выделяло те отрывки, которые, как им казалось, лучше всего демонстрировали этическую и мистическую высоту данной религии; они предполагали, что люди разных вер могут объединиться вокруг общих целей, несмотря на свои различные обычаи и обряды. А на практике могло показаться, что все религии мира представляют собой просто разные версии либерального протестантизма³⁸².

Какие бы благие намерения ни отражал такой подход, он имеет мало отношения к повседневной реальности любой религиозной традиции, которая определяется ее историческим опытом и культурным наследием. Представим себе гипотетического антрополога из совершенно иного общества или даже с иной планеты, который пытается понять христианство: сильно ли ему в этом поможет самое прилежное изучение Библии? Допустим, наш антрополог вникает в каждое слово Писания, находит его ключевые темы и в итоге приходит к убеждению, что теперь он понял все нюансы христианства (а также иудаизма, в качестве бонуса). После этого он пытается понять смысл католической мессы в Чикаго, или паломничества на Филиппинах, или собрания квакеров в Лондоне — и оказывается, ему совершенно ничего не понятно.

Так наш антрополог сможет усвоить одну важную вещь: оказывается, в разных частях земного

В р а з н ы х частях **Земного шара**
представители одной и **той же**
религии ведут себя по-разному

шара представители одной и той же религии ведут себя по-разному. Скажем, в какой-то стране христиане по своему мышлению и поведению больше напоминают своих мусульманских соседей, чем христиан других стран мира. Он поймет, что стереотипы восприятия в религии часто неверны и что здесь лучше рассматривать такие формы поведения, которые выходят за рамки отдельных религиозных традиций. Он может найти, например, немало общего между христианскими и буддистскими монахами, несмотря на то что они опираются на совершенно разные духовные основы. Или он может с удивлением отметить, что христианское богослужение пятидесятников напоминает экстатические практики других традиций, в частности суфизма в исламе.

Наш инопланетянин удивится и тому, как менялся христианский опыт

с течением времени, так что в различные эпохи центральное место занимали совершенно разные представления. Когда какая-то часть верующих считает, что данный предмет или данная позиция имеют ключевое значение, можно найти других христиан, для которых эти вещи ничего не значат; при этом, чтобы найти самые существенные отличия, антропологу не обязательно исследовать малочисленные секты или маргиналов. В таком-то веке большинство христиан думало, что наивысшими добродетелями являются безбрачие и отречение от мира, а их потомки утверждают, что выше всего стоят семейные ценности. В одну эпоху большинство христиан с энтузиазмом принимают идею священной войны, в другую эпоху их потомки не менее энергично эту идею отрицают. И в каждый период большинство верующих считало альтернативные представления нехристианскими или антихристианскими. Причем верующие всегда считали, что верны одному и тому же Писанию, хотя толковали они его по-разному. Определенные библейские тексты и истории были чрезвычайно важны для одной эпохи, а в другой период о них уже никто не вспоминал. Изучая как прошлое, так и настоящее, довольно трудно найти «суть» христианства, и не менее трудно связать его облик с его Писанием.

Разумеется, все это не позволяет нам сказать, что Писание не оказывает влияния на религию. Священные тексты крайне важны: они дают руководящие принципы религии и также являются хранилищем ресурсов, к которым верующие могут

снова и снова обращаться в каждом последующем поколении. Однако верующие могут разделять одинаковые ключевые положения религии, но при этом разительно отличаться друг от друга по своим обычаям и по тому, как они эту религию практикуют.

Жестокая религия

Вопрос о взаимоотношениях между священными текстами и поведением особенно сложен, если речь идет о насилии и войне. Мы говорим о «религиозном насилии», но когда мы действительно вправе сказать, что данная религия или данные священные тексты стали непосредственной причиной преступления или теракта?³⁸³

Иногда солдаты или агрессивные активисты прямо обращаются к жестоким текстам, чтобы найти там вдохновение, но часто связь между словом и делом отнюдь не столь очевидна. В 2010 году правительство США столкнулось со скандалом, когда появились сообщения о том, что в американских вооруженных силах, находящихся в Афганистане и Ираке, используются снайперские винтовки с зашифрованными ссылками на Новый Завет, такими, например, как «JN8:12», что означает: Евангелие от Иоанна, глава 8, стих 12. Поскольку США и их союзники решительно отказывались от идеи участия в священной христианской войне против ислама, эти факты вызвали возмущение, так что власти обещали

удалить подобные тексты. Но что же это за смертоносные слова, которые вдохновляли солдат стрелять во врагов? Оказывается, Иоанна 8:12 — это совершенно невинный текст, знаменитые слова: «Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни». Использовался и другой текст, 2 Коринфянам 4:6, который также только лишь указывает на Христа как на свет, сияющий в наших сердцах. Даже самые яростные враги христианства вряд ли скажут, что эти тексты сами по себе освящают насилие и войну, хотя солдаты и могли искать в них духовной поддержки. Отсюда следует такой вывод: если человек или группа людей решили, что ведут священную и справедливую войну, они

Если человек или группа людей
решили, что **ведут священную**
и справедливую войну, они **могут**
опираться на любые слова или фразы,
чтобы **освятить уже** совершающиеся **акты**
насилия — подлинный **смысл текста**
здесь уже не **имеет значения**

могут опираться на любые слова или фразы, чтобы освятить уже совершающиеся акты насилия. Как только человек на это решился, подлинный смысл текста уже практически не имеет отношения к делу³⁸⁴.

Кроме того, когда мы рассматриваем взаимоотношения между священным текстом и насилием, бывает крайне трудно отделить религию от других факторов, таких как этническая принадлежность, класс или политический статус. В нынешнем мире в центре тревожных споров о том, как древние религии могут приспособиться к современности, чаще всего говорят об исламе, указывая на Коран как на яркий символ столкновения ценностей. Может ли религия преодолеть насилие и дикость, которые люди находят в ее священных текстах, не отказываясь от своей целостности? Христианам и иудеям следовало бы осторожнее задавать такой вопрос о других религиях. Тем не менее предположим, что Коран действительно содержит крайне проблематичные тексты, с которыми надо что-то делать; в первую очередь здесь мы думаем о воинственных отрывках, которые наиболее откровенным образом заставляют понимать под джихадом вооруженную борьбу. Должны ли такие тексты порождать более сложные проблемы, чем те, с какими сталкиваются христиане и иудеи?

На самом деле, у мусульман, как и у других верующих, есть долгая история усвоения текстов, которые порождали проблемы или были неприемлемыми. Подобно некоторым иудеям и христи-

анам, мусульманские ученые рассматривали эти отрывки в их историческом контексте, указывая, что они имели смысл в определенный период жизни Мухаммеда, но что их нельзя прилагать к нашим временам. Другие толкователи понимали истории о битвах и джихаде аллегорически. Если смотреть исторически, ислам не менее многообразен, чем христианство, и он знает множество разных подходов к толкованию священных текстов³⁸⁵.

Иными словами, у мусульман, желающих примириться с дикими и кровавыми текстами, существует множество разных ресурсов — как и у представителей иных религий. Особенность мусульман, разумеется, заключается только в том, как эти ресурсы используются сегодня. В подавляющем большинстве нынешние мусульмане живут в государствах, которые беднее и слабее стран Запада и где система образования развита куда хуже, тогда как религия сохраняет свое влияние. Механизмы обеспечения правопорядка, лишённые демократического подкрепления, действуют не везде и не всегда, и поведение определяют мощные традиции чести семьи и отдельного человека. В экстремальных случаях честь защищают с помощью насилия, особенно когда под угрозой оказываются жесткие требования дисциплины в сексуальной сфере, касающиеся членов семьи женского пола. Как правило, в подобных обществах принято думать, что законы чести опираются на религию, так что здесь поведение оправдывают ссылками на священные

тексты. Нам несложно понять, почему в современном мире в адрес ислама так часто звучат несправедливые обвинения в том, что эта религия привязывает мусульман к системе примитивных ценностей³⁸⁶.

Если такие политические и социальные условия изменятся, вслед за этим изменится и толкование важнейших священных текстов. А еще более важный фактор, который может повлиять на новую интерпретацию священных текстов, — это наличие достаточного количества мусульман на Западе, то есть в Европе и Северной Америке, где ученые могут исследовать новые подходы к истолкованию без ограничений, которые обычно на них накладывает традиция. На протяжении ближайших десятилетий новое истолкование Корана будет иметь такое же важное значение, какое в западном обществе в XIX веке имело новое понимание Библии.

Ислам и насилие

Дискуссию о религиозном насилии осложняет то обстоятельство, что на Западе многие привыкли почти произвольно думать, что насилие и терроризм укоренены в исламе и (нередко) что ислам основан на терроризме и насилии. Разумеется, люди часто используют религию для оправдания актов насилия, но ислам в этом не одинок. Более того, религия не обязательно порождает более жестокие или экстремальные действия у сво-

их приверженцев по сравнению с поступками тех, кто не ищет для себя религиозного оправдания. Если мы составим список самых кровавых режимов в истории человечества, первые места в нем займут агрессивные правительства, свободные от религии, такие как Советский Союз, нацистская Германия, маоистский Китай и коммунистическая Камбоджа.

Кроме того, религиозное насилие — не простая категория, не просто что-то подобное фанатизму или бездумной жестокости. В некоторых случаях верующие могли совершать массовые убийства или угнетать противников по религиозным мотивам; иногда же насилие, основанное на религии, служило людям защитой и даже было достойным поведением, как в тех случаях, когда вера побуждала угнетенных восставать против иноземных захватчиков или авторитарных режимов. На протяжении целого века после 1850-х годов колонизированные народы Африки и Азии нередко, подымая вооруженные восстания против европейских империалистов, говорили, что они ведут мусульманский джихад. Если же вспомнить о христианской традиции, то мало кто из западных людей мог бы осудить немецких активистов, которые по религиозным соображениям хотели совершить убийство Адольфа Гитлера³⁸⁷.

Связь между радикальной исламистской идеологией и насилием не так проста и не так очевидна, как принято думать сегодня. Между 1960-ми и 1980-ми годами арабские и ближневосточные

проблемы породили волну терактов по всему миру, подобную той, что позже ассоциировалась с Аль-Каидой, так что образ «арабского террориста» стал кошмарным стереотипом нашего времени. И тогда, как и сегодня, арабские группировки ассоциировались в нашем сознании с убийством случайных западных гражданских лиц, с похищением людей, заложниками и с терактами в самолетах и на транспорте. И казалось, самое ужасное произойдет тогда, когда эти экстремисты получат доступ к ядерному оружию.

Однако есть одно отличие недавней эпохи: тогда группы террористов никак не связывали себя с каким-либо направлением ислама. Опаснейший террорист того времени Абу Нидаль, который в 1970-х и 1980-х пользовался такой же славой, как Осама бин Ладен после него, в основном работал на режим секулярной иракской партии Баас³⁸⁸. Подобно Абу Нидалю, большинство активистов из палестинцев также принадлежали к числу секулярных националистически настроенных социалистов, кроме того, многие лидеры движения были христианами. Обычно у этих лидеров были имена арабов-христиан: мы можем здесь вспомнить, например, Жоржа Хабаша, лидера одной из самых страшных партизанских групп.

Эти движения на Ближнем Востоке не воспитывали террористов-смертников, сама такая идея была чужда мусульманской традиции. Впервые теракты с участием смертников как система появились на Шри-Ланке, причем большинство из террористов было индуистами, и ни о каких

связях с исламом речи не было, а сам этот метод появился только в 1980-х. Лишь позже ближневосточные активисты и исламисты стали использовать такую тактику. Некоторые другие вызывающие отвращение акции террористов, которые у нас ассоциируются с исламским экстремизмом, также родились вне мусульманского мира. Оливье Руа, один из самых известных европейских специалистов по исламу и исламистскому терроризму, говорил: «Сцены казни иностранных заложников в Ираке, отснятые Аль-Каидой, — это повторение казни Альдо Моро «Красными бригадами» [в Италии в 1978 году], где на заднем фоне также был символ и девиз организаторов, где заложник был в наручниках и с завязанными глазами и где был нелепый суд с зачитыванием приговора и казнью»³⁸⁹.

Когда бы мы ни обсуждали связь терроризма с текстами Корана, нам необходимо принимать во внимание исторический контекст. Если отрывки из восьмой и девятой сур Корана действительно побуждают верных мусульман фанатично совершать акты насилия, как мы тогда объясним, почему многие верующие не испытали этого влияния и прожили мирную жизнь? Если ислам порождает или прославляет терроризм, почему тогда мусульманские террористы появились на исторической сцене совсем недавно? Почему они не стали первопроходцами и пророками терроризма, а приняли участие в этом кровавом действе в числе последних? Почему им пришлось учиться соответствующим навыкам и тактикам у представи-

телей других религий или атеистов — у западных анархистов и нигилистов, у католической партии ИРА и у городских партизан Латинской Америки, у коммунистов и фашистов, у евреев-сионистов и индуистов из Шри-Ланки? Здесь уместно снова процитировать Оливье Руа: «Аль-Каида не есть проявление традиционного ислама или даже исламского фундаментализма, но это новое понимание ислама, облаченное в революционную идеологию Запада»³⁹⁰.

Какими бы кровавыми ни были священные тексты, как бы они ни призывали к насилию, сами по себе они не порождают кровопролития, если нет особых благоприятных для этого обстоятельств. В какой-то момент, когда в них появляется нужда, эти тексты всплывают на поверхность и делают свое дело: вдохновляют на насилие, оправдывают кровопролитие, делают демонов из врагов и даже возводят конфликт в ранг космической битвы. Но без особых обстоятельств, без специфических условий политической и общественной жизни эти слова не приводят к насилию.



Разумеется, нам нужно как можно глубже исследовать религиозный контекст актов насилия, значение соответствующих риторических приемов и представлений, потребности тех, кто определяет здесь политику; но в большинстве случаев мы увидим, что ключевые священные тексты не

играют здесь значительной роли. Если священный текст X вдохновляет деятельность группы Y, нам надо объяснить, почему активисты опираются именно на *этот* текст, а не на другие, которые утверждают нечто совершенно иное. И, что не менее важно, нам надо объяснить, почему тот же священный текст не оказывал никакого влияния на миллионы других верующих, которые не совершали насильственных действий³⁹¹. Возможно, то, что мы называем «религиозным насилием», действительно имеет религиозную природу, однако оно проистекает не из священных текстов данной религии, но из какого-то иного источника.

Примечания

Введение

¹ Коран цитируется в переводе И. Ю. Крачковского с некоторыми изменениями, когда этого требует английский текст. — *Прим. пер.*

² «Full Text of Notes Found After Hijackings», *New York Times*, Sept. 29, 2001. Существует несколько широко используемых английских переводов или версий Корана; самые популярные из них принадлежат таким авторам, как Marmaduke Pickthall, N. J. Dawood, Yusuf Ali, и Muhammad Asad. По умолчанию, если это не оговорено, я пользовался переводом Pickthall по изданию Muhammad M. Pickthall, *The Meaning of the Glorious Qur'an*, 2nd edition (Beltsville, MD: Amana Publications, 1999). В данном случае стих «бросить в сердца...», Коран 8:12, цитируется по Muhammad Asad, *The Message of the Qur'an* (Bitton, England: Book Foundation, 2003); «А когда кончатся...», 9:5, по Pickthall; «О пророк!», 9:73, по Pickthall. Reuven Firestone, *Jihad* (New York:

Oxford Univ. Press, 1999); David Cook, *Understanding Jihad* (Berkeley: Univ. of California Press, 2005).

3 «Full Text of Notes Found After Hijackings». «Устрашите...», Коран 8:60, цитируется по N. J. Dawood, *The Koran, with a Parallel Arabic Text* (New York: Viking, 1990), изменено автором.

4 Коран 9:29.

5 «Воздаяние тех...» — Коран 5:33 (Dawood); «А когда вы встретите...» — Коран 47:4 (Dawood). Относительно заявления бин Ладена см. http://www.pbs.org/newshour/terrorism/international/fatwa_1996.html. Теме джихада и установок ислама относительно войны и насилия посвящено множество книг, вышедших в последние годы. См., например, Richard Bonney, *Jihad* (New York: Palgrave Macmillan, 2004); Andrew G. Bostom, *The Legacy of Jihad* (Amherst, NY: Prometheus Books, 2005); Mary R. Habeck, *Knowing the Enemy* (New Haven, CT: Yale Univ. Press, 2006); Laurent Murawiec, *The Mind of Jihad* (New York: Cambridge Univ. Press, 2008); Jarret M. Brachman, *Global Jihadism* (New York: Routledge, 2009).

6 Robert Spencer, *The Complete Infidel's Guide to the Koran* (Chicago: Regnery Press, 2009); David Marshall, *God, Muhammad and the Unbelievers* (Richmond, England: Curzon, 1999).

7 Предложение «Для того чтобы понять, что ислам...» приводится на разных сайтах, см., например, <http://www.faithfreedom.org/Quran.htm>. Мнение Грэма и Робертсона см. в статье «Attacks on Muslims by Conservative Protestants» на сайте http://www.religioustolerance.org/reac_ter18b.htm; Paul M. Weyrich and William S. Lind, *Why Islam Is a Threat to America and the West* (Washington, DC: Free Congress Foundation, 2002). Критика ислама и Корана — см., например, Robert Spencer, *Islam Unveiled* (San Francisco: Encounter Books, 2002); David Bukay, *From Muhammad to Bin Laden* (New Brunswick, NJ:

Transaction, 2008); Brigitte Gabriel, *They Must Be Stopped* (New York: St. Martin's Press, 2008); Raymond Ibrahim, «Are Judaism and Christianity as Violent as Islam?» *Middle East Quarterly*, Summer 2009, 3–12; *Shariah: The Threat to America* (Washington, DC: Center for Security Policy, 2010), 71–72. Относительно исламского антисемитизма см. Robert S. Wistrich, *A Lethal Obsession* (New York: Random House, 2010); Richard L. Rubenstein, *Jihad and Genocide* (Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2010).

8 Цитаты взяты из Andrew C. McCarthy, «Bon Jovi Islam», *National Review*, June 17, 2010, at <http://article.nationalreview.com/436543/bon-jovi-islam/andrew-c-mccarthy>. Более подробно о том же вопросе см. Andrew C. McCarthy, *The Grand Jihad* (New York: Encounter, 2010).

9 Ibn Warraq, *Why I Am Not a Muslim* (Amherst, NY: Prometheus Books, 1995); Irshad Manji, *The Trouble with Islam* (New York: St. Martin's Press, 2004); Ayaan Hirsi Ali, *Infidel* (New York: Free Press, 2007); Wafa Sultan, *A God Who Hates* (New York: St. Martin's Press, 2009); Nonie Darwish, *Cruel and Usual Punishment* (Nashville, TN: Thomas Nelson, 2009); Mosab Hassan Yousef, *Son of Hamas* (Carol Stream, IL: SaltRiver, 2010), см. также интервью с Юсефом на сайте <http://sheikyermami.com/2010/03/23/son-of-hamas-leader-mosab-hassan-yousef-calls-for-banning-the-koran/>. Относительно группы оставивших ислам под названием «Объединение бывших мусульман» см. <http://formermuslimsunitd.americancommunityexchange.org/>. О группе «Мусульмане против шариата» см. <http://www.reformislam.org/>.

10 Andrew G. Bostom, «Why Islam's Jew-Hating Hadith Matter», *Front-PageMagazine.com*, Oct. 3, 2008, at <http://97.74.65.51/readArticle.aspx?ARTID=32563>.

11 Если не оговорено особо, в русском издании Ветхий Завет цитируется по Современному русскому пе-

реводу, Новый Завет — по Синодальному переводу. —
Прим. пер.

12 Мх 6:8, Лк 23:34. Как уже говорилось, если не оговорено особо, цитаты из Библии приводятся по переводу King James Version.

13 John J. Collins, *Does the Bible Justify Violence?* (Minneapolis: Augsburg Fortress, 2004); Eric A. Seibert, *Disturbing Divine Behavior* (Minneapolis: Fortress Press, 2009). Compare Antony F. Campbell, *Making Sense of the Bible* (New York: Paulist Press, 2010); Dereck Daschke and Andrew Kille, eds., *A Cry Instead of Justice* (New York: T&T Clark, 2010); Paul Copan, *Is God a Moral Monster?* (Grand Rapids, Mich.: Baker, 2011).

14 Phyllis Trible, *Texts of Terror* (Augsburg Fortress, 1984). Труд Трайбл вдохновил других авторов на создание книг, таких как Joy A. Schroeder, *Dinah's Lament* (Minneapolis: Fortress Press, 2007). Сравни с Susanne Scholz, *Sacred Witness* (Minneapolis: Fortress Press, 2010).

15 Athalya Brenner, «On the Rivers of Babylon (Psalm 137)», в книге Jonneke Bekkenkamp and Yvonne Sherwood, eds., *Sanctified Aggression* (London: T&T Clark, 2003), 76–91.

16 Gerd Ludemann, *The Unholy in Holy Scripture* (Louisville, KY: Westminster John Knox Press, 1997).

17 Суд 16:30.

18 «Будут пьяны...» — Втор 32:42. Относительно правил войны см. Втор 20:16–18.

19 Ис Нав 8 и 10.

20 «Геноцид — это... действия, совершенные с намерением уничтожить целиком или отчасти какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу». Thomas W. Simon, *The Laws of Genocide* (Westport, CT: Praeger Security International, 2007); Ben Kiernan, *Blood and Soil* (New Haven, CT: Yale Univ. Press, 2007).

21 1 Цар 15, 1 Цар 28:18 — о вызове духа Самуила. Согласно одной из двух взаимно противоречивых версий о смерти Саула к ней приложил руку амалекитянин. P. Kyle McCarter, *I Samuel* (Garden City, NY: Doubleday, 1980); David Toshio Tsumura, *The First Book of Samuel* (Grand Rapids, MI: Eerdmans, 2007).

22 Joel Kaminsky, *Yet I Loved Jacob* (Nashville, TN: Abingdon Press, 2007).

23 Числ 25:1–15.

24 Richard Kelly Hoskins, *Vigilantes of Christendom* (Lynchburg, VA: Virginia Publishing, 1990); Timothy K. Beal, «The White Supremacist Bible and the Phineas Priesthood», in Bekkenkamp and Sherwood, eds., *Sanctified Aggression*, 120–31; Mark Juergensmeyer, *Terror in the Mind of God*, 3rd ed. (Berkeley: Univ. of California Press, 2003).

25 A. Cohen, ed., «Ecclesiastes», in Harry Freedman and Maurice Simon, eds., *Midrash Rabbah*, 13 vols. in 10 (London: Soncino Press, 1939), vol. 8, 199.

26 James Turner Johnson, *Ideology, Reason, and the Limitation of War* (Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1975); James Turner Johnson, *The Holy War Idea in Western and Islamic Traditions* (University Park: Pennsylvania State Univ. Press, 1997); R. Joseph Hoffmann, ed., *The Just War and Jihad* (Amherst, NY: Prometheus Books, 2006).

27 Цитата по John McDonnell, *The Ulster Civil War of 1641 and Its Consequences* (Dublin, Ireland: M. H. Gill, 1879), 120–21. John Corrigan, «Amalek and the Religious Rhetoric of Extermination», in Chris Beneke and Christopher S. Grenda eds., *The First Prejudice* (Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2010), 53–73.

28 О ключевом значении мифа об исходе для европейской культуры см. Michael Walzer, *Exodus and Revolution* (New York: Basic Books, 1985). О Юго-Западной Африке см. Isabel V. Hull, *Absolute Destruction* (Ithaca, NY: Cornell Univ. Press, 2005).

29 Вопрос о взаимосвязи монотеистических религий — всех таких религий — с насилием в последние годы привлекал немало внимания. См., например, James G. Williams, *The Bible, Violence, and the Sacred* (San Francisco: HarperSanFrancisco, 1991); Regina M. Schwartz, *The Curse of Cain* (Chicago: Univ. of Chicago Press, 1997); Marc H. Ellis, *Unholy Alliance* (Minneapolis: Fortress Press, 1997); Peter Partner, *God of Battles* (Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1998); Karen Armstrong, *The Battle for God* (New York: Random House, 2001). После терактов 11 сентября 2001 года ученые всего мира заинтересовались темой насилия и терроризма, связанных с религией. Из многих работ, написанных в последующие несколько лет, см. Oliver McTernan, *Violence in God's Name* (Maryknoll, NY: Orbis Books, 2003); Jack Nelson-Pallmeyer, *Is Religion Killing Us?* (Harrisburg, PA: Trinity Press International, 2003); J. Harold Ellens, ed., *The Destructive Power of Religion* (Westport, CT: Praeger, 2004); Leonard Weinberg and Ami Pedahzur, eds., *Religious Fundamentalism and Political Extremism* (London: Frank Cass, 2004); James F. Rinehart, *Apocalyptic Faith and Political Violence* (New York: Palgrave Macmillan, 2006); Bryan Rennie and Philip L. Tite, eds., *Religion, Terror and Violence* (New York: Routledge, 2008); Jack David Eller, *Cruel Creeds, Virtuous Violence* (Amherst, NY: Prometheus Books, 2010). Относительно эволюционного подхода см. John Teehan, *In the Name of God* (Wiley-Blackwell, 2010).

30 О том, что амнезия неизбежно сопровождает социальное развитие, см. Paul Connerton, *How Modernity Forgets* (New York: Cambridge Univ. Press, 2009).

31 Цитаты из Книги Эсфири, соответственно, 9:5; 8:17; 9:16; 9:17. Frederick W. Bush, «The Book of Esther», *Bulletin for Biblical Research* 8 (1998): 39–54; Linda Day, *Esther* (Nashville, TN: Abingdon Press, 2005).

32 Consultation on Common Texts, *Revised Common Lectionary* (Nashville, TN: Abingdon Press, 1992).

³³ Paul Ricoeur, *Memory, History, Forgetting* (Chicago: Univ. of Chicago Press, 2004). For issues of biblical memory, see Ronald Hendel, *Remembering Abraham* (New York: Oxford Univ. Press, 2005).

³⁴ Tony Judt, *Postwar* (New York: Penguin Press, 2005), 829. David Gross, *Lost Time* (Amherst: Univ. of Massachusetts, 2000); Gavriel D. Rosenfeld, «A Looming Crash or a Soft Landing?» *Journal of Modern History* 81 (2009): 122–58; Astrid Erll and Ansgar Nunning, eds., *A Companion to Cultural Memory Studies* (Berlin: De Gruyter, 2008); Pascal Boyer and James V. Wertsch, eds., *Memory in Mind and Culture* (New York: Cambridge Univ. Press, 2009). О невозможности вспомнить все детали события как неизбежном элементе процесса припоминания см. Michael F. Bernard-Donals, *Forgetful Memory* (Albany: State Univ. of New York Press, 2009). О целенаправленных стратегиях, способствующих забвению или неведению касательно каких-то событий в данной культуре, см. Robert N. Proctor and Londa Schiebinger, eds., *Agnotology* (Palo Alto, CA: Stanford Univ. Press, 2008).

³⁵ Kurt Danziger, *Marking the Mind* (New York: Cambridge Univ. Press, 2008); Sergio Della Sala, ed., *Forgetting* (New York: Psychology Press, 2010).

³⁶ О «добродетели забвения» см. Viktor Mayer-Schonberger, *Delete* (Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 2009). Rene Girard, «Violence in Biblical Narratives», *Philosophy and Literature* 23, no. 2 (1999): 387–92.

³⁷ Elliott Horowitz, *Reckless Rites* (Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 2006). Упоминание Амалека — см. Jeffrey Goldberg, «Israel's Fears, Amalek's Arsenal», *New York Times*, May 17, 2009. Относительно червя Stuxnet и его связи с Книгой Эсфири см. John Markoff and David E. Sanger, «In a Computer Worm, a Possible Biblical Clue», *New York Times*, September 29, 2010; Seymour M. Hersh, *The Samson Option* (New York: Random House, 1991).

38 Philip Jenkins, *The New Faces of Christianity* (New York: Oxford Univ. Press, 2006).

39 Dora Mbuwayesango, «Joshua», in Daniel Patte, J. Severino Croatto, Nicole Wilkinson Duran, Teresa Okure, and Archie Chi Chung Lee, eds., *Global Bible Commentary* (Nashville, TN: Abingdon Press, 2004), 64, 72; Robert Allan Warrior, «A Native American Perspective», in R. S. Sugirtharajah, ed., *Voices from the Margin* (Maryknoll, NY: Orbis, 1995), 277–87. О «синдроме Иисуса Навина» см. Mercedes Garcia Bachmann, «Deuteronomy», in Patte et al., eds., *Global Bible Commentary*, 58; Jong Sun Noh, «Joshua Syndrome and Emerging Threats to Life in the World», *CTC Bulletin* 20, no. 1 (2004), на сайте <http://www.cca.org.hk/resources/ctc/ctc04-01/ctc04-01c.htm>.

40 Jione Havea, «Numbers», in Patte et al., eds., *Global Bible Commentary*, 49–50.

41 Sam Harris, *The End of Faith* (New York: W. W. Norton, 2004); Richard Dawkins, *The God Delusion* (Boston, MA: Houghton Mifflin, 2006); Christopher Hitchens, *God Is Not Great* (New York: Twelve, 2007). Докинз цитируется по «Forgive Me, Spirit of Science», *New Statesman*, December 29, 2010, на сайте <http://www.newstatesman.com/religion/2010/12/king-james-bible-poetry-shall>.

42 Мф 8:26. На самом деле этот отрывок был отредактирован большинством переводчиков. Оригинальный текст лучше понимать следующим образом: «Почему вы — куча трусов [deiloi]»?

43 Maarten J. J. Menken and Steve Moyise, eds., *Deuteronomy in the New Testament* (London; New York: T&T Clark, 2007).

1

44 Втор 7:1–2; Втор 7:16. Moshe Weinfeld, *Deuteronomy 1–11* (New York: Doubleday, 1991), 357–83.

45 О каннибализме см. 4 Цар 6:24–33. John Day, *Molech* (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1989); Klaas Spronk,

«The Daughter of Jephthah», in Jonneke Bekkenkamp and Yvonne Sherwood, eds., *Sanctified Aggression* (London: T&T Clark, 2003), 10–21.

46 Jonathan Kirsch, *The Harlot by the Side of the Road* (New York: Ballantine Books, 1997).

47 Moshe Weinfeld, *The Promise of the Land* (Berkeley: Univ. of California Press, 1993); Tremper Longman III and Daniel G. Reid, *God Is a Warrior* (Grand Rapids, MI: Zondervan, 1995).

48 Thomas B. Dozeman, *God at War* (New York: Oxford Univ. Press, 1996).

49 Числ 31:17–18. Dennis T. Olson, *Numbers* (Louisville, KY: Westminster John Knox Press, 1996).

50 Исх 17:14, 16. Terence E. Fretheim, *Exodus* (Louisville, KY: Westminster John Knox Press, 1991); Scott M. Langston, *Exodus Through the Centuries* (Oxford: Blackwell, 2006); Eric A. Seibert, *Disturbing Divine Behavior* (Minneapolis: Fortress Press, 2009), 169–82.

51 Втор 2:33–34. О царе Сигоне см. Baruch A. Levine, *Numbers 21–36* (New York: Doubleday, 2000).

52 Walter Brueggemann, *Divine Presence amid Violence* (Eugene, OR: Cascade, 2009).

53 Втор 20:16–17 (курсив мой).

54 Как, напр., во Втор 20:16–17.

55 Gerd Ludemann, *The Unholy in Holy Scripture* (Louisville, KY: Westminster John Knox Press, 1997) 36–54; John J. Collins, *Does the Bible Justify Violence?* (Minneapolis: Augsburg Fortress, 2004).

56 Gerhard von Rad, *Holy War in Ancient Israel* (Eugene, OR: Wipf & Stock, 2000 [1958]); Millard Lind, *Yahweh Is a Warrior* (Scottsdale, PA: Herald Press, 1980); Philip D. Stern, *The Biblical Herem* (Atlanta: Scholars Press, 1991); Peter C. Craigie, *The Problem of War in the Old Testament* (Grand Rapids, MI: Eerdmans, 1978); Richard S. Hess, «War in the Hebrew Bible», in Richard S. Hess and

Elmer A. Martens, eds., *War in the Bible and Terrorism in the Twenty-First Century* (Winona Lake, IN: Eisenbrauns, 2008), 19–32.

57 Louis H. Feldman, «Remember Amalek!» (Detroit, MI: Wayne State Univ. Press, 2004); Steven L. Jacobs, ed., *Confronting Genocide* (Lanham, MD: Lexington Books, 2009).

58 Ис Нав. 7–8. О Книге Иисуса Навина см. Gordon Mitchell, *Together in the Land* (Sheffield, England: JSOT, 1993); A. Graeme Auld, «Joshua», in John H. Hayes, ed., *Hebrew Bible* (Nashville, TN: Abingdon, 2004), 71–81. Среди важнейших комментариев к Иисусу Навину следует отметить следующие: J. Maxwell Miller and Gene M. Tucker, eds., *The Book of Joshua* (New York: Cambridge Univ. Press, 1974); Marten H. Woudstra, *The Book of Joshua* (Grand Rapids, MI: Eerdmans, 1981); Robert G. Boling, *Joshua* (Garden City, NY: Doubleday, 1982); Richard S. Hess, *Joshua* (Downers Grove, IL: InterVarsity Press, 1996); Richard D. Nelson, *Joshua* (Louisville, KY: Westminster John Knox Press, 1997); J. Gordon McConville and Stephen N. Williams, *Joshua* (Grand Rapids, Mich.: W. B. Eerdmans, 2010).

59 Относительно Маккеды и Ливны — Ис Нав 10:28–29; прочее — Ис Нав 10:40. L. Daniel Hawk, «Conquest Reconfigured», in Brad E. Kelle and Frank Rithel Ames, eds., *Writing and Reading War* (Leiden, Netherlands: Brill, 2008), 145–60.

60 Ис Нав 24:13.

61 См., однако, John Lowden, *The Octateuchs* (University Park: Pennsylvania State Univ. Press, 1992).

62 Ис Нав 2:9.

63 Seibert, *Disturbing Divine Behavior*, 158–59; Andre Lemaire, «The Mesha Stele and the Omry Dynasty», in Lester L. Grabbe, ed., *Ahab Agonistes* (London: T&T Clark, 2007); Thomas L. Thompson, «Mesha and Questions of

Historicity», *Scandinavian Journal of the Old Testament* 21, no. 2 (2007): 241–60.

⁶⁴ Сравнительный анализ практики ведения войн в древнем мире — см. особенно Lori L. Rowlett, *Joshua and the Rhetoric of Violence* (Sheffield, England: Sheffield Academic Press, 1996); Feldman, «Remember Amalek!». Об ассирийцах см. Steven W. Holloway, *Aššur Is King! Aššur Is King!* (Leiden, Netherlands: Brill, 2002). Michael G. Hasel, *Military Practice and Polemic* (Berrien Springs, MI: Andrews Univ. Press, 2005); C. L. Crouch, *War and Ethics in the Ancient Near East* (New York: Walter de Gruyter, 2009).

⁶⁵ Илиада 6.55–60.

⁶⁶ Robert Ferguson, *The Hammer and the Cross* (London: Allen Lane, 2009).

⁶⁷ *The Histories of Polybius* (Loeb edition) 10.15, на сайте http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Polybius/10*.html; J. E. Lendon, *Soldiers and Ghosts* (New Haven, CT: Yale Univ. Press, 2005).

⁶⁸ О Митридате см. Adrienne Mayor, *The Poison King* (Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 2009).

⁶⁹ Lawrence H. Keeley, *War Before Civilization* (New York: Oxford Univ. Press, 1996); Steven LeBlanc and Katherine E. Register, *Constant Battles* (New York: St. Martin's Press, 2003); Elizabeth N. Arkush and Mark W. Allen, eds., *The Archaeology of Warfare* (Gainesville: Univ. Press of Florida, 2006).

⁷⁰ Песнь Деворы — см. Суд 5:30. Oded Lipschits and Joseph Blenkinsopp, eds., *Judah and the Judeans in the Neo-Babylonian Period* (Winona Lake, IN: Eisenbrauns, 2003).

⁷¹ J. Carter Johnson, «Deliver Us from Kony», *Christianity Today*, Jan. 2006, на сайте <http://www.christianitytoday.com/ct/2006/january/18.30.html>; Matthew Green, *The Wizard of the Nile* (London: Portobello Books, 2008).

⁷² John Hagan and Wenona Rymond-Richmond, *Darfur*

and the Crime of Genocide (New York: Cambridge Univ. Press, 2009).

⁷³ О гаваонитах см. Ис Нав; список покоренных этнических групп — см. Суд 1:27–36. Marc Zvi Brettler, *The Book of Judges* (New York: Routledge, 2002); Carolyn Pressler, *Joshua, Judges, and Ruth* (Louisville, KY: Westminster John Knox Press, 2002); Victor H. Matthews, *Judges and Ruth* (New York: Cambridge Univ. Press, 2004); Susan Niditch, *Judges* (Louisville, KY: Westminster John Knox Press, 2008). О других библейских текстах, оправдывающих рабовладение, см. Stephen R. Haynes, *Noah's Curse* (New York: Oxford Univ. Press, 2002).

⁷⁴ Суд 3:1–2.

⁷⁵ Быт 15:16.

⁷⁶ О Сихоне — Втор 2:30; «Господь побудил...» — Ис Нав 11:20.

2

⁷⁷ Robert G. Boling, *Joshua* (Garden City, NY: Doubleday, 1982); Earl Kalland, Donald H. Madvig, Herbert M. Wolf, and F. B. Huey, *Deuteronomy, Joshua, Judges, Ruth, 1 and 2 Samuel*, vol. 3 in *The Expositor's Bible Commentary* (Grand Rapids, MI: Zondervan, 1992); Michael N. van der Meer, *Formation and Reformulation* (Leiden, Netherlands: Brill, 2004); внимательный и широкомасштабный взгляд на Книгу Иисуса Навина — см. Walter Brueggemann, *Divine Presence amid Violence* (Eugene, OR: Cascade Books, 2009); Jeremy M. Hutton, *The Transjordanian Palimpsest* (Berlin, Germany: Walter de Gruyter, 2009).

⁷⁸ Alan J. Hauser and Duane F. Watson, eds., *A History of Biblical Interpretation*, vol. 1 (Grand Rapids, MI: Eerdmans, 2003).

⁷⁹ John H. Hayes, ed., *Hebrew Bible* (Nashville, TN: Abingdon, 2004).

⁸⁰ Thomas B. Dozeman and Konrad Schmid, eds., *A Farewell to the Yahwist?* (Atlanta: Society of Biblical Literature, 2006); Richard Elliott Friedman, *Who Wrote the Bible?* (Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1987); Richard Elliott Friedman, *The Hidden Book in the Bible* (San Francisco: HarperSanFrancisco, 1998).

⁸¹ Обретение Книги Закона описано в 4 Царств 22–23. О возникновении и контексте Второзакония см. особенно Moshe Weinfeld, *Deuteronomy 1–11* (New York: Doubleday, 1991). Compare Patrick D. Miller, *Deuteronomy* (Louisville, KY: John Knox Press, 1991); Walter Brueggemann, *Deuteronomy* (Nashville, TN: Abingdon Press, 2001); S. D. McBride, «Deuteronomy», in Hayes, ed., *Hebrew Bible*, 39–70.

⁸² Linda S. Schearing and Steven L. McKenzie, eds., *Those Elusive Deuteronomists* (Sheffield, England: Sheffield Academic Press, 1999); Antony F. Campbell and Mark A. O'Brien, *Unfolding the Deuteronomistic History* (Minneapolis: Fortress Press, 2000); Thomas Romer, ed., *The Future of the Deuteronomistic History* (Leuven, Belgium: Leuven Univ. Press, 2000); Albert de Pury, Thomas Romer, and Jean-Daniel Macchi, eds., *Israel Constructs Its History* (Sheffield, England: Sheffield Academic Press, 2000); Gary N. Knoppers and J. Gordon McConville, eds., *Reconsidering Israel and Judah* (Winona Lake, IN: Eisenbrauns, 2000); Jeffrey C. Geoghegan, *The Time, Place, and Purpose of the Deuteronomistic History* (Atlanta: Society of Biblical Literature, 2006); Thomas C. Romer, *The So-Called Deuteronomistic History* (London: T&T Clark 2006).

⁸³ Volkmar Fritz and Philip R. Davies, eds., *The Origins of the Ancient Israelite States* (Sheffield, England: Sheffield Academic Press, 1996); Keith W. Whitelam, *The Invention of Ancient Israel* (London: Routledge, 1996); Niels Peter Lemche, *The Israelites in History and Tradition* (London: SPCK, 1998); Philip R. Davies, *Scribes and Schools* (Louisville, KY:

Westminster John Knox Press, 1998); Thomas L. Thompson, *Early History of the Israelite People* (Leiden, Netherlands: Brill, 2000).

⁸⁴ Thomas Woolston, quoted in David M. Gunn, *Judges Through the Centuries* (Oxford, England: Wiley-Blackwell, 2005), 20. Указание на то, что после описанного геноцида многие народы сохранились, см. в 3 Царств 9:20–22. О ранней исторической критике этих повествований см. John William Colenso, *The Pentateuch and Book of Joshua Critically Examined*, 7 vols. (London: Longmans, Green, 1862–1879). Marc Zvi Brettler, *The Book of Judges* (New York: Routledge, 2002); Carolyn Pressler, *Joshua, Judges, and Ruth* (Louisville, KY: Westminster John Knox Press, 2002); Victor H. Matthews, *Judges and Ruth* (New York: Cambridge Univ. Press, 2004); Susan Niditch, *Judges* (Louisville, KY: Westminster John Knox Press, 2008).

⁸⁵ Eric A. Seibert, *Disturbing Divine Behavior* (Minneapolis: Fortress Press, 2009), 99–108.

⁸⁶ Neil Asher Silberman and David Small, eds., *The Archaeology of Israel* (Sheffield, England: Sheffield Academic Press, 1997); Robert D. Miller II, *Chieftains of the Highland Clans* (Grand Rapids, MI: Eerdmans, 2005).

⁸⁷ Steven A. Leblanc, *Prehistoric Warfare in the American Southwest* (Salt Lake City: Univ. of Utah Press, 1999); Christy G. Turner and Jacqueline A. Turner, *Man Corn* (Salt Lake City: Univ. of Utah Press, 1999); Glen E. Rice and Steven A. LeBlanc, eds., *Deadly Landscapes* (Salt Lake City: Univ. of Utah Press, 2001).

⁸⁸ William G. Dever, *Who Were the Early Israelites, and Where Did They Come From?* (Grand Rapids, MI: Eerdmans, 2003), 29–74.

⁸⁹ Цитата из Dever, *Who Were the Early Israelites?*, 71, курсив оригинала; William G. Dever, *What Did the Biblical Writers Know, and When Did They Know It?* (Grand Rapids, MI: Eerdmans, 2001).

⁹⁰ Amy Dockser Marcus, *The View from Nebo* (Boston, MA: Little Brown, 2000); Seymour Gitin, J. Edward Wright, and J. P. Dessel, eds., *Confronting the Past* (Winona Lake, IN: Eisenbrauns, 2006).

⁹¹ Robert Drews, *The End of the Bronze Age* (Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1993); Lester L. Grabbe, ed., *Israel in Transition*, vol. 1 (New York: T&T Clark, 2008).

⁹² Eliezer D. Oren, ed., *The Sea Peoples and Their World* (Philadelphia: University Museum, Univ. of Pennsylvania, 2000); Oliver Dickinson, *The Aegean from Bronze Age to Iron Age* (New York: Routledge, 2006); Marc Van De Mieroop, *The Eastern Mediterranean in the Age of Ramesses II* (Oxford: Blackwell, 2007); Assaf Yasur-Landau, *The Philistines and Aegean Migration at the End of the Late Bronze Age* (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010).

⁹³ Baruch Halpern, *The Emergence of Israel in Canaan* (Chico, Calif.: Scholars Press, 1983); Israel Finkelstein, *The Archaeology of the Israelite Settlement* (Jerusalem: Israel Exploration Society, 1988); Jonathan N. Tubb, *Canaanites* (London: British Museum Press, 1998); Israel Finkelstein and Neil Asher Silberman, *The Bible Unearthed* (New York: Free Press, 2001); K. L. Noll, *Canaan and Israel in Antiquity* (New York: Sheffield Academic Press, 2001); Jonathan M. Golden, *Ancient Canaan and Israel* (Santa Barbara, Calif.: ABC-Clio, 2004); Israel Finkelstein and Amihai Mazar, *The Quest for the Historical Israel*, ed. Brian B. Schmidt (Leiden, Netherlands: Brill, 2007); Richard S. Hess, Gerald A. Klingbeil, and Paul J. Ray Jr., eds., *Critical Issues in Early Israelite History* (Winona Lake, IN: Eisenbrauns, 2008).

⁹⁴ Цитата из Dever, *Who Were the Early Israelites?*, 182; Ann E. Killebrew, *Biblical Peoples and Ethnicity* (Atlanta: Society of Biblical Literature, 2005). Теория, согласно которой Израиль возник в результате масштабного восстания рабов в Египте, — см. Norman K. Gottwald, *The Tribes of Yahweh* (Sheffield, England: Sheffield Academic

Press, 1999, 20th anniversary edition); Avi Faust, *Israel's Ethnogenesis* (Oakville, CT: Equinox, 2006).

95 Сравни James C. Scott, *The Art of Not Being Governed* (New Haven, CT: Yale Univ. Press, 2009).

96 Marcus, *The View from Nebo*; Dever, *Who Were the Early Israelites?*; Yehezkel Kaufmann, *The Biblical Account of the Conquest of Canaan*, 2nd ed. (Jerusalem: Magnes Press, Hebrew Univ., 1985); Hershel Shanks, William G. Dever, Baruch Halpern, and P. Kyle McCarter, *The Rise of Ancient Israel* (Washington, DC: Biblical Archaeological Society, 1992); Dever, *What Did the Biblical Writers Know?*, 108–25. О языковой идентичности см. Seth L. Sanders, *The Invention of Hebrew* (Urbana: Univ. of Illinois Press, 2009); «Earliest Known Hebrew Text In Proto-Canaanite Script Discovered In Area Where David Slew Goliath», *Science Daily*, Nov. 3, 2008, на сайте <http://www.sciencedaily.com/releases/2008/11/081103091035.htm>. Еврейский назван «языком Ханаана» в Ис 19:18.

97 Johannes C. De Moor, *The Rise of Yahwism*, 2nd ed. (Leuven, Belgium: Uitgeverij Peeters, 1997); John Day, *Yahweh and the Gods and Goddesses of Canaan* (Sheffield, England: Sheffield Academic Press, 2000).

98 Judith M. Hadley, *The Cult of Asherah in Ancient Israel and Judah* (New York: Cambridge Univ. Press, 2000); Beth Alpert Nakhai, *Archaeology and the Religions of Canaan and Israel* (Boston, MA: American Schools of Oriental Research, 2001); William G. Dever, *Did God Have a Wife?* (Grand Rapids, MI: Eerdmans, 2005); Baruch Halpern, *From Gods to God* (Tubingen, Germany: Mohr Siebeck, 2009), 57–131; Francesca Stavrakopoulou and John Barton, eds., *Religious Diversity in Ancient Israel and Judah* (New York: Continuum, 2010).

99 Halpern, *From Gods to God*; Baruch Halpern, *David's Secret Demons* (Grand Rapids, MI: Eerdmans, 2001); Kari

Latvus, *God, Anger and Ideology* (Sheffield, England: Sheffield Academic Press, 1998).

¹⁰⁰ Lester L. Grabbe, ed., *Like a Bird in a Cage* (London: Sheffield Academic Press, 2003); Cynthia R. Chapman, *The Gendered Language of Warfare in the Israelite-Assyrian Encounter* (Winona Lake, IN: Eisenbrauns, 2004); Paul S. Evans, *The Invasion of Sennacherib in the Book of Kings* (Leiden, Netherlands: Brill, 2009).

¹⁰¹ Halpern, *From Gods to God*, 57–131; Weinfeld, *Deuteronomy 1–11*, находит параллели между Второзаконием и языком тогдашних ассирийских царей.

¹⁰² Jack Miles, *God: A Biography* (New York: Alfred A Knopf, 1995), 117–18, 154–59.

¹⁰³ Цитата из Втор 7:23; о шершнях см. Исх 23:27–29; Втор 7:19–23; Ис Нав 24:12. Norman C. Habel, *The Land Is Mine* (Minneapolis: Fortress Press, 1995); Weinfeld, *The Promise of the Land*, 85–87.

¹⁰⁴ Быт 15:16.

¹⁰⁵ Втор 9:4.

¹⁰⁶ Лев 18:24–25. Brueggemann, *Divine Presence amid Violence*.

¹⁰⁷ Втор 32: «Очистит землю...» — ст. 43; «ужас» — ст. 25.

¹⁰⁸ Thomas R. Neufeld, *Put on the Armour of God* (Sheffield, England: Sheffield Academic Press, 1997); Мих 4:13.

¹⁰⁹ Moshe Weinfeld, *The Promise of the Land*, 91; Megan Bishop Moore, «Fighting in Writing», in Brad E. Kelle and Frank Rithel Ames, eds., *Writing and Reading War* (Leiden, Netherlands: Brill, 2008), 57–66; Michael G. Hasel, «Assyrian Military Practices and Deuteronomy's Laws of Warfare», in Kelle and Rithel Ames, eds., *Writing and Reading War*, 67–81.

¹¹⁰ Втор 13: 6–16.

¹¹¹ 4 Цар 23:5, 12, 20, 25.

¹¹² Dennis T. Olson, *Numbers* (Louisville, KY: John Knox

Press, 1996), 152–56; Baruch A. Levine, *Numbers 21–36* (New York: Doubleday, 2000), 277–303.

113 Об Ездre и Неемии см. Charles Fensham, *The Books of Ezra and Nehemiah* (Grand Rapids, MI: Eerdmans, 1983); H. G. M. Williamson, *Ezra-Nehemiah*, vol. 16 in *Word Biblical Commentary* (Nashville, TN: Thomas Nelson, 1985); Matthew Levering, *Ezra and Nehemiah* (Brazos Press, 2007); Mark J. Boda and Paul L. Redditt, *Unity and Disunity in Ezra-Nehemiah* (Sheffield, England: Sheffield Phoenix Press, 2008); Joseph Blenkinsopp, *Judaism, The First Phase* (Grand Rapids, MI: Eerdmans, 2009).

114 Ездp 9:1–2.

115 Неем 13:30 (NRSV). Rainer Albertz and Bob Becking, eds., *Yahwism After the Exile* (Assen, Netherlands: Royal Van Gorcum, 2003); Gary N. Knoppers, Lester L. Grabbe, and Deirdre N. Fulton, eds., *Exile and Restoration Revisited* (London: T&T Clark, 2009).

3

116 В данной главе я пользовался энциклопедией Jane Dammen McAuliffe, ed., *Encyclopaedia of the Qur'an*, 5 vols. (Leiden, Netherlands: Brill, 2001–2005); Jane Dammen McAuliffe, ed., *The Cambridge Companion to the Qur'an* (New York: Cambridge Univ. Press, 2006); Andrew Rippin, ed., *The Blackwell Companion to the Qur'an* (Malden, MA: Blackwell, 2006). См. также Brian A. Brown, *Noah's Other Son* (New York: Continuum, 2007). Относительно традиции комментариев см. Feras Hamza and Sajjad Rizvi, eds., *An Anthology of Qur'anic Commentaries* (New York: Oxford Univ. Press, 2008), vol. 1.

117 См., например, Robert Wright, «The Meaning of the Koran», *New York Times*, September 14, 2010, на сайте <http://opinionator.blogs.nytimes.com/2010/09/14/the-meaning-of->

the-koran/. Я решительно не могу согласиться с выводами некоторых исследователей последних лет о связи ислама с насилием, включая те, что представлены в двух следующих работах: Robert Spencer, *Islam Unveiled* (San Francisco: Encounter Books, 2002); Richard L. Rubenstein, *Jihad and Genocide* (Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2010).

¹¹⁸ Jack Nelson-Pallmeyer, *Is Religion Killing Us?* (Harrisburg, PA: Trinity Press International, 2003); J. Harold Ellens, ed., *The Destructive Power of Religion* (Westport, CT: Praeger, 2004); R. Joseph Hoffmann, ed., *The Just War and Jihad* (Amherst, NY: Prometheus Books, 2006); Gabriel Said Reynolds, ed., *The Qur'an in Its Historical Context* (New York: Routledge, 2008). О насилии в других религиозных традициях см., например, Michael K. Jerryson and Mark Juergensmeyer, eds., *Buddhist Warfare* (New York: Oxford Univ. Press, 2010).

¹¹⁹ David Marshall, *God, Muhammad and the Unbelievers* (Richmond, England: Curzon, 1999).

¹²⁰ Фильм «Фитна» можно найти в Сети, например, на сайте <http://www.break.com/usercontent/2009/2/Fitna-Documentary-about-Islam> — 660675.html.

¹²¹ Richard Bonney, *Jihad* (New York: Palgrave Macmillan, 2004); David Cook, *Understanding Jihad* (Berkeley: Univ. of California Press, 2005); R. Joseph Hoffmann, ed., *The Just War and Jihad* (Amherst, NY: Prometheus Books, 2006).

¹²² Данный отрывок также постоянно цитируется на антимусульманских сайтах, см., например, <http://muhammadsquran.blogspot.com/2009/03/at-taubah-95-verse-of-sword.html>.

¹²³ Коран 47:4.

¹²⁴ Коран 17:16.

¹²⁵ Мф 13:37–42.

¹²⁶ Michael Cook, *The Koran: A Very Short Introduction* (New York: Oxford Univ. Press, 2000), 33–36; Abdullah Saeed, *Interpreting the Qur'an* (New York: Routledge, 2006).

127 Мф 5:18.

128 Если бы «сатанинские стихи» не были удалены, они бы следовали за сурой 53:19–20. «Аллах стирает...» — Коран 22:52.

129 Andrew Rippin, *The Qur'an and Its Interpretative Tradition* (Burlington VT: Ashgate/Variorum, 2001).

130 Mohamed A. Mahmoud, *Quest for Divinity* (Syracuse, NY: Syracuse Univ. Press, 2007); Nasr Abu Zaid, *Rethinking the Qur'an* (Utrecht, Netherlands: Humanistics Univ. Press, 2004); Nasr Abu Zaid with Esther R. Nelson, *Voice of an Exile* (New York: Praeger, 2004); Hussein Abdul-Raof, *Schools of Qur'anic Exegesis* (New York: Routledge, 2010).

131 О реформистской традиции — см., например, Charles Kurzman, *Modernist Islam, 1840–1940* (New York: Oxford Univ. Press, 2002); Michaelle Browsers and Charles Kurzman, eds., *An Islamic Reformation?* (Lanham, MD: Lexington Books, 2004); Suha Taji-Farouki, ed., *Modern Muslim Intellectuals and the Qur'an* (New York: Oxford Univ. Press, 2004); Massimo Campanini, *The Qur'an* (New York: Routledge, 2010).

132 Andrew G. Bostom, *The Legacy of Islamic Antisemitism*, reprint ed. (Amherst, NY: Prometheus Books, 2008).

133 Сравни Spencer, *Islam Unveiled*; Robert Spencer, ed., *The Myth of Islamic Tolerance* (Amherst, NY: Prometheus Books, 2005). Martin Gilbert, *In Ishmael's House* (New Haven, CT: Yale Univ. Press, 2010), дает научную картину жизни евреев в арабских странах.

134 *Sahih Bukhari*, book 041, no. 6985. См., например, <http://www.muslimaccess.com/sunnah/hadeeth/muslim/041.html>.

135 «The Covenant of the Islamic Resistance Movement», 1988, на сайте http://avalon.law.yale.edu/20th_century/hamas.asp.

136 О взаимоотношениях Мухаммеда с евреями Медины см. Michael Lecker, «Glimpses of Muhammad's Medinan Decade», in Jonathan E. Brockopp, ed., *The*

Cambridge Companion to Muhammad (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010), 61–79. О 523 убийствах см. Irfan Shahid, *The Martyrs of Najran* (Brussels, Belgium: Societe des Bollandistes, 1971); сравни Gerard Garitte, ed., *La Prise de Jerusalem par les Perses en 614* (Louvain, Belgium: Secretariat du CorpusSCO, 1960).

137 Коран 5:82.

138 Ibn Warraq, *What the Koran Really Says* (Amherst, NY: Prometheus Books, 2002) and Ibn Warraq, *Which Koran?* (Prometheus Books, 2009); Reynolds, ed., *The Qur'an in Its Historical Context*; Philip Jenkins, *The Lost History of Christianity* (San Francisco: HarperOne, 2008); Fred M. Donner, *Muhammad and the Believers* (Cambridge, MA: Belknap Press, 2010).

139 Коран 2:61–62.

140 Коран 3:112.

141 Коран 4:54–55.

142 Коран 2:61–66; Cook, *The Koran*, 97–100. Сравни Коран 7:163–66, где также за нарушением субботы следует превращение.

143 Ин 8:44, Лк 11:50.

144 Якобы Коран 4:55.

145 Якобы Коран 33:26.

146 Якобы Коран 2:96.

147 Якобы Коран 59:14.

148 Коран 2:256. Thomas Sizgorich, *Violence and Belief in Late Antiquity* (Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2009).

4

149 Пс 77:55.

150 Пс 104:44.

151 Пс 135:18–21.

152 Неем 9:22–24.

153 Charles Kannengiesser, ed., *Handbook of Patristic Exegesis* (Leiden, Netherlands: Brill, 2006); Steve Moyise, *Evoking Scripture* (London: T&T Clark, 2008).

154 Alois Grillmeier, *From the Apostolic Age to Chalcedon*, vol. 1 in *Christ in the Christian Tradition*, rev. ed., trans. John Bowden (Louisville, KY: Westminster John Knox, 1975); Raymond E. Brown, *An Introduction to New Testament Christology* (Mahwah, NJ: Paulist Press, 1994); Richard N. Longenecker, *Biblical Exegesis in the Apostolic Period*, 2nd ed. (Grand Rapids, MI: Eerdmans, 1999); John J. O’Keefe and R. R. Reno, *Sanctified Vision* (Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 2005); J. Levison and P. Pope-Levison, «Christology», in William A. Dyrness and Veli-Matti Karkkainen, eds., *Global Dictionary of Theology* (Downers Grove, IL: InterVarsity Press, 2008), 167–86.

155 Maarten J. J. Menken and Steve Moyise, eds., *Deuteronomy in the New Testament* (London; New York: T&T Clark, 2007).

156 Среди многих патристических текстов см. Michael Slusser, ed., *Dialogue with Trypho* by St. Justin Martyr (Washington, DC: Catholic Univ. of America Press, 2003).

157 Robert C. Hill, ed., *The Questions on the Octateuch by Theodoret of Cyrus*, 2 vols. (Washington, DC: Catholic Univ. of America Press, 2007), vol. 2, 262–63.

158 «Истребив семь народов...» — Деян 13:19; слова Стефана — Деян 7:45. Раав в Новом Завете — см. Евр 11:30–32; Иак 2:24–26.

159 Hill, ed., *Questions on the Octateuch*, vol. 1, 223, об Амалеке; vol. 2, 285, откуда приведена цитата.

160 Eric A. Seibert, *Disturbing Divine Behavior* (Minneapolis: Fortress Press, 2009), 71–77, называет два этих типа аргументации, соответственно, «Божья неприкосновенность» и «правое дело».

161 Рим 9:21–23. Типичное использование такого аргумента см. Irenaeus, «Against Heresies», chap. xxix, на сайте

<http://www.ccel.org/ccel/schaff/anf01.ix.vi.xxx.html>. Образ Бога как горшечника взят из главы 18 Книги пророка Иеремии, хотя достойно внимания то, что в данном отрывке Бог не поступает по произволу или капризам: он судит и сокрушает народы из-за грехов, которые они совершают.

162 Roland Teske, ed., *Answer to Faustus, a Manichaeon* (Hyde Park, NY: New City Press, 2007).

163 Augustine, «Contra Faustum», book xxii, на сайте <http://www.newadvent.org/fathers/140622.htm>.

164 Augustine, «Contra Faustum», book xxii, at <http://www.newadvent.org/fathers/140622.htm>.

165 John Calvin, *Commentaries on the Book of Joshua*, trans. Henry Beveridge, на сайте <http://www.ccel.org/ccel/calvin/calcom07.html>.

166 Calvin, *Commentaries*, на сайте <http://www.ccel.org/ccel/calvin/calcom07.ix.ii.html>. Ronald Goetz, «Joshua, Calvin, and Genocide», *Theology Today* 32, no. 3 (1975), на сайте <http://theologytoday.ptsem.edu/oct1975/v32-3-article5.htm>.

167 Calvin, *Commentaries*, на сайте <http://www.ccel.org/ccel/calvin/calcom07.xiii.iii.html>.

168 Calvin, *Commentaries*, на сайте <http://www.ccel.org/ccel/calvin/calcom07.xiii.iii.html>.

169 Calvin, *Commentaries*, на сайте <http://www.ccel.org/ccel/calvin/calcom07.ix.ii.html>.

170 «Matthew Henry's Concise Commentary on the Bible», на сайте <http://mhc.biblecommenter.com/joshua/8.htm>. Сравни Stephen J. Stein, «Jonathan Edwards and the Cultures of Biblical Violence», in Harry S. Stout, Kenneth P. Minkema, Caleb J. D. Maskell, eds., *Jonathan Edwards at 300* (Lanham, MD: Univ. Press of America, 2005), 54–64.

171 О дискуссиях XIX века см. Timothy Larsen, *Contested Christianity* (Waco, TX: Baylor Univ. Press, 2004).

172 R. L. Dugdale, *The Jukes*, rep. ed. (New York: Arno Press, 1970); Henry Herbert Goddard, *The Kallikak Family* (New York: Arno Press, 1973 [1912]); Nathaniel Deutsch, *Inventing America's «Worst» Family* (Berkeley: Univ. of California Press, 2009). О движении сторонников евгеники — см. Elof Axel Carlson, *The Unfit* (Cold Spring Harbor, NY: Cold Spring Harbor Laboratory Press, 2001); Edwin Black, *War Against the Weak* (London: Four Walls Eight Windows, 2003).

173 Christine Rosen, *Preaching Eugenics* (New York: Oxford Univ. Press, 2004).

174 Jonathan Bayley, *From Egypt to Canaan* (London: George P. Alvey, 1867), 93. Seibert, *Disturbing Divine Behavior*, 77–80, называет это аргументом «ради большего блага».

175 John W. Haley, *An Examination of the Alleged Discrepancies of the Bible* (Andover, MA: Warren F. Draper, 1876), 95; курсив мой.

176 Reuben Archer Torrey, *Difficulties and Alleged Errors and Contradictions in the Bible* (New York: Fleming H. Revell, 1907 [1900]), 47–52.

177 Torrey, *Difficulties*, 47.

178 Все цитаты из Torrey, *Difficulties*, 48–49.

179 Обе цитаты из Torrey, *Difficulties*, 49–50.

180 Thomas W. Davis, *Shifting Sands* (New York: Oxford Univ. Press, 2004); Burke O. Long, *Planting and Reaping Albright* (University Park: Pennsylvania State Univ. Press, 1997).

181 William Foxwell Albright, *From the Stone Age to Christianity*, 2nd ed. (Garden City, NY: Doubleday, 1957 [1940]), 280–81; Michael Prior, *Zionism and the State of Israel* (London: Routledge, 1999), 169–70; Keith W. Whitelam, *The Invention of Ancient Israel* (London: Routledge, 1996).

182 Michael Prior, ed., *Western Scholarship and the History of Palestine* (London: Melisende, 1998). Albright, *From the Stone Age to Christianity*, 281.

183 Albright, *From the Stone Age to Christianity*, 281.

184 Название «Al Spy» — см. L. Daniel Hawk, *Joshua* (Collegeville, MN: Liturgical Press, 2000), 107–35. Другие книги, где достаточно глубоко рассматривается вопрос о «военных преступлениях» — см., например, Jerome Creach, *Joshua* (Louisville, KY: Westminster John Knox Press, 2003). Дискуссии евангелических христиан о нравственной стороне завоевания — см. Paul Copan, «Is Yahweh a Moral Monster?» *Philosophia Christi* 10, no. 1 (2008): 7–37; Wesley Morriston, «Did God Command Genocide?» *Philosophia Christi* 11, no. 1 (2009): 7–26; Randal Rauser, «Let Nothing That Breathes Remain Alive», *Philosophia Christi* 11, no. 1 (2009): 27–41; Paul Copan, «Yahweh Wars and the Canaanites», *Philosophia Christi* 11, no. 1 (2009): 73–91.

185 Paul Copan, «Yahweh Wars and the Canaanites», на сайте <http://epsociety.org/library/articles.asp?pid=63&p=2>. Paul Copan, *Is God a Moral Monster?* (Grand Rapids, Mich.: Baker, 2011), 158–97.

186 C. S. Cowles, Eugene H. Merrill, Daniel L. Gard, and Tremper Longman III, *Show Them No Mercy* (Grand Rapids, MI: Zondervan, 2003), 31.

187 Cowles et al., *Show Them No Mercy*, 93. Относительно Eugene H. Merrill см. его работу *Deuteronomy* (Nashville, TN: Broadman & Holman, 1994).

188 «Самовольными захватчиками...» из H. Merrill, *Deuteronomy* (Nashville, TN: Broadman & Holman, 1994), 176–80, сравни 286–87; «педагогическая ценность» из Cowles et al., *Show Them No Mercy*, 87.

189 Daniel L. Gard in Cowles et al., *Show Them No Mercy*, 55.

190 «Joshua and the Conquest of Canaan», на сайте <http://www.bible-history.com/old-testament/joshua-promised-land.html>.

191 Ralph F. Wilson, «Why the Slaughter of Jericho?» at <http://www.jesuswalk.com/joshua/herem.htm>.

192 «God's Command to Exterminate the Canaanites», at <http://reformedbaptistfellowship.wordpress.com/2007/05/21/god%E2%80%99s-command-to-exterminate-the-canaanites-a-biblical-apology/>.

193 James F. Williams, «How Can a Just God Order the Slaughter of Men, Women and Children?» на сайте http://www.probe.org/site/c.fdKEIMNsEoG/b.4220297/k.6E2/How_Can_a_Just_God_Order_the_Slaughter_of_Men_Women_and_Children.htm.

5

194 C. S. Cowles, Eugene H. Merrill, Daniel L. Gard, and Tremper Longman III, *Show Them No Mercy* (Grand Rapids, MI: Zondervan, 2003), 94. Название данной главы «Приказ о проведении геноцида» позаимствован из знаменитой книги Нормана Кона об истоках антисемитизма.

195 «Наш долг...» — цитируется по Elliott Horowitz, *Reckless Rites* (Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 2006), 120–21; Ralph Niger, которого цитирует Andrew Holt, «Feminine Sexuality and the Crusades», in Albrecht Classen, ed., *Sexuality in the Middle Ages and Early Modern Times* (New York: Walter de Gruyter, 2008), 449–70. О средневековом образе Моисея как полководца см. Meyer Schapiro, *Words and Pictures* (The Hague, Netherlands: Mouton, 1973), 20–22.

196 James Turner Johnson, *Ideology, Reason, and the Limitation of War* (Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1975); James Turner Johnson, *The Holy War Idea in Western and Islamic Traditions* (University Park: Pennsylvania State Univ. Press, 1997).

197 R. Joseph Hoffmann, ed., *The Just War and Jihad* (Amherst, NY: Prometheus Books, 2006).

198 О таборитах см. Wolfgang Menzel, *The History of*

Germany from the Earliest Period to 1842 (London: George Bell, 1908), 167; Martin Luther, «How Christians Should Regard Moses», в издании Timothy F. Lull, ed., *Martin Luther's Basic Theological Writings*, 2nd ed. (Minneapolis: Augsburg Fortress, 2005), 124–32.

199 Timothy George, «War and Peace in the Puritan Tradition», *Church History* 53, no. 4 (1984): 492–503.

200 John Knox, *A Vindication of the Doctrine That the Sacrifice of the Mass Is Idolatry* (1550) на сайте <http://www.swrb.ab.ca/newslett/actualNLs/vindi cat. htm>. Его слова о новом Финеесе — см. Franklin L. Ford, *Political Murder* (Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1985), 154.

201 Thomas Harding, ed., *The Decades of Henry Bullinger* (New York: Cambridge Univ. Press, 1849), 376–77 — «против неисправимых людей...» 380 — «законы войны...». Johnson, *Ideology, Reason, and the Limitation of War*, 110–17.

202 Цитируется по Johnson, *Ideology, Reason, and the Limitation of War*, 118–33: слова о солдате — 122.

203 Цитируется по Johnson, *Ideology, Reason, and the Limitation of War*, 128.

204 Michael Braddick, *God's Fury, England's Fire* (London: Penguin, 2009).

205 John Morrill, «The Faith of Oliver Cromwell», Honeyman Lecture, Tyndale College, Toronto, Canada, 10 Mar. 2009, доступна на сайте <http://alumni.tyndale.ca/>. Дискуссии о мотивах поведения Финееса — см. Martin Dzelzainis, «Incendiaries of the State», in Thomas Corns, ed., *The Royal Image* (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999), 74–95.

206 Цитируется по Kerby A. Miller, Arnold Schrier, Bruce D. Boling, and David N. Doyle, eds., *Irish Immigrants in the Land of Canaan* (New York: Oxford Univ. Press, 2003), 5.

207 John McDonnell, *The Ulster Civil War of 1641 and Its*

Consequences (Dublin, Ireland: M. H. Gill, 1879), 120–22; «падут все те проклятия...» из Timothy Gorringer, *God's Just Vengeance* (New York: Cambridge Univ. Press, 1996), 27.

208 Anthony D. Smith, *Chosen Peoples* (New York: Oxford Univ. Press, 2003), 142. A. R. Fausset, *A Critical and Expository Commentary on the Book of Judges* (London: James Nisbet, 1885), 26.

209 Matthew Tindal, *Christianity as Old as the Creation* (New York: Garland, 1978 [1730]), 263–64.

210 Цитируется по Alfred A. Cave, «Canaanites in a Promised Land», *American Indian Quarterly* 12, no. 4 (1988): 286; сравни Michael Prior, *The Bible and Colonialism* (Sheffield, England: Sheffield Academic Press, 1997). О влиянии Библии на развитие представлений о расе в начале периода Современности см. Colin Kidd, *The Forging of Races* (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006).

211 John Winthrop, «A Modell of Christian Charity» (1630), на сайте <http://www.academicamerican.com/colonial/docs/winthrop.htm>. Conrad Cherry, ed., *God's New Israel*, rev. ed. (Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 1998), 30–60. О мифологии исхода из Земли обетованной см. Michael Walzer, *Exodus and Revolution* (New York: Basic Books, 1985). John Corrigan, «Amalek and the Religious Rhetoric of Extermination», in Chris Beneke and Christopher S. Grenda, eds., *The First Prejudice* (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2010), 53–73.

212 Cotton Mather, *Magnalia Christi Americana*, 2 vols. (Hartford, CT: S. Andrus and son, 1853–1855), vol. 1, 553. Corrigan, «Amalek and the Religious Rhetoric of Extermination»; John Corrigan and Lynn S. Neal, eds., *Religious Intolerance in America* (Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 2010).

213 Michael Wigglesworth, «God's Controversy with New England», доступно на сайте <http://digitalcommons.unl.edu/etas/36/>.

214 Increase Mather, «A Brief History of the War with the Indians in New England», на сайте <http://digitalcommons.unl.edu/libraryscience/31/>. «В этот день...» — цитата из «Diary by Increase Mather», на сайте http://www.archive.org/stream/matherdiary00mathrich/matherdiary00mathrich_djvu.txt.

215 Cotton Mather, *Magnalia Christi Americana*, vol. 2, 552–80, о войнах с индейцами, и vol. 1, 118–31, об «американском Неемии»; «пока вы на поле битвы...» из Susan Niditch, *War in the Hebrew Bible* (New York: Oxford Univ. Press, 1993), 3–4, проповедь Мазера 1689 года «Souldiers Counsell'd and Comforted» цитируется в книге Elliott Horowitz, *Reckless Rites*, 121.

216 Roland H. Bainton, *Christian Attitudes Toward War and Peace* (Nashville, TN: Abingdon, 1960); Henry Gibbs, *The Right Method of Safety* (Boston, MA: 1704); Theodore Roosevelt, *The Winning of the West* (New York: Putnam, 1906), vol. 3, 14. См. John Corrigan, «Amalek and the Religious Rhetoric of Extermination», где приводится ряд подобных примеров, относящихся к Америке XVIII и XIX веков. Сравни Chris Mato Nunpa, «A Sweet-Smelling Sacrifice», in Steven L. Jacobs, ed., *Confronting Genocide* (Lanham, MD: Lexington Books, 2009).

217 Benjamin Franklin, *Autobiography*, на сайте <http://books.eserver.org/nonfiction/franklin/bf6.html>.

218 Cherry, ed., *God's New Israel*, 61–112. Второе инаугурационное обращение Джефферсона — см. <http://www.bartleby.com/124/pres17.html>.

219 Образ Моисея в мифологии Америки — см. Bruce Feiler, *America's Prophet* (New York: William Morrow, 2009). Образы насилия, наполнявшие религиозный дискурс американцев того времени, — см. Jeffrey Williams, *Religion and Violence in Early American Methodism* (Bloomington, IN: Indiana Univ. Press, 2010).

220 *Times* — см. Christopher Herbert, *War of No Pity*

(Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 2007), 107; Brian Stanley, «Christian Responses to the Indian Mutiny of 1857», in W. J. Sheils, ed., *The Church and War* (Oxford: Blackwell, 1983), 277–89.

221 Edward Curtis, «The Blessing of Jael», *The Old Testament Student*, 4 (1884): 12–18.

222 Donald Harman Akenson, *God's Peoples* (Ithaca, NY: Cornell Univ. Press, 1992), 66–69.

223 Anthony D. Smith, *Chosen Peoples* (New York: Oxford Univ. Press, 2003).

224 Лев 20:2–7; Исх 34:13.

225 Хорма упоминается в Суд 1:17. Ludwig A. Rosenthal, «Einiges über die Agada in der Mechilta», in George Alexander Kohut, ed., *Semitic Studies in Memory of Rev. Dr. Alexander-Kohut* (Berlin: S. Calvary, 1897), 463–84; Franz Meffert, *Israel und der alte Orient* (Monchengladbach, Germany: Volksvereins-Verlag, 1921).

226 Энгельс и «Ausrottung» — см. на сайте http://www.mlwerke.de/me/mel6/mel6_459.htm.

227 David Olusoga and Casper W. Erichsen, *The Kaiser's Holocaust* (London: Faber & Faber, 2010); Isabel V. Hull, *Absolute Destruction* (Ithaca, NY: Cornell Univ. Press, 2005); Carl-J. Hellberg, *Mission, Colonialism and Liberation* (Windhoek, Namibia: New Namibia Books, 1997); Jan-Bart Gewald, «The Great General of the Kaiser», *Botswana Notes and Records* 26 (1994): 67–76.

228 Cathie Carmichael, *Genocide Before the Holocaust* (New Haven, CT: Yale Univ. Press, 2009); Volker M. Langbehn, ed., *German Colonialism, Visual Culture, and Modern Memory* (New York: Routledge, 2010); Shelley Baranowski, *Nazi Empire* (New York: Cambridge Univ. Press, 2010).

229 Dickson Adeyanju, «Pastor Bakare and His Burden of Prophecies», на сайте http://www.nigerdeltacongress.com/particles/pastor_bakare_and_his_burden_of.htm.

²³⁰ David F. Dawes, «Rwanda's Genocide», at <http://www.canadianchristianity.com/cgi-bin/bc.cgi?bc/bccn/0601/intrwanda>.

6

²³¹ 2 Макк 12:13–16. Lawrence H. Schiffman and Joel B. Wolowelsky, eds., *War and Peace in the Jewish Tradition* (New York: KTAV, 2007); Frank Ritchel Ames, «The Meaning of War», in Brad E. Kelle and Frank Ritchel Ames, eds., *Writing and Reading War* (Leiden, Netherlands: Brill, 2008), 19–32. О сложных нюансах установок евреев относительно войны и насилия на протяжении их многовековой истории см. Robert Eisen, *The Peace and Violence of Judaism* (New York: Oxford Univ. Press, 2011).

²³² Michael Wise, Martin Abegg, Jr., and Edward Cook, *The Dead Sea Scrolls* (San Francisco: HarperSanFrancisco, 1996), 151, 150–72; Geza Vermes, ed., *The Complete Dead Sea Scrolls in English* (New York: Allen Lane/Penguin Press, 1997), 161–89; Jean Duhaime, *The War Texts* (London: T&T Clark, 2004).

²³³ Tremper Longman III and Daniel G. Reid, *God Is a Warrior* (Grand Rapids, MI: Zondervan, 1995).

²³⁴ Gerard Garitte, ed., *La Prise de Jerusalem par les Perses en 614* (Louvain, Belgium: Secretariat du CorpusSCO, 1960); Seth Schwartz, *Imperialism and Jewish Society, 200 b. c. e. to 640 c. e.* (Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 2001); Elliott Horowitz, *Reckless Rites* (Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 2006), 228–41; Leo Dupree Sandgren, *Vines Intertwined* (Grand Rapids, Mich.: Baker Academic, 2010).

²³⁵ Сир 45:28; 1 Мак 2:26. Mark Andrew Brighton, *The Sicarii in Josephus's Judean War* (Leiden, Netherlands: Brill, 2009).

236 «Phinehas», *Jewish Encyclopedia*, на сайте <http://www.jewishencyclopedia.com/view.jsp?artid=282&letter=P>; «Zealots», *Jewish Encyclopedia*, на сайте <http://www.jewishencyclopedia.com/view.jsp?artid=49&letter=Z>. Финеес как апокалиптический герой — см. James Hastings, ed., *A Dictionary of the Bible* (New York: Scribner, 1900), 854. О комментариях на отрывок про Финееса см. Judah J. Slotki, ed., «Numbers», in Harry Freedman and Maurice Simon, eds., *Midrash Rabbah*, 13 vols. in 10 (London: Soncino Press, 1939), vol. 6, 827–52: «Если кто-то прольет...» — 829–30.

237 Shalom Carmy, «The Origin of Nations and the Shadow of Violence», in Schiffman and Wolowelsky, eds., *War and Peace in the Jewish Tradition*, 163–200; Alastair G. Hunter, «(De) Nominating Amalek», in Jonneke Bekkenkamp and Yvonne Sherwood, eds., *Sanctified Aggression* (London: T&T Clark, 2003), 92–108.

238 Ицх 17:14–15. Louis H. Feldman, «Remember Amalek!» (Detroit, MI: Wayne State Univ. Press, 2004).

239 Norman Lamm, «Amalek and the Seven Nations», in Schiffman and Wolowelsky, eds., *War and Peace in the Jewish Tradition*, 201–38.

240 Jon D. Levenson, *Esther* (Louisville, KY: Westminster John Knox Press, 1997); Michael V. Fox, *Character and Ideology in the Book of Esther*, 2nd ed. (Grand Rapids, MI: Eerdmans, 2001); Carol M. Bechtel, *Esther* (Louisville, KY: John Knox Press, 2002); Sidnie White Crawford and Leonard J. Greenspoon, eds., *The Book of Esther in Modern Research* (London: T&T Clark International, 2003).

241 Maurice Simon, ed., «Esther», in Freedman and Simon, eds., *Midrash Rabbah*, vol. 9, 92ff: «Моего предка Арара...» — 96. Elaine Rose Glickman, *Haman and the Jews* (Northvale, NJ: Jason Aronson, 1999); Jo Carruthers, *Esther Through the Centuries* (Oxford: Blackwell, 2008). О чтении

в синагогах — см. Eveline van Staaldvine-Sulman, *The Targum of Samuel* (Leiden, Netherlands: Brill, 2002), 320.

242 Эсфирь 9:16. See Horowitz, *Reckless Rites*.

243 J. Rabbinowitz, ed., «Deuteronomy», in Freedman and Simon, eds., *Midrash Rabbah*, vol. 7, 111. Charlotte E. Fonrobert and Martin S. Jaffee, eds., *The Cambridge Companion to the Talmud and Rabbinic Literature* (New York: Cambridge Univ. Press, 2007).

244 Цитата из Мехилты по Moshe Sokolow, «What Is This Bleeting of Sheep in My Ears?» in Schiffman and Wolowelsky, eds., *War and Peace in the Jewish Tradition*, 149; Avi Sagi, «The Punishment of Amalek in Jewish Tradition», *Harvard Theological Review* 87, no. 3 (1994): 323–46. О Маймони-де см. Hunter, «(De) Nominating Amalek», 103; Horowitz, *Reckless Rites*, 129–34.

245 Eliav Shochetman, «He Who Is Compassionate to the Cruel Will Ultimately Become Cruel to the Compassionate», на сайте <http://www.acpr.org.il/ENGLISH-NATIV/06-issue/shochetman> — 6.htm; A. Cohen, ed., «Ecclesiastes», in Freedman and Simon, eds., *Midrash Rabbah*, vol. 8, 199.

246 Feldman, «Remember Amalek!» 77–78. О визите кайзера см. David Golinkin, «Are Jews Still Commanded to Blot Out the Memory of Amalek?» на сайте <http://www.schechter.edu/insightIsrael.aspx?ID=27>.

247 О деле Эйхмана см. «Amalek», на сайте <http://www.statemaster.com/encyclopedia/Amalek>.

248 «Letters of Rav Kook», на сайте <http://www.orot.com/letter11.html>.

249 Henry Leroy Finch, *Simone Weil and the Intellect of Grace* (New York: Continuum, 1999), 106–7; см. также Michael Prior, *The Bible and Colonialism* (Sheffield, England: Sheffield Academic Press, 1997), 152–73.

250 David Hirst, *The Gun and the Olive Branch*, 3rd ed. (New York: Nation Books, 2003).

251 Nachman Ben-Yehuda, *Theocratic Democracy* (New

York: Oxford Univ. Press, 2010); Eric Kaufmann, *Shall the Religious Inherit the Earth?* (London: Profile Books, 2010).

252 Stephen Spector, *Evangelicals and Israel* (New York: Oxford Univ. Press, 2008).

253 Idith Zertal and Akiva Eldar, *Lords of the Land* (New York: Nation Books, 2007); Nur Masalha, *The Bible and Zionism* (London: Zed Books, 2007), 149–54; Ami Pedahzur and Arie Perliger, *Jewish Terrorism in Israel* (New York: Columbia Univ. Press, 2009).

254 Nur Masalha, «Reading the Bible with the Eyes of the Canaanites», *Holy Land Studies* 8 (2009): 55–108. Fred Halliday, *Islam and the Myth of Confrontation* (London: I. B. Tauris, 2003); Basem L. Ra'ad, *Hidden Histories* (London: Pluto Press, 2010).

255 Pedahzur and Perliger, *Jewish Terrorism in Israel*; Masalha, «Reading the Bible with the Eyes of the Canaanites».

256 См. <http://www.memri.org/content/en/main.htm>.

257 О Бен-Гурионе см. «Ben-Gurion on the Threat from Amalek», на сайте http://jeffreycgoldberg.theatlantic.com/archives/2009/05/ben_gurion_on_amalek.php.

258 Цитата из Соловейчика по Shochetman, «He Who Is Compassionate»; Dina Porat, «Amalek's Accomplices», *Journal of Contemporary History* 27 (1992): 695–729; Gershon Greenberg, «Ultra-Orthodox Jewish Thought About the Holocaust Since World War II», in Steven T. Katz, ed., *The Impact of the Holocaust on Jewish Theology* (New York: New York Univ. Press, 2005), 132–60; Eran Kaplan, *The Jewish Radical Right* (Madison: Univ. of Wisconsin Press, 2005).

259 Обе цитаты из Horowitz, *Reckless Rites*, 1–3; Moshe Greenberg, «On the Political Use of the Bible in Modern Israel», in David P. Wright, David Noel Freedman, and Avi Hurvitz, eds., *Pomegranates and Golden Bells* (Winona Lake, IN: Eisenbrauns, 1995), 461–72.

260 О Реймаре см. Shmuly Yanklowitz, «Genocide in the Torah», на сайте <http://www.myjewishlearning.com/beliefs/>

Issues/War_and_Peace/Combat_and_Conflict/Types_of_War/Genocide. shtml.

261 См. Nur Masalha, *The Bible and Zionism* (London: Zed Books, 2007), 150.

262 Masalha, *The Bible and Zionism*.

263 Shochetman, «He Who Is Compassionate».

264 Kobi Nahshoni, «Rabbi Eliyahu: Life of One Yeshiva Boy Worth More Than 1,000 Arabs», на сайте <http://www.ynet.co.il/english/articles/0,7340, L — 3527410,00.html>; Mois Navon, «Remember Amalek», на сайте <http://www.aish.com/print/? contentID=48967261§ion=/h/ pur/t; Израэль Розен цитируется по Nadav Shragai, «An Amalek in Our Times?» Haaretz, Mar. 26, 2008, на сайте http://www.haaretz.co.il/ hasen/spages/968452.html>.

265 Пс 17:38–39. Amos Harel, «IDF Rabbinate Publication During Gaza War: We Will Show No Mercy on the Cruel», *Haaretz*, Jan. 26, 2009, на сайте <http://www.haaretz.com/hasen/spages/1058758.html>.

266 Horowitz, *Reckless Rites*; Relly Sa'ar, «Poraz 'Repulsed' by Cases of Jews Spitting on Christians», *Haaretz*, Oct. 12, 2004, на сайте <http://www.haaretz.com/hasen/pages/ShArt.jhtml? itemNo=487887>; John L. Allen Jr., «Jews Move to Halt Spitting at Christians in Jerusalem», *National Catholic Reporter*, Jan. 5, 2010, на сайте <http://ncronline.org/blogs/ncr-today/jews-move-halt-spitting-christians-jerusalem>.

267 Horowitz, *Reckless Rites*.

268 Norman Lamm, «Amalek and the Seven Nations».

269 Vered Vinitzky-Seroussi, *Yitzhak Rabin's Assassination and the Dilemmas of Commemoration* (Albany: SUNY Press, 2009); Ehud Sprinzak, *Brother Against Brother* (New York: Free Press, 1999). «Rabbi Mordechai Eliyahu», obituary, *The Independent*, July 16, 2010.

270 Ben-Yehuda, «Theocratic Democracy», 279–80; Noah J. Efron, *Real Jews* (New York: Basic Books, 2003). «Рав Кук объяснял...» из «Pinchas: Zealotry for the Sake of

Heaven», на сайте <http://www.ravkooktorah.org/PINHAS58.htm>.

271 «Reform Jews Say Israel Chief Rabbi's Sermon Advocates Their Death», July 9, 1996, цитируется на сайте <http://www.catholicculture.org/news/features/index.cfm?recnum=856>.

272 Chanan «My Pink Shirt and the Haredim», Nov. 11, 2006, на сайте <http://www.blogsofzion.com/index.php?s=romeima>.

273 Jeffrey Goldberg, «Protect Sharon from the Right», *New York Times*, Aug. 5, 2004.

274 Yael Meyer, «Shas Rabbi Ovadia Yosef Issues Call for Destruction of Education Minister Sarid», Mar. 19, 2000, на сайте http://web.archive.org/web/20020926052905/http://www.irac.org/article_e.asp?artid=248. Не так давно раввин Йосеф высказал мнение, что язычники существуют лишь для одной цели — чтобы служить евреям: Natasha Mozgovaya, «ADL Slams Shas Spiritual Leader For Saying Non-Jews 'Were Born To Serve Jews'» *Haaretz*, October 10, 2010, на сайте <http://www.haaretz.com/jewish-world/adl-slams-shas-spiritual-leader-for-saying-non-jews-were-born-to-serve-jews-1.320235>.

275 Jeffrey Goldberg, «The Point of No Return», *Atlantic*, September 2010.

7

276 Цитируется по Carlin Romano, «Are Sacred Texts Sacred?» *Chronicle of Higher Education*, Sept. 21, 2007. О роли Писания в развитии «мизотеизма» см. Bernard Schweizer, *Hating God* (New York: Oxford Univ. Press, 2010).

277 Martin Buber, *Meetings*, 3rd ed. (London: Routledge, 2002), 62–64.

278 Yuri Stoyanov, *The Other God* (New Haven, CT: Yale Univ. Press, 2000).

279 Antti Marjanen and Petri Luomanen, eds., *A Companion to Second-Century Christian 'Heretics'* (Leiden, Netherlands: Brill, 2005); Karen L. King, *What Is Gnosticism?* (Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard Univ. Press, 2005).

280 Джордж Лукас объяснил, что имя *Darth Vader* должно напоминать о выражении «темный отец», вероятно, если использовать голландский, однако на самом деле такой перевод неверен. Bentley Layton, *The Gnostic Scriptures* (Garden City, NY: Doubleday, 1987); James M. Robinson, *The Nag Hammadi Library in English*, 4th rev. ed. (Leiden, Netherlands: Brill, 1996); Gerard P. Luttikhuisen, *Gnostic Revisions of Genesis Stories and Early Jesus Traditions* (Leiden, Netherlands: Brill, 2006); Birger A. Pearson, *Ancient Gnosticism* (Minneapolis: Fortress Press, 2007).

281 Сатурнин цитируется по Irenaeus, «Against Heresies», chap. xxiv, на сайте <http://www.ccel.org/ccel/schaff/anf01.ix.ii.xxv.html>.

282 Кердон цитируется по Philip R. Amidon, ed., *The Panarion of St. Epiphanius, Bishop of Salamis* (New York: Oxford Univ. Press, 1990), 143; 133 о каинитах. См. также Alexander Roberts and James Donaldson, eds., *The Apostolic Fathers: Justin Martyr, Irenaeus*, in *Ante-Nicene Fathers* (New York: Scribner, 1926), vol. 1, 352; 358 о каинитах. Frank Williams, trans., *The Panarion of Epiphanius of Salamis*, 2 vols. (Leiden, Netherlands: Brill, 1987–1994), vol. 1, 241–48 (офиты), 248–54 (каиниты), and 255–62 (сифиты).

283 Roberts and Donaldson, eds., *The Apostolic Fathers*, vol. 1, 352–53; Williams, trans., *The Panarion of Epiphanius of Salamis*, vol. 1, 272–337; Robert Smith Wilson, *Marcion* (London: Clarke, 1933); E. C. Blackman, *Marcion and His Influence* (New York: AMS Press, 1978 [1948]); Eric A. Seibert, *Disturbing Divine Behavior* (Minneapolis: Fortress Press, 2009), 54–68.

284 «The author of evils» is from Irenaeus, «Against Heresies», xxvii, на сайте <http://www.ccel.org/ccel/schaff/anf01.ix.ii.xxviii.html>; Tertullian, «Against Marcion», на сайте <http://www.newadvent.org/fathers/03121.htm> и <http://www.newadvent.org/fathers/03122.htm>.

285 О том, как Бог ожесточает сердца противников, см. Irenaeus, «Against Heresies», xxix, на сайте <http://www.ccel.org/ccel/schaff/anf01.ix.vi.xxx.html>; «Каину и тем, кто ему подобен...» см. xxvii, <http://www.ccel.org/ccel/schaff/anf01.ix.ii.xxviii.html>.

286 Williams, trans., *The Panarion of Epiphanius of Salamis*, vol. 2, 219–308: цитата со стр. 302.

287 Williams, trans., *The Panarion of Epiphanius of Salamis*, vol. 2, 227; Roland Teske, ed., *Answer to Faustus, a Manichaeon* (Hyde Park, NY: New City Press, 2007).

288 Samuel N. C. Lieu, *Manichaeism in the Later Roman Empire and Medieval China* (Tubingen, Germany: Mohr, 1992).

289 Elaine H. Pagels, *The Gnostic Gospels* (New York: Random House, 1979).

290 О современных попытках освободить Иисуса от иудаизма см. Philip Jenkins, *Hidden Gospels* (New York: Oxford Univ. Press, 2000); Susannah Heschel, *The Aryan Jesus* (Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 2008).

291 Stewart J. Brown and Timothy Tackett, eds., *Enlightenment, Reawakening and Revolution 1660–1815* (New York: Cambridge Univ. Press, 2006); David Sorkin, *The Religious Enlightenment* (Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 2008).

292 Christoph A. Stumpf, *The Grotian Theology of International Law* (Berlin: Walter de Gruyter, 2006); David Armstrong, ed., *Routledge Handbook of International Law* (New York: Routledge, 2009).

293 S. J. Barnett, *Idol Temples and Crafty Priests* (New York: St. Martin's Press, 1999).

²⁹⁴ John Toland, *Christianity Not Mysterious* (London: 1702), 37; W. Neil, «The Criticism and Theological Use of the Bible 1700–1950», in Stanley F. Greenslade, ed., *The Cambridge History of the Bible* (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1975), vol. 3, 240–54; James A. Herrick, *The Radical Rhetoric of the English Deists* (Columbia: Univ. of South Carolina Press, 1997).

²⁹⁵ Stephen Lalor, *Matthew Tindal, Freethinker* (New York: Continuum, 2006).

²⁹⁶ «Даже когда буквальный смысл...» — Matthew Tindal, *Christianity as Old as the Creation* (New York: Garland, 1978 [1730]), 262; «Чем более святого мужа...» — 264–65; «Без сомнения, порочным священникам...» — 270–71.

²⁹⁷ Tindal, *Christianity as Old as the Creation*, 274–75.

²⁹⁸ Tindal, *Christianity as Old as the Creation*, 273; Justin Champion, *Republican Learning* (Manchester, England: Manchester Univ. Press, 2003).

²⁹⁹ О Тиндале и «стремлении к счастью» см. Lalor, *Matthew Tindal*, 5. Charles H. Talbert, ed., *Reimarus: Fragments* (Chico, CA: Scholars Press, 1985; reprint of 1970 edition from Fortress Press). О первых спорах вокруг авторитета Библии в Европе см. Paul S. Spalding, *Seize the Book, Jail the Author* (West Lafayette, IN: Purdue Univ. Press, 1998).

³⁰⁰ Thomas Paine, *The Age of Reason* (New York: Wright & Owen, 1831), part 1, sect. 4.

³⁰¹ Paine, *The Age of Reason*, part 2, sect. 6.

³⁰² Цитата приводится в книге James Smith, *The Christian's Defence* (Cincinnati, OH: J. A. James, 1843), 296.

³⁰³ Voltaire, «Des Moeurs des Juifs», *Oeuvres Completes de Voltaire: Philosophie* (Paris: Armand-Abree, 1830), vol. 2, 21–22.

³⁰⁴ Mark Twain, *Letters from the Earth*, ed. Bernard DeVoto (New York: Perennial, 1974), 54–55; Howard G. Baetzhold

and Joseph B. McCullough, eds., *The Bible According to Mark Twain* (New York: Touchstone Books, 1996); Seibert, *Disturbing Divine Behavior*, 40–43.

8

³⁰⁵ Georges R. Tamarin, *The Israeli Dilemma* (Rotterdam, Netherlands: Rotterdam Univ. Press, 1973).

³⁰⁶ Leon Festinger, Henry W. Riecken, and Stanley Schacter, *When Prophecy Fails* (Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1956); Joel Cooper, *Cognitive Dissonance* (Thousand Oaks, CA: Sage, 2007); Carol Tavris, *Mistakes Were Made (But Not By Me)* (New York: Harcourt, 2007).

³⁰⁷ David Matza, *Delinquency and Drift* (New Brunswick, NJ: Transaction, 1990); Franklyn W. Dunford and Phillip R. Kunz, «The Neutralization of Religious Dissonance», *Review of Religious Research* 15, no. 1 (1973): 2–9.

³⁰⁸ О разных стратегиях чтения неприемлемых текстов см. Eric A. Seibert, *Disturbing Divine Behavior* (Minneapolis: Fortress Press, 2009), 209–42. Robert Eisen, *The Peace and Violence of Judaism* (New York: Oxford Univ. Press, 2011).

³⁰⁹ Lesleigh Cushing Stahlberg, *Sustaining Fictions* (New York: T&T Clark, 2008).

³¹⁰ Jerome Creach, *Joshua* (Louisville, KY: Westminster John Knox Press, 2003), 42.

³¹¹ J. Rabbinowitz, ed., «Deuteronomy», in Harry Freedman and Maurice Simon, eds., *Midrash Rabbah*, 13 vols. in 10 (London: Soncino Press, 1939), vol. 7, 116.

³¹² Serge Lancel, *Carthage* (Cambridge, MA: Blackwell, 1994). «Потомки Амана изучали Тору в Венай-Берак. Святой, да будет Он благословен, замыслил привести даже потомков этого злодея под крылья *Шехины*»,

Babylonian Talmud, Sanhedrin 96b, на сайте http://www.come-and-hear.com/sanhedrin/sanhedrin_96.html#96b_18.

313 Пс 105:29–31.

314 Louis H. Feldman, «Remember Amalek!» (Detroit, MI: Wayne State Univ. Press, 2004). Жестокая история Иеффая также получила новое истолкование подобного рода. В оригинальной версии (Судей 11:29–40) Иеффай должен принести дочь в жертву по той причине, что дал опрометчивый обет Богу. Позднейшие учителя пытались предложить новое понимание случившегося: клятва отца состояла не в том, чтобы умертвить свою дочь, но лишь в том, что она останется девой на всю свою жизнь. См. Joshua Berman, «Medieval Monasticism and the Evolution of Jewish Interpretation of the Story of Jephthah's Daughter», *Jewish Quarterly Review* 95.2 (2005): 228–56.

315 Moshe Sokolow, «What Is This Bleeting of Sheep in My Ears?» in Lawrence H. Schiffman and Joel B. Wolowelsky, eds., *War and Peace in the Jewish Tradition* (New York: KTAV, 2007), 133–62.

316 Слова Бааля Шема Това приводятся, например, в «The Song That Transformed Amalek», на сайте <http://www.decoupageforthesoul.com/rebbesaysadar5763.htm>; цитата из рабби Шнеерсона с сайта http://www.chabad.org/library/article_cdo/aid/150871/jewish/Amalek-The-Perpetual-Enemy-of-the-Jewish-People.htm.

317 «Remember What Amalek Did to You», на сайте http://www.chabad.org/parshah/article_cdo/aid/704644/jewish/Remember-What-Amalek-Did-to-You.htm.

318 G. F. Haddad, «Documentation of Greater Jihad Hadith», на сайте http://www.livingislam.org/n/dgjh_e.html.

319 Cheikh Anta Mbacke Babou, *Fighting the Greater Jihad* (Athens: Ohio Univ. Press, 2007); Annabel Keeler, *Sufi Hermeneutics* (New York: Oxford Univ. Press, 2006).

320 Michael Slusser, ed., *Dialogue with Trypho*, by St. Justin Martyr (Washington, DC: Catholic Univ. of America Press, 2003).

321 Thomas R. Neufeld, *Put on the Armour of God* (Sheffield, England: Sheffield Academic Press, 1997); A. Graeme Auld, *Joshua Retold* (Edinburgh: T&T Clark, 1998), 129–39.

322 Shelly Matthews and E. Leigh Gibson, eds., *Violence in the New Testament* (London: T&T Clark, 2005).

323 «The Epistle of Barnabas», in Bart Ehrman, ed., *Apostolic Fathers*, 2 vols. (Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 2003), vol. 2, 59.

324 Joseph T. Lienhard with Ronnie J. Rombs, eds., *Exodus, Leviticus, Numbers, Deuteronomy* (Downers Grove, IL: InterVarsity Press, 2001); John R. Franke, ed., *Joshua, Judges, Ruth, 1–2 Samuel* (Downers Grove, IL: InterVarsity Press, 2005).

325 Seibert, *Disturbing Divine Behavior*, 61–64; Elizabeth Dively Lauro, *The Soul and Spirit of Scripture Within Origen's Exegesis* (Leiden, Netherlands: Brill, 2005); Elizabeth Dively Lauro, ed., *Origen: Homilies on Judges* (Washington, DC: Catholic Univ. of America Press, 2010).

326 Cynthia White, ed., *Origen: Homilies on Joshua* (Washington, DC: Catholic Univ. of America Press, 2002), 125 — «Таким образом, этот труд...»; повествование о пяти царях — 118–19.

327 White, ed., *Origen: Homilies on Joshua*, 34 — «Внутри нас есть ханааней...»; 92–93 — «За этими словами сокрыты...»; сравни 145.

328 Augustine, «Reply to Faustus», xxii, на сайте <http://www.ccel.org/ccel/schaff/npnf104.iv.ix.xxiv.html>.

329 Augustine, «Reply to Faustus», xxii, на сайте <http://www.ccel.org/ccel/schaff/npnf104.iv.ix.xxiv.html>.

330 John Russell Bartlett, ed., *The Letters of Roger Williams 1632–1682* (Providence, RI: Narragansett Club, 1874), 10.

331 G. Osborn, ed., *The Poetical Works of John and Charles*

Wesley (London: Wesleyan-Methodist Conference Centre, 1870), vol. 9, 125–26. Jeffrey Williams, *Religion and Violence in Early American Methodism* (Bloomington: Indiana Univ. Press, 2010).

332 Jonathan Bayley, *From Egypt to Canaan* (London: George P. Alvey, 1867), 93–94.

333 Доступен на сайте <http://cyberhymnal.org/htm/c/h/chridost.htm>.

334 Эти высказывания часто цитируются, см., например, Patrick F. O'Hare, *The Facts About Luther* (New York: Frederick Pustet, 1916), 207–8.

335 Thomas Jefferson, *The Jefferson Bible* (Boston, MA: Beacon Press, 1989).

336 E. A. Thompson, *The Visigoths in the Time of Ulfila* (Oxford: Clarendon Press, 1966).

337 Reuben Archer Torrey, *Difficulties and Alleged Errors and Contradictions in the Bible* (New York: Revell, 1907), 62–63, где речь идет о Римлянах 1:26–27.

338 О Пс 136 см. Susan Gillingham, *Psalms Through the Centuries* (Oxford: Blackwell, 2008); «из страха перед Иудеями» — Ин 20:19.

339 Frank C. Senn, *Christian Liturgy* (Minneapolis: Augsburg Fortress, 1997).

340 Ис 7:14.

341 Consultation on Common Texts, *Revised Common Lectionary* (Nashville, TN: Abingdon Press, 1992); Roger E. Van Harn, ed., *The Lectionary Commentary*, 3 vols. (Grand Rapids, MI: Eerdmans, 2001); David Lyon Bartlett and Barbara Brown Taylor, *Feasting on the Word* (Louisville, KY: Westminster John Knox Press, 2008); Roger E. Van Harn and Brent A. Strawn, eds., *Psalms for Preaching and Worship* (Grand Rapids, MI: Eerdmans, 2009).

342 Числ 21:6–9; Ин 3:14–15.

343 Исх 17.

9

344 Baruch Halpern, *The First Historians* (San Francisco: Harper & Row, 1988).

345 Joel Kaminsky, *Yet I Loved Jacob* (Nashville, TN: Abingdon Press, 2007).

346 Timothy Larsen and Daniel J. Treier, eds., *The Cambridge Companion to Evangelical Theology* (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007); Ben Witherington III, *The Problem with Evangelical Theology* (Waco, TX: Baylor Univ. Press, 2005).

347 Thomas Cripps, ed., *The Green Pastures* (Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1979).

348 Роберт Райт, *Эволюция Бога*, М.: Эксмо, 2012; Jack Miles, *God: A Biography* (New York: Knopf, 1995).

349 Райт, *Эволюция Бога*, с. 227.

350 Philip J. King, *Amos, Hosea, Micah* (Philadelphia: Westminster Press, 1988); Richard E. Rubenstein, *Thus Saith the Lord* (New York: Harcourt, 2006).

351 Diana V. Edelman and Ehud Ben Zvi, eds., *The Production of Prophecy* (Oakville, CT: Equinox, 2010); Oded Lipschits and Joseph Blenkinsopp, eds., *Judah and the Judeans in the Neo-Babylonian Period* (Winona Lake, IN: Eisenbrauns, 2003); Stephen L. Cook, *The Social Roots of Biblical Yahwism* (Leiden, Netherlands: Brill, 2004).

352 Амос 3:2; Пс 104: 44–45. Francis I. Andersen and David Noel Freedman, *Amos* (New Haven, CT: Yale Univ. Press, 2007); Goran Eidevall, *Prophecy and Propaganda* (Winona Lake, IN: Eisenbrauns, 2009); Tchadvar S. Hadjiev, *The Composition and Redaction of the Book of Amos* (New York: De Gruyter, 2009).

353 Мих 6:8. Francis I. Andersen and David Noel Freedman, *Micah* (New Haven, CT: Yale Univ. Press, 2006); сравни Andersen and Freedman, *Hosea*.

354 Амос 5:21–24.

355 О хереме для народов см. Ис 34:1–5; образ Бога в окровавленных одеждах — Ис 63:1–4. Corrine Carvalho, «The Beauty of the Bloody God», in Julia M. O'Brien and Chris Franke, eds., *The Aesthetics of Violence in the Prophets* (New York: T&T Clark, 2010); Matthijs J. de Jong, *Isaiah Among the Ancient Near Eastern Prophets* (Leiden, Netherlands: Brill, 2007).

356 Иеремия о том, что не надо полагаться на Храм, — Иер 7:1–7; угроза предать Израиль закланию (херем) — см. Иер 25:8–11; о хереме в войне против Иакова см. Ис 43:28.

357 Иез 18:1–4. Bernard M. Levinson, *Legal Revision and Religious Renewal in Ancient Israel* (New York: Cambridge Univ. Press, 2008).

358 Antony F. Campbell and Mark A. O'Brien, *Unfolding the Deuteronomistic History* (Minneapolis: Fortress Press, 2000); Jeffrey C. Geoghegan, *The Time, Place, and Purpose of the Deuteronomistic History* (Atlanta: Society of Biblical Literature, 2006); Thomas C. Romer, *The So-Called Deuteronomistic History* (London: T&T Clark, 2006).

359 О Самуиле см. Roy L. Heller, *Power, Politics, and Prophecy* (New York: T&T Clark, 2006). О концепции личной ответственности см. Втор 24:16. Levinson, *Legal Revision and Religious Renewal in Ancient Israel*.

360 Richard Elliott Friedman, *Who Wrote the Bible?* (Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1987).

361 Baruch Halpern, *From Gods to God* (Tubingen, Germany: Mohr Siebeck, 2009).

362 Kaminsky, *Yet I Loved Jacob*.

363 Thomas C. Romer, ed., *The Future of the Deuteronomistic History* (Leuven, Belgium: Leuven Univ. Press, 2000); Albert de Pury, Thomas Romer, and Jean-Daniel Macchi, eds., *Israel Constructs Its History* (Sheffield, England: Sheffield Academic Press, 2000).

³⁶⁴ Eric Nelson, *The Hebrew Republic* (Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 2010); сравни Joshua A. Berman, *Created Equal* (New York: Oxford Univ. Press, 2008).

³⁶⁵ Lipschits and Blenkinsopp, eds., *Judah and the Judeans in the Neo-Babylonian Period*; John F. A. Sawyer, *The Fifth Gospel* (New York: Cambridge Univ. Press, 1996).

³⁶⁶ Мих 4:2; сравни Ис 2:3.

10

³⁶⁷ Mark Twain, *Letters from the Earth*, ed. Bernard DeVoto (New York: Perennial, 1974), 56. Howard G. Baetzhold and Joseph B. McCullough, eds., *The Bible According to Mark Twain* (New York: Touchstone Books, 1996).

³⁶⁸ Norman Lamm, «Amalek and the Seven Nations», in Lawrence H. Schiffman and Joel B. Wolowelsky, eds., *War and Peace in the Jewish Tradition* (New York: KTAV, 2007), 201–38. Robert Eisen, *The Peace and Violence of Judaism* (New York: Oxford Univ. Press, 2011).

³⁶⁹ О поражении египетских первенцев см. Исх 22:18; William J. Webb, *Slaves, Women and Homosexuals* (Downers Grove, IL: InterVarsity Press, 2001); Klaas Spronk, «The Daughter of Jephthah», in Jonneke Bekkenkamp and Yvonne Sherwood, eds., *Sanctified Aggression* (London: T&T Clark, 2003), 10–21.

³⁷⁰ Eric A. Seibert, *Disturbing Divine Behavior* (Minneapolis: Fortress Press, 2009), 220–33.

³⁷¹ Кальвин цитируется по C. S. Cowles, Eugene H. Merrill, Daniel L. Gard, and Tremper Longman III, *Show Them No Mercy* (Grand Rapids, MI: Zondervan, 2003), 17.

³⁷² Soren Kierkegaard, *Fear and Trembling*, ed. Stephen Evans and Sylvia Walsh (New York: Cambridge Univ. Press, 2006), 12–20; Bruce Chilton, *Abraham's Curse* (New York: Doubleday, 2008).

373 Об аргументе «наивысшего блага» см. Seibert, *Disturbing Divine Behavior*.

374 Martin Luther, «How Christians Should Regard Moses», in Timothy F. Lull, ed., *Martin Luther's Basic Theological Writings*, 2nd ed. (Minneapolis: Augsburg Fortress Press, 2005), 124–32.

375 Ис Нав 10:12–13.

376 Edward W. Said, «Michael Walzer's *Exodus and Revolution*», in Edward W. Said and Christopher Hitchens, eds., *Blaming the Victims* (London: Verso, 2001), 161–78; William D. Hart, *Edward Said and the Religious Effects of Culture* (New York: Cambridge Univ. Press, 2000); Walter Brueggemann, *Texts Under Negotiation* (Minneapolis: Augsburg Fortress 1993); Walter Brueggemann, *The Book That Breathes New Life* (Minneapolis: Fortress Press, 2005); Cheryl Anderson, *Ancient Laws and Contemporary Controversies* (New York: Oxford Univ. Press, 2009).

377 W. H. Auden, «Spain 1937».

378 Из многочисленных трудов такого рода см., например, Phyllis Trible, *Texts of Terror* (Philadelphia: Fortress Press, 1984); Elisabeth Schussler-Fiorenza, *In Memory of Her* (New York: Crossroad, 1984); Elisabeth Schussler-Fiorenza, *But She Said* (Boston, MA: Beacon Press, 1992); A. K. M. Adam, ed., *Postmodern Interpretations of the Bible* (St. Louis, MO: Chalice Press, 2001); Susan Frank Parsons, ed., *The Cambridge Companion to Feminist Theology* (New York: Cambridge Univ. Press, 2002); Jacqueline E. Lapsley, *Whispering the Word* (Louisville, KY: Westminster John Knox Press, 2005); Susanne Scholz, *Introducing the Women's Hebrew Bible* (New York: T&T Clark, 2007); Amy-Jill Levine and Maria Mayo Robbins, eds., *A Feminist Companion to Patristic Literature* (New York: T&T Clark, 2008).

379 Мк 7:25–30/Мф 15:21–28: эти две версии тесно связаны, но в них есть значимые различия.

Walter C. Kaiser, Peter H. Davids, Frederick Fyvie Bruce, and Manfred T. Brauch, *Hard Sayings of the Bible* (Downers Grove, IL: InterVarsity Press, 1996), 424–25.

11

³⁸⁰ John J. Collins, *Does the Bible Justify Violence?* (Minneapolis: Augsburg Fortress, 2004).

³⁸¹ Robert O. Ballou, *World Bible* (New York: Viking, 1944), 13. Cp. Robert Ernest Hume, *Treasure-House of the Living Religions* (New York: Scribner, 1933); Robert O. Ballou, Friedrich Spiegelberg, and Horace L. Friess, eds., *The Bible of the World* (New York: Viking, 1939); Lewis Browne, ed., *The World's Great Scriptures* (New York: Macmillan, 1946).

³⁸² Глубокий анализ существенных отличий между религиями — см. Stephen Prothero, *God Is Not One* (San Francisco: HarperOne, 2010).

³⁸³ О концепции религиозного насилия см. Mark Juergensmeyer, *Terror in the Mind of God*, 3rd ed. (Berkeley: Univ. of California Press, 2003); Mark Juergensmeyer, *Global Rebellion* (Berkeley: Univ. of California Press, 2008); Charles Selengut, *Sacred Fury* (Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2008).

³⁸⁴ О скандале в связи с новозаветными ссылками на оружие см. Joseph Rhee, Tahman Bradley, and Brian Ross, «U. S. Military Weapons Inscribed with Secret 'Jesus' Bible Codes», *ABC News*, Jan. 18, 2010, на сайте <http://abcnews.go.com/Blotter/us-military-weapons-inscribed-secret-jesus-bible-codes/story?id=9575794>.

³⁸⁵ G. R. Hawting and Abdul-Kader A. Shareef, eds., *Approaches to the Qur'an* (New York: Routledge, 1993); Suha Taji-Farouki, ed., *Modern Muslim Intellectuals and the Qur'an* (New York: Oxford Univ. Press, 2004); Michaelle Browers and Charles Kurzman, eds., *An Islamic Reformation?*

(Lanham, MD: Lexington Books, 2004); Walter H. Wagner, *Opening the Qur'an* (South Bend, IN: Univ. of Notre Dame Press, 2008).

386 Joseph M. Skelly, ed., *Political Islam from Muhammad to Ahmadinejad* (Santa Barbara, CA: Praeger Security International, 2010).

387 Soren Dosenrode, ed., *Christianity and Resistance in the Twentieth Century* (Leiden, Netherlands: Brill, 2009).

388 Patrick Seale, *Abu Nidal* (New York: Random House, 1992).

389 «When Religion and Culture Part Ways», interview with Olivier Roy by Eren Gvercin, June 5, 2010, at <http://www.signandsight.com/features/2025.html>.

390 «When Religion and Culture Part Ways». Сравни Graham E. Fuller, *A World Without Islam* (New York: Little, Brown and Company, 2010).

391 William T. Cavanaugh, *The Myth of Religious Violence* (New York: Oxford Univ. Press, 2009).

Указатель имен

А

Аарон 28, 229, 318
Абу Заид, Наср 138–139
Абу Нидаль 388
Аввакум 335
Августин 164, 169, 170,
171, 172, 183, 260, 270,
272, 304
Авель 268
Авраам 82, 109, 147, 149,
163, 357, 358
Агаг 25, 72, 204, 211, 223,
233, 234, 237, 262, 320,
344
Агамемнон 75
Айаан Хирси Али 19
Аллах 14, 15, 18, 122, 129,
137, 138, 140, 144, 145,
146, 147, 151, 171
Аман 37, 38, 39, 232, 233,
235, 255, 294, 319, 431
Амос 322, 334, 335, 338,
339, 342
Арафат, Ясир 245
Артакеркс 37
Астрик, Жан 88

Ахаз 108, 116

Ахан 68

Ахум 315

Ашера 70

Аштар-Кемош 74

Ашшур 74, 348

Б

Бааль Шем Тов 296, 432

Баллу, Роберт 378

Баринг-Гоулд, Сабина 285

Барнс, Томас 204, 205

Бегин, Менахем 244–245

Бейли, Джонатан 181, 306

Бен-Гурион, Давид 244, 425

Бен-Иехуда, Нахман 9

Брайен, Уильям Джен-
нингс 367

Брокопп, Джонатан 9

Брэди, Кристиан 9

Бостом, Эндрю 139, 147, 149

Боддлер, Томас 309

Бубер, Мартин 262, 263

Будда 117

Буллингер, Генрих 202,
203, 204

В

Ваал 27, 28, 115
 Варнава 300, 301
 Варух 344
 Вашингтон, Джордж 214, 347
 Вейль, Симона 240
 Вейнфелд, Моше 113
 Вилдерс, Герт 17, 59
 Винтроп, Джон 211, 212, 305
 Вольтер 282, 283
 Вулстон, Томас 94

Г

Гальперн, Барух 9, 327
 Гальтон, Френсис 179
 Гансель 309
 Гаудж, Уильям 203, 204, 205
 Генри, Мэтью 176, 190
 Гиббс, Генри 213—214
 Гидеон 205, 285
 Гиммлер, Генрих 221, 222
 Гитлер, Адольф 17, 221, 246, 307, 387
 Голдберг, Джеффри 255
 Гольдштейн, Барух 251
 Грей, Роберт 211
 Гретель 309
 Гримм, братья 309
 Гроций, Гуго 273, 276, 284
 Грэм, Франклин 17

Д

Давид 92, 93, 100, 106, 165, 320, 327, 364, 375
 Дагдейл Р.Л. 179, 182
 Дагон 27
 Дарроу, Кларенс 367

Дарт Вейдер 264, 265, 428
 Девер, Уильям 98, 101
 Девора 78, 92, 318, 402
 Джалт, Тони 41
 Джемс, Вильям 13
 Дженкинс, Лиз 9
 Джефферсон, Томас 124, 214, 215, 278, 311, 347, 420
 Докинз, Ричард 52, 262, 283, 399

Е

Езра 119, 120, 121, 319, 323, 409
 Езекия 90, 108, 336
 Елисей 61, 344

Ж

Жирар, Рене 42

З

Захария 335
 Зимрий 70, 254

И

Иалдаваоф 265
 Иахаф 315
 Ибн Касира 130
 Ибн Таймия 130
 Иезавель 27
 Иезекииль 334, 335, 342, 344, 349
 Иеремиа 55, 322, 334, 335, 340, 341, 349, 436
 Иесу 54
 Иеффай 354, 432
 Иешуа 54
 Иисус Христос 21, 52, 53, 54, 133, 134, 135, 137,

- 149, 162, 163, 164, 166,
170, 173, 190, 191, 197,
267, 268, 270, 271, 272,
299, 301, 302, 303, 315,
319, 330, 332, 333, 350,
365, 374, 375, 383, 429
- Иисус Навин 24, 31, 48,
49, 52, 54, 62, 63, 67,
68, 69, 73, 75, 79, 80,
84, 88, 93, 94, 96, 97,
98, 104, 105, 106, 112,
114, 121, 161, 162, 163,
164, 165, 167, 183, 191,
192, 193, 198, 200, 203,
205, 213, 214, 215, 216,
227, 233, 244, 247, 260,
263, 264, 267, 282, 283,
285, 289, 293, 301, 303,
323, 326, 366, 367, 373,
375, 377
- Илия 163, 229, 344
- Иоиль 335
- Иосиф Флавий 295
- Иосия 90, 91, 108, 115, 116,
118, 121
- Исаак 358
- Исайя 16, 55, 322, 330, 332,
334, 335, 339, 369
- Иуда Маккавей 227
- Ицхак бен-Цви 237
- Й**
- Йосеф, Овадья 255, 427
- К**
- Каин 267, 268
- Кальвин, Жан 172, 173,
174, 175, 176, 183, 190,
272, 357, 437
- Карл Великий 198
- Кауэлс К.С. 190
- Кахане, Меир 242
- Кемош 73, 74
- Кердон 267, 428
- Кидд, Том 9
- Кинг, Мартин Лютер 339
- Кир 349
- Клинтон, Билл 246
- Кнопперс, Гарри 9
- Коллинз, Джон 21, 377
- Колумб, Христофор 93
- Кон, Норман 417
- Кони, Джозеф 79
- Коннели, Марк 331
- Коперник, Николай 367
- Копэн, Пол 189
- Кортес, Эрнан 281
- Козн, Леонард 327
- Крачковский И.Ю. 392
- Кромвель, Оливер 205, 206,
207, 215, 216
- Кук, Авраам Ицхак 225,
239, 240, 242, 249, 253,
254
- Кук, Гарэт
- Кук, Цви Иегуда 240
- Кьеркегор, Серен 357, 358
- Кэртис, Эдвард 216
- Л**
- Лавджой 355
- Лакиш, Шимон бен 235
- Ламм, Норман 231, 232,
251
- Лесли, Дэвид 207, 208
- Линн 288
- Линд, Уильям 17
- Лукас, Джордж 428
- Льюис К.-С. 297
- Лэмм 353

Лютер, Мартин 93, 201,
218, 219, 311, 352, 363,
364, 365, 367, 368, 378

М

Мазер, Инкриз 213
Маймонид 234
Маквей, Тимоти 28
Мак-Карти, Эндрю 18
Малахия 335
Манассия 108, 116
Мани 269, 270
Мардохей 232, 233
Марк 374
Маркион 52, 54, 267, 268,
269, 270, 271, 283, 310,
314
Маттафия Маккавей 229
Матфей 374, 375
Мбувайесанго, Дора 48
Мернептах 102, 103
Меша 73, 78
Милн А.А. 261
Мириам 317
Митридат 77, 402
Михей 20, 113, 335, 339, 350
Моисей 11, 24, 31, 62, 63, 64,
67, 70, 71, 72, 80, 84, 88,
90, 93, 109, 111, 116, 121,
143, 144, 145, 146, 148,
161, 163, 164, 167, 170,
171, 197, 198, 200, 203,
213, 214, 217, 229, 230,
233, 260, 261, 263, 268,
279, 280, 283, 285, 289,
295, 301, 317, 318, 319,
320, 330, 332, 377, 417
Молох 85
Мордехай 38
Моро, Альдо 389

Мосаб Хассан Юсеф 19
Мухаммед 11, 14, 15, 20,
123, 128, 137, 138, 140,
141, 142, 143, 145, 153,
155, 298, 341, 385, 411
Мэзер, Коттон 212
Мэррилл, Юджин 158, 190,
191, 197

Н

Навон, Моис 249
Насер, Гамаль Абдель 244
Наум 335
Нахман, Самуэль бен 293
Неемия 119, 120, 121, 161,
213, 323, 409, 420
Нельсон, Эрик 348
Нетаньяху, Биньямин 46,
256
Нил Дж. М. 307
Ной 82, 234, 268, 330
Нокс, Джон 202

О

Обасанджо [Олусегун] 223
Ог 70, 161
Оден У.Х. 371
Олбрайт, Уильям Фоксвелл
159, 185, 186, 187, 188
Олмстед Ч.Дж. 281
Ориген 301, 302, 303, 304
Осама бин Ладен 15, 190,
388
Осирис 348
Осия 332, 335

П

Павел 16, 54, 165, 169, 299,
300, 313, 350
Паскаль, Блез 86

Пейн, Томас 261, 280, 281,
283
Писарро, Франсиско 281
Полибий 76, 77

Р

Раав 68, 73, 112, 165, 375
Рабин, Ицхак 252
Райт, Роберт 332, 333
Реаия 315
Ребер, Грегг 9
Реймарус, Герман Самуэль
278
Реймер, Джек 246, 425
Робертсон, Пэт 17
Розен, Израэль 249, 426
Розенталь, Людвиг А. 219
Руа, Оливье 389, 390
Рузвельт, Теодор 214

С

Савл 165
Саид, Эдвард 371
Самсон 22, 23, 27, 34, 46, 47
Самуил 25, 67, 72, 204, 233,
237, 320, 344, 396, 436
Сарид, Йосси 255
Сатурнин 266, 428
Саул 25, 30, 37, 50, 67, 72,
100, 165, 205, 208, 209,
211, 212, 223, 233, 248,
262, 320, 344, 358, 396
Сейберт, Эрик 9, 22
Симпсон, Гомер 355
Сихон 63, 70, 84, 92, 161,
320, 403
Скоупс 367
Соловейчик, Иосеф бер
245, 425
Соломон 93

Спиноза, Барух 88, 229
Стайлс, Эзра 214
Стефан Первоумученик 165
Стюарт, Мария 202

Т

Тамарин, Георгий 288
Таха, Махмуд Мухаммед
138, 139
Твен, Марк 282, 283, 352
Тиглатпалассар III 107
Тиндаль, Мэтью 195, 209,
210, 275, 276, 277, 278,
360, 430
Толанд, Джон 275, 278, 284
Торри Р.А. 182, 183, 313
Трайбл, Филлис 22, 395
Трота, Лотар фон 220–221

У

Уиглсворт, Майкл 212
Уильямс, Роджер 305
Ульфила 311, 312
Уорриор, Роберт Аллен 48
Урбан II 198
Уэйрич, Пол 17
Уэсли, Чарльз 306

Ф

Фавст 170, 183, 270
Феодорит 164, 167
Филон Александрийский 295
Финеес 27, 28, 37, 53, 62,
70, 118, 119, 121, 198,
200, 202, 206, 226, 229,
230, 253, 254, 255, 294,
295, 320, 323, 418
Фландерс, Нед 355
Фолкнер, Уильям 43
Фоссет Э.Р. 208, 209

Франклин, Бенджамин 214
Фрит, Роджер 9

Х

Хабаш, Жорж 388
Хавеа, Джионе 49
Харви, Пол 9
Харкурт, Даниэль 207
Харрис, Сэм 52, 262, 283
Хасан, Нидааль 14
Хитченс, Кристофер 52,
262
Хопкинс, Джон 185
Хорма 219
Хоровиц, Эллиотт
Хоскинс, Ричард Келли 28

Ч

Чарльз I 206
Чени, Элиз 9

Ш

Шарон, Ариэль 255
Шейх Ахмаду Бамба 299
Шекспир, Уильям 309
Шнеерсон, Менахем 297,
432
Шовал 315
Шохетман, Элиав 248

Э

Эйхман, Адольф 236, 237
Элияху, Мордехай 242,
249, 252–253
Элохим 89
Энгельс, Фридрих 220
Эсфирь 38, 232

Я

Ясперс, Карл 334
Яхве 88, 191
Яхве-Нисси 217

Научно-популярное издание

РЕЛИГИЯ. ВОЙНА ЗА БОГА

Филипп Дженкинс

ВОЙНЫ ЗА БОГА: НАСИЛИЕ В БИБЛИИ

Директор редакции *Е. Каплев*
Ответственный редактор *А. Богословский*
Младший редактор *В. Айзатова*
Художественный редактор *П. Петров*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *И. Кобзев*
Корректор *Э. Казанцева*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» ЖШҚ Баспасы, 127299, Ресей, Мәскеу, Клара Цеткин көшесі, 18/5 үй.

Тел 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Қазақстан Республикасындағы Өкілдігі: «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қаласы,
Домбровский көшесі, 3-а», Б литері, 1 кеңсе. Тел.: 8(727) 2 51 59 89, 90, 91, 92,
факс: 8 (727) 251 58 12 Ішкі 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Қазақстан Республикасының аумағында өнімдер бойынша шағымды Қазақстан
Республикасындағы Өкілдігі қабылдайды «РДЦ-Алматы» ЖШС,
Алматы қаласы, Домбровский көшесі, 3-а», Б литері, 1 кеңсе.
Өнімдердің жарамдылық мерзімі шектелмеген

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Подписано в печать 07.05.2013.

Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52.

Тираж 2 000 экз. Заказ 8077.

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru



ISBN 978-5-699-63747-8



9 785699 637478 >